

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

**Мамычев А.Ю., Кравченко А.Г.,
Мамычева Д.И., Мирошкина О.И.**

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ КАК
ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОГО
ЕДИНСТВА И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
УСТОЙЧИВОСТИ:
ЧЕРЕЗ ПРОШЛОЕ В БУДУЩЕЕ**

научно-популярное издание

*Издание подготовлено при финансовой поддержке гранта
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ) № 14-43-93502 к2*

Москва 2014 г.

Аннотация: научно-популярное издание предлагает доступное освещение состояния зарубежных и отечественных научных исследований, посвящённых сущности, историческому развитию, современным характеристикам и особенностям функционирования государственной власти как социокультурного феномена. Основной акцент, при описании современной государственной власти, делается на рассмотрении последней в качестве фактора, обеспечивающего национальное единство и этнокультурную устойчивость с учётом действующих в XXI веке глобальных и цивилизационных вызовов и рисков. В содержании издания даётся системное рассмотрение трансформации институтов российской государственной власти, представляется обзор современных научных исследований в сфере государственного строительства и развития, а также политических программ, моделирующих сценарии развития государственной власти в XXI веке. Отдельный раздел научно-популярного издания посвящён традиционным и инновационным формам обеспечения национально-культурного единства, политико-правовой и этнокультурной стабильности.

Сведения об авторах:

Мамычев Алексей Юрьевич – доктор политических наук, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории российского и зарубежного права Института права ФГБОУ ВПО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса»

Кравченко Артур Георгиевич – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой частного права Института права ФГБОУ ВПО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса»

Мамычева Диана Ивановна – кандидат культурологии, доцент кафедры философии и юридической психологии Института права ФГБОУ ВПО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса»

Мирошкина Ольга Ивановна – преподаватель кафедры теории и истории государства и права «Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Основные направления познания государственной власти. Формирование и развитие властного мышления. Становления российской государственности. Первичные институты власти. Эволюция первичных институтов публичной власти. Становление монархической государственной власти. Монархический государственный порядок. Эволюция царской власти в имперскую. Институты государственной власти имперской России. Становление советской государственности. Эволюция институтов власти в советской России. Формирование и развитие современной (постсоветской) демократической государственности.

ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И СЦЕНАРИЕВ ЕЁ РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ

Глобализация как устойчивый фактор трансформации национальной государственности и этнополитической организации общества. Современные проекты постсуверенного развития государственной власти и этнополитической организации. Проблемы и противоречия в глобальной трансформации национальных систем государственной власти. Основные риски этнокультурной организации общества в XXI веке. Европоцентрическая, имперская (американская) и плюралистическая модели развития государственной власти.

ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ И ФУНКЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

Функциональность (сущность и направления деятельности) как качественная характеристика государственной власти. Основные установки и доктрины к обоснованию функций современного государства: волевая политико-правовая теория; теория субстанционального (органического) единства; рационально-технологическая установка; биополитическая доктрина; социокультурная и этнополитическая доктрина.

ГЛАВА 4. ИДЕЙНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ (ДОКТРИНАЛЬНЫЕ) И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Этнокультурная целостность и политико-правовое единство как основы стабильности и устойчивости общественной системы. Национальная государственность и этнокультурная целостность. Социальный и политико-правовой порядок как целостные явления общественной жизнедеятельности. Современные подходы в понимании порядка социальных и этнокультурных отношений.

ГЛАВА 5. ТРАДИЦИОННЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Проблемы обеспечения социальной интеграции и политического единства в XXI веке. Современные формы социальной интеграции и гармонизации этнокультурных отношений. Евразийский политико-правовой обеспечения социальной интеграции и этнокультурного согласия. Демократическая политико-правовая организация: вызовы и проблемы развития в XXI веке.

ГЛАВА 6. РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ

Социокультурные основы российской государственно-правовой организации как фактор устойчивости и стабильности общества. Российская правовая государственность и этнокультурная целостность. Отечественные традиции и политико-правовые формы обеспечения социокультурной целостности и государственного единства. Ключевые ориентиры эволюции российского правового государства и этнокультурного развития в XXI веке

ВВЕДЕНИЕ

Современное развитие государственной власти неоднозначно и противоречиво. Модернизационные, глобальные и этнополитические процессы, разворачивающиеся в XXI веке, существенно влияют на смысл и социокультурную динамику этого феномена, проблематизируя как в профессиональном сообществе, так и в массовом политическом и правовом сознании сущность, основные функции и задачи, социальную роль государственной власти в политико-правовой жизни людей.

Кроме того, действующие в настоящий момент общемировые процессы социальной и культурной универсализации, массовизации, а также стандартизации политико-правовой организации общества значительно увеличивают цивилизационные риски и этнонациональные конфликты.

В этом плане развитие национальных и региональных жизненных пространств, обеспечение этнокультурной стабильности и единства выдвигают совершенно новые требования к функционированию государственной власти, формированию комплексных (сочетающих традиционные и инновационные формы обеспечения социально-культурной интеграции и национальной безопасности) программ и мероприятий развития государственно-правовой организации общества.

В тоже время в современной научной литературе при анализе форм, обеспечивающих политико-правовое единство общества и этнокультурную целостность, особенно в западноевропейской науке и практике, задающих «тон» исследовательским стратегиям и политическим доктринам, происходит явное игнорирование потенциала государственной власти, как фактора устойчивого и стабильного развития общественной системы. Учёные и политики,двигающиеся в этом направлении, заявляют о предстоящей «новой социально-политической революции», которая сметёт традиционные аксиомы и категории государственно-правового мышления (государство, суверенитет, правовой порядок, политико-правовой статус гражданина, определяемых и

гарантируемых государственной властью) и формы общественного единства (народ, нация, этнос), а затем сформирует принципиально иные формы и технологии социальной интеграции, свободные от юридических и политических конструкций, навязываемых государством в течении последнего тысячелетия.

Если обобщить новейшие достижения в этой сфере научных исследований и политического моделирования, то можно выделить два основных направления, разрабатывающих либо инновационные (неолиберальные) формы социально-политической интеграции и коммуникации, либо революционные (неомарксизм, неоанархизм, космополитизм) формы социального единства. В первом случае массовому сознанию обосновывается, что государство с течением времени все меньше «отводится места» в качестве института, обеспечивающего национально-культурное единство и этнополитическую стабильность. Во втором, напротив, последнее лишается какого-либо важного социального значения в будущем.

Однако, эти два направления достаточно противоречивы, каждое из них моделирует проблемные сценарии этнокультурного развития, предлагают спорные практические проекты инновационной организации и достижения общественного единства. В связи с этим возникают ключевые для понимания современности вопросы: Возможна ли национально-культурная и этнополитическая устойчивость вне государственно-правовых форм организации? Способны ли глобальные гражданские институты и инновационные формы мобильности и социальной интеграции обеспечить стабильную и предсказуемую эволюцию общественных систем и отношений? Сможет ли общество обеспечить порядок (локального и глобального уровней) вне суверенных систем государственной власти? Возможны ли альтернативные сценарии обеспечения политико-правового единства и этнокультурной целостности, сочетающие как традиционные, так и инновационные формы организации и интеграции?

В этом плане настоящее научно-популярное издание предлагает комплексно рассмотреть социокультурную динамику национальной системы публичной власти, основные научные исследования, ориентированные на усложнение общей теории государственной власти и управления, развитие концепции и доктринальных основ трансформации системы публичной власти в российском социокультурном пространстве. Мы убеждены, что в настоящее время востребованными темами для широкого обсуждения являются комплексное понимание сущности и назначения государственной власти в XXI веке, а также традиционных и инновационных форм и технологий обеспечения национально-культурного единства, этнополитической стабильности и безопасности российского общества.

ГЛАВА I. СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Основные направления познания государственной власти
Формирование и развитие властного мышления
Становления российской государственности
Первичные институты власти
Эволюция первичных институтов публичной власти
Становление монархической государственной власти
Монархический государственный порядок
Эволюция царской власти в имперскую
Институты государственной власти имперской России
Становление советской государственности
Эволюция институтов власти в советской России
Формирование и развитие современной (постсоветской)
демократической государственности

**Основные
направления познания
государственной
власти**

Любое явления в нашей жизни, когда то и для чего то возникло, что-то кажущееся естественным и существующим как бы изначально, имеет свою захватывающую, иногда противоречивую историю

становления и развитие. Многие поколения что-то брали от предшествующего и развивали, усложняли, совершенствовали; а что то игнорировали, придавали забвению. Как и в жизни любого человека есть что-то устойчивое, что-то важное, которое может изменяться, но оно всегда остаётся с ним, является неотъемлемым элементом жизни. Таким неотъемлемым элементом общественной жизни является государство. Можно сказать больше государство и общество сформировали друг друга и развивались, усложнялись и изменялись в тесном взаимодействии. В свою очередь центральным вопросом развития государства и общества является проблема власти.

Власть – это центральное, структурообразующие начало любого общества, основополагающий элемент политической и правовой жизни, во многом определяющий мысль и деятельность индивидов, характер их взаимоотношений в различных сферах жизнедеятельности (семье, общине, трудовом коллективе, государстве). Развитие цивилизации повсеместно и неизбежно сопровождается эволюцией власти, усложнением механизма её осуществления. Даже в первом приближении к проблеме очевиден вектор трансформации власти, неумолимая логика истории. Это развитие идёт от простой функции любой формальной или неформальной человеческой группы и общества, связанной с налаживанием совместной деятельности с помощью особых форм и методов (убеждения и принуждения), до современных подходов к власти, когда последняя предстаёт в виде совокупности (сети) властных отношений, «напряжённой игры индивидуальных стратегий», принципиально бессубъективной «воли к власти», а не в виде, казалось бы, ясных и очевидных для любого наблюдателя юридически значимых отношений власти-подчинения.

Поэтому чтобы понять, что представляет собой публичная власть и, в частности власть государственная, следует поговорить о том, как и почему она возникла, как развивалась, почему она в целом представляет собой неотъемлемую часть нашей жизни. От того, для чего мы её создавали, как мы понимали власть государственную на конкретном историческом отрезке времени, какие задачи ставили перед ней, как воспринимали деятельность её представителей, какие образы и ожидания в неё вкладывали, во многом зависит правильное познания данного феномена общественной жизни.

Разнообразные способы, приёмы и инструменты познания сущности, назначения и эволюции публично власти можно обобщено сгруппировать в трёх основных направлениях анализа последней.

Во-первых, это так называемое «гносеологическое направление» (от греч. gnosis – знание, logos – учение) в рамках которого исследователи с помощью анализа научных текстов, официальных документов, публичных высказываний, биографических данных, повседневных шуток, самоочевидных представлений и образом, свойственных тому или иному историческому этапу развития общества, и иных свидетельств, фактов описывают как воспринималась (мыслилась) и познавалась государственная власть. Кроме того в этом направлении исследователей интересует явный и скрытый массив проблем политического и правового развития, которые ставились и решались учёными, общественными и политическими деятелями, а также те темы и сюжеты политической и правовой жизни, которые волновали общество, конкретного человека. Анализ этих данных позволяет исследователям описать стиль политико-правового мышления, его основные характеристики, т.е. как люди думали, какие смыслы вкладывали в те или иные понятия, явления, как воспринимали и трактовали происходящее.

Без учёта последнего не редко, например, читая биографии какого-либо мыслителя или политического деятеля, мы неосознанно воспринимаем факты его жизни, мотивы принятия важных решений, высказывания и поведение с точки зрения собственного мышления, собственных мотивов. Либо проживаем

жизнь за него сами, воспринимая все повороты его судьбы со своей позиции; либо выступаем в качестве «кукловода» – оценивая его решения и поступки из собственной логики и мотивов. Интересным и поучительным примером такой «ментальной ловушки» является современные трактовки высказываний великих мыслителей, без внимания к стилю мышления, свойственного далёкой эпохи. Так, есть известная фраза древнегреческого философа Платона – «вижу гибель государства, которое в своей деятельности не основана на Законе». Очевидно, что для современного человека речь идёт о правовом государстве, в котором любая деятельность государственных органов, должностных лиц должна не противоречить закону и реализовываться в строго установленных законом процедурах и ни как иначе. Однако, если учитывать то, что в период жизни и деятельности Платона (др. греч. , 428 или 427 до н.э., Афины – 348 или 347 до н.э.) преобладал мифо-религиозный стиль освоения и понимания окружающего, то данная трактовка высказывания не становится такой очевидной. А если вчитаться в тексты древнегреческого философа то становится ясным, что речь у него действительно идёт о Законах, но о Законах Кроноса (Горгий 532а), о создании идиллии века Кроноса (или золотого века), в котором действия и мысли каждого обусловлены божественными установлениями. Это, согласитесь, совсем кардинально иная картина мира и трактовка, нежели современная. Так, часто происходит, к сожалению, со многими трактовками исторических событий, текстов, высказываний и т.п.

Во-вторых, это так называемое «морфологическое направление» анализа государственной власти, в контексте которого исследователи обобщают и анализируют архитектуру (устойчивое построение институтов) политической и правовой систем, т.е. как организована государственная власть, какие норма регулирует её функционирование, какие официальные правила и процедуры организуют взаимодействие между обществом и государством, через какие каналы власть влияет на общество, а общество на власть.

В-третьих, это практическое направления, предполагающее анализ технологий, способов и методов публичного управления общественными

делами. Проще говоря это властно-управленческая практика, которая отражает то как управленцы (государственные чиновники) воздействуют на жизнь человека и общества в целом.

Хотя это и отдельные направления анализа, однако именно в системной взаимосвязи они раскрывают сложность и комплексность публичной власти, и её частного вида – власти государственной. Хотя об этом и пойдёт речь ниже все же уточним, что публичная власть это родовое понятие, а государственная – видовое. Государственная власть как сложный политический феномен выступает *специфическим видом* (звеном) *общей системы публичной власти*, которую реализуют различные политические субъекты (политические партии и движения, общественные организации и движения, профсоюзы и т.д.) и иные институты гражданского общества (например, институты власти местного самоуправления), который имеет жёсткую привязку к социокультурному и территориальному пространству.

Формирование и развитие властного мышления
--

Становление властного мышления можно отнести к первоосновам бытия, поскольку власть является неотъемлемым элементом коллективной жизни людей. Поэтому, как только появляются первые сообщества людей, сразу зарождается власть и управление. И в этом нет ничего удивительного, коллективное взаимодействие всегда предполагает формирование центра, которое аккумулирует общие цели, ценности и задачи существования. Даже в первобытном обществе власть и управления имели принципиальное значение для выживания человека и его рода. Например, представьте себе, насколько сложна практика охоты в первых племенных организациях. Необходимо распределить обязанности между теми, кто копает ров для загона живности, кто подготавливает острые колья, кто осуществляет загон самого животного (древние люди, как правило, выстраивались в виде большого коридора и громкими криками загоняли крупных животных в

охотничью ловушку). Но это ещё полбеды. Самое сложное это было справедливое перераспределение добытого продукта между всеми членами рода или племени. А это всегда сопровождалось острыми конфликтами, и в этом случае на помощь приходил властный авторитет.

В любом случае власть как мы видим изначальный и необходимый элемент общественной жизни, а упования на то, что с исчезновением власти наступит свобода и истинный порядок, соображения далёкие от реальной коллективной практики, но об этом подробнее поговорим ниже.

Следовательно, власть *определяет* и *организует* человеческое существование, подобно космическому, божественному порядку, природным законам и т.п. При этом понимание важность порядка, общих правил, по которым выстраивается взаимодействие между личностями (например, в случае распределения жизненно необходимых ресурсов – пищи, воды и т.д.) в пределах определённой социальной общности, вынуждает людей социально конструировать (совместно созидать) властные институты и систему нормирования. Именно этому контексту обязано своим возникновением институты власти, т.к. всюду власть осмысливалась одновременно в качестве и мироустроительного, и мирозидительного начала.

Как показывает в своих исследованиях академик Б.М. Рыбаков, древние славяне во главу угла ставили не только пространственный принцип организации, но также и принцип «центральности», т.е. сосредоточение и объединение пространства и всех членов племени вокруг конкретного символического центра (которое выражала определённая персонифицированная фигура, символизирующая устойчивость и порядок, различающая и защищающая от других враждебных пространств, вносящих хаос в общественную жизнь).

При всём богатстве и разнообразии мифов существовавших у древних славян можно выделить и общий для них стержень – «властвующее начало» также воспринимается и как *институт общения* между сакральным и мирским мирами, а также как *сила осуществляющая регуляцию и упорядочение*

социальной (публичной) жизни, поддерживая тем самым единство социальной общности. В тоже время следует отметить, что функциональное значение институтов власти в религиозно-мифологическом стиле восприятия реальности выражалась в двух противоречивых, но связанных плоскостях, которые, в свою очередь, отражали как *устойчивость*, так и *динамику* общественного развития.

Во-первых, власть рассматривается как некая упорядочивающая, сохраняющая и, соответственно, контролирующая и подавляющая сила. Так, всякое переступание установленных пределов¹ воспринимается как нарушение закреплённого порядка и ритма сосуществования (не только *человека с человеком*, но и *человека с природным и сакральным мирами*), внесение же в общественную жизнь беспорядка хаоса (противоположность упорядоченности) угрожало не только нормальной социальной жизни общности, но и в целом единству человеческого и космического устройства, воспринимаемые как связанные, взаимообусловленные. И поэтому задача власти, а точнее в ком она персонифицировалась (шаман, старейшина, вождь) должны «бороться» с этим социальным злом, так как самым страшным бедствием считалось все то, что грозит несчастьем и гибелью общности.

Следовательно, чтобы сохранить свой понятный мир и племенную общность, люди были вынуждены вступать во властные отношения, помещать себя в некоторые границы/пределы (понятие которых, естественно, отличались у

¹ Понятие предела здесь играет весьма важную смысловую нагрузку, так как именно *наличие границ даёт ощущение порядка*, а «размытость» или «нарушение» последних угрожает разрушению всего миропорядка, мироздания, вызывая процессы социальных переломов, космических сдвигов, природных катастроф. Одним словом, угрожает целостности и «понятности» человеческого существования. Так, у древних славян «предел» носил как физический, так и духовный смысл. В его функции входило, *во-первых*, очерчивание пространства существования (организованного, структурированного), где придорожные столбы (перекрёстки), на которых стояли сосуды с прахом предков, были межевыми знаками, охраняющими эти пределы (границы), защищающие жизнь общины от проникновения хаоса (беспорядка) как в физическом, так и в духовном смысле. *Во-вторых*, они служили символом устойчивости, меры, поддержания порядка, установленного их предками, и потому носили сакральный (священный) характер, который плавно перетекал и на установленные общественные нормы (это можно отнести к одному из первых фактов нормативного сознания, выражающегося в сакрализации установленных общественных норм). Отсюда, например, по заключению выше упомянутого академика Б.М. Рыбакова, понятен суеверный страх, овладевающий русским человеком на перекрёстках: здесь, на нейтральной почве, родич чувствовал себя на чужбине, не дома, за пределами родного поля, вне сферы мощи своих охранительных чуров (бога, идола, дух предков, охраняющие племя).

разных племён, народов), жёстко следовать «правилам игры». Нарушение последних грозило каждому члену общности утратой возможности самоидентификации и социальному отчуждению.

Во-вторых, власть понималась как высвобождающая, преобразовывающая, даже творческая сила, т.е. осуществление власти уже на этом этапе связывается с возможностью произвола (самовластия), с выбором представителем власти и волеустановлением новых границ, правил. Власть в этом плане характеризуется динамическим, преобразующим характером, сохраняя за собой возможность новых выборов и решений. Это принципиальная сознательно-волевая характеристика властной деятельности и управления (о которой речь также пойдёт ниже, в соответствующем разделе).

Обращаясь к становлению институтов власти, следует отметить, что многие исследователи связывают этот процесс различными историческими и этнокультурными особенностями развития страны. Например, с точки зрения известного историка В.О. Ключевского развитие России, как и история самой государственной власти связана с процессами колонизации и укрепления общественной организации в её этнокультурном многообразии. Так, вместе с развитием территории усложнялась и организация государственной власти, формы и способы обеспечения единства этнокультурного многообразия евразийского пространства, техник публичного управления различными, иногда принципиально несхожими укладами жизни различных этнических сообществ. В каждый исторический период перед обществом и властью ставятся проблемы организации целостности политического пространства, установления адекватного «житейского порядка», строя людских отношений, интересов, чувств, нравов и т.п.

С точки зрения других авторов, хотя в их рассуждениях и идёт речь о расширении политического пространства, ведущей причиной формирования и развития институтов государственной власти является диалектическое взаимодействие институтов государства и народа. Интересно, в этой связи то, что сам властный институт Царя сложился как *«ответ на постоянный конфликт*

*между народом и государством как способ психологической защиты... надежда возлагалась часто не на реального царя, а какой-то мифологизированный его образ»*². Здесь важное значение имеет именно то как выстраивались на различных этапах развития российского общества взаимодействия власти и народа, какие формировались механизмы взаимодействия, каналы публичного общения.

Ряд других исследователей развитие институтов государственной власти в России связывают с «модернизационными» и «традиционными» процессами в самом обществе. Так, традиционализм в сфере государственного властвования основан на подчинении институтов власти, прежде всего, высшим нравственно-религиозным ценностям. При этом власть в этих научно-практических построениях оправдана лишь тогда, когда она реализует в своей деятельности высокие духовно-нравственные ценности – справедливости, порядка, защиты веры, этнических и культурных ценностей, традиций и т.д. Само политическое и правовое устройство в этой интерпретации суть только инструменты сохранения традиционных структур сознания, заветов старины, духа предков. Ни власть, ни политические, юридические и экономические институты с позиции концепции традиционализма не обеспечивают единства и целостности сообщества сами по себе, т.к. последнее достигается изнутри, силою духовною, объединяющей людей в известное органическое (национально-культурное) целое. Поэтому основа и смысл институтов государственной власти, *как идеи* и *как формы* публичной организации общества в его этнокультурном многообразии, лежит больше в плоскости социально-политических и духовно-нравственных начал, чем в плоскости юридических, политически и экономических основ.

Например, дореволюционный государствовед М.А. Рейснер, обобщая теоретико-методологические и практические наработки в исследовании

² *Лурье С.В.* Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994. С. 131.

государственной власти своей эпохи (М.Н. Коркунова, Л.И. Петражицкого и др.), отмечал:

«понятие государства есть не только определение существующего, но и пропаганда должного. Идея государства есть сама по себе политическая программа... И если само государство есть не что иное, как организованное посредством идеи государства массовое поведение людей, то и государственная власть, население и территория суть лишь понятия или идеи, при помощи которых организуется политическое поведение. Психологический характер проявлений власти настолько очевиден, а сама государственная власть, существующая лишь в психике, а в частности в сознании людей, настолько лишена материальных признаков, что никто не откажется считать государственную власть именно идеей, проявляющейся реально лишь постольку, поскольку люди делают её принципом своего поведения»³.

Обратим внимание, что эта устойчивая черта этнокультурного самосознания характерна многим народам и этническим сообществам в российском социокультурном пространстве. Например, большинство современных социологических исследований фиксируют стремление к духовно-нравственному обоснованию государственной власти, социально-нравственной (идеократической) ответственности властно-управленческой элиты. Так, социально-политические исследования фиксируют, что в современном российском обществе доминирует не персонцентричная модель легитимации (оправдания) государственной власти и харизматическая практика наделения лидера государства высокими духовно-нравственными атрибутами, а, напротив, присутствует потребность в формировании морально-правовой системы ответственности публичной власти и реализующих ее лиц (должностных лиц различного уровня и ранга).

Политико-психологические исследования, проведённые группой исследователей под руководством Е.Б. Шестопаля, выявили высокую степень тревожности людей, обусловленную, прежде всего, духовно-нравственным

³ Рейснер М.А. Государство. Часть I. Культурно-исторические основы. М., 1911. С. 13 – 14.

несовершенством действующей системы государственной власти и её представителей. Эти тревоги связаны:

«не столько с экономическими проблемами, хотя те и лежат на поверхности, сколько с ощущением отчуждённости власти от общества, её несправедливостью и своекорыстием, отсутствием моральных опор. Это "гуманитарное измерение", связанное с ценностями, настроениями и моральным климатом, очень слабо проработано у модернизаторов»⁴.

Причём данные основания системы государственной власти слабо проработаны и у современных консерваторов, о чем будет сказано ниже, поскольку и действующая консервативная идейно-политическая платформа не придаёт этим ценностям большого значения.

Модернизм в сфере государственного властвования направлен на улучшения социально-экономической жизни общества и его конкретного индивида. По своей сути власть приобретает в этом плане технократический характер, оценивается и воспринимается с формальных предпосылок, т.е. с точки зрения внешнего устройства, эффективности осуществления возложенных на неё ценностей. Модернизация представляет собой идеализацию некоторой универсальной сущности, годной для всех, представляющей общий путь, на который должно вступить все человечество, подчинив этому идеалу духовную и материальную жизнь (путём переноса, копирования структур, институтов, технологий и образа жизни у тех государств, которые уже идут по этому пути).

С точки зрения традиционализма последовательное воплощение принципов модернизации приводит в конечном итоге к тому, что известная «культур-цивилизационная целостность» разрушается в пользу особого универсального типа цивилизации. За что та или иная культура, как метко и ёмко замечает В.Г. Федотова – «платит жизнями, отказом от традиций, упрощёнными схемами и насильственной практикой их достижения».

⁴ См. об этом: *Шестопал Е.Б.* Политическая повестка дня российской власти и её восприятие гражданами // Политические исследования. 2011. № 2. С. 22 – 23.

Поэтому в рамках научного направления, рассматривающего соотношение традиционных и модернистских векторов развития, эволюция российской политико-правовой организации представляла собой маятник, который раскачивался между этими двумя антагонистическими проектами, структурируя под каждый из них систему государственной власти. В свою очередь, диалектическое взаимодействие данных политических проектов в ходе саморазвития общественной системы приводят к эволюции государственности, отражают специфичность и закономерность российских исторических процессов.

В последнее время появляются научные исследования, которые напротив указывают что изменения, инновации, с одной стороны, и традиции, заветы прошлого поколения, духовно-нравственные достижения общества и отдельных этнокультурных сообществ – с другой, являются важными и взаимообусловленными направлениями развития. Так, в научных школах неоинституционалистов (политология, социология) и в правокультурных (юриспруденция, антропология и др.) направлениях исследования доказано, что изменения (качественное совершенствование) как революционные, так и эволюционные опираются и вписываются в существующую общенациональную и этнокультурную традицию.

Каждое нововведение, инновационный прорыв адаптируется и «переваривается» в общенародном «организме» и в повседневной жизнедеятельности локальных, отдельных этнокультурных сообществах. Причём «усвоение» какого либо инновационного продукта или значимого изменения весьма разная и специфична. Маститый западный социолог и политолог С. Эйзенштадт отмечает, что каждое сообщество имеет реальные и символические (образы, символы и т.д.) события прошлого, порядок и образы которого являются ядром коллективной идентичности, определением меры и природы его социальных и культурных изменений. Традиция в обществе служит не только символом непрерывности, но и определителем пределов инноваций и одним из важных критериев их законности.

Таким образом, в рамках этого направления обосновывается, что современная государственная организация представляет конвергационную (от лат. *converge* – сближать, смешивать, схожеть) взаимообусловленность предшествующих этапов развития и будущих перспектив и целей. Думается бессмысленно спорить с известным русским государствоведом А.Д. Градовским, когда он отмечает:

«государство, как всякое историческое явление, подчинено условиям развития, законам прогресса, т.е. его формы переходят от одного относительного принципа, годного для одного времени, к другому, годному для времени последующего... Государство, провозгласившее безусловную годность данных, следовательно, переходящих, начал своего строя, рискует вызвать противоположные идеалы, столь же безусловные и неустойчивые. Отрицаясь от новых требований жизни, оно даёт силу утопии; отказываясь от прогресса осуществляемого, оно, в конце концов, сталкивается с идеалами неосуществимыми»⁵.

Более того, утверждение о том, что источником эволюции государственных институтов власти становится конфликт между властью и народом, тоже чрезвычайно преувеличено. Так, например, С. Лурье анализируя истоки и проявления этого конфликта, в конечном итоге приходит к заключению, что

«оппозиция русская община – Российское государство оказывается на поверку неверной. Даже в своих крайних антигосударственных проявлениях русские оставались, по своей сути, государственниками»⁶.

Для этого достаточно вспомнить Смутное время, когда государство, с его системой органов и учреждений, прекратило в принципе существовать, но было восстановлено силою народного государственного мышления, при широкой поддержке земства (выборные представительные органы в дореволюционной России). Так, например, в политических кризисных ситуациях, «слабости» институтов государственной власти, вся полнота власти возвращалась земским

⁵ Градовский А.Д. Сочинения. СПб., 2001. С. 24 – 25.

⁶ Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994. С. 143.

соборам, которые принимали государственно-значимые решения (определения устройства государства, политические приоритеты и цели развития и т.п.), становящиеся нормативно значимыми для всего народа русского.

Становление российской государственности
--

Рассмотрев различные подходы к пониманию становления и эволюции политической организации обратимся к социально-политическим процессам зарождении российской государственной власти.

Этот вопрос в настоящее время до сих пор остаётся открытым, спорным. Существуют различные точки зрения на эту проблему. Так, например, В.О. Ключевский, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев считали, что истоки зарождения русской государственности и формирование отечественной политической и правовой традиции следует относить уже к IX в. Причём, С.М. Соловьёв, например, настаивает на том, что эволюция институтов государственной власти представляет собой единый историко-культурный процесс, хотя в его рамках и существуют различные виды, типы государств. В.О. Ключевский также рассматривает историю России как некое «вековое движение», продолжающееся до наших дней, выделяет четыре основных периода развития: днепровский, верхневолжский, великорусский, всероссийский.

Иначе к этому вопросу подходили историки российской государственности, придерживающиеся евразийской концепции – П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Л.Н. Гумилёв, Г.В. Вернадский и др. Так, они обосновывали огромное влияние на развитие российской государственности и политической культуры татаро-монгольского элемента. Л.Н. Гумилёв, исходя из этого вообще отмечает, что Древнерусское государство и государство российское, по сути, два разных политических типа, с разными политическими проектами строительства системы государственной власти, её осуществления и легитимации. Он отмечает, что уже в XIVв. «прежняя Киевская Русь канула в небытие. Ни политического, ни этнического единства русских больше не

существовало. Люди остались, но сама система власти и организации отношений между людьми оказалась разрушенной окончательно»⁷. Единственной связующей нитью для русских людей XIV в., по мнению Л.Н. Гумилёв, оставалась православная вера. К 1380 г. Древняя Русь «растворилась» в Литве и Московской Руси, соответственно, древнее политическое и правовое устройство канули в лету, преемственность развития российского общества и публичной власти осуществлялось только на основании духовно-нравственном.

Сам «миф о Киевской Руси» по мнению современного политолога А.Г. Дугина формируется в монгольскую эпоху, как ностальгия по «золотому веку», представляет определённого рода идеологический проект, имеющий «мобилизующий» характер для будущего государственного возрождения и связи исторических этапов государственного развития. Именно из Московской Руси, опирающейся на православную веру и этническую (этнокультурную) терпимость, начал постепенно выкристаллизовываться новый тип политической и правовой организации, существенно отличающаяся от Древнерусского периода.

По утверждению другого известного историка В.О. Ключевского, «народ становится *государством*, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона». Именно только в государстве, отмечает историк, «народ становится не только политической, но и исторической личностью с более или менее ясно выраженным национальным характером и осознанием своего мирового значения»⁸. Следуя этой посылке, можно признать разумность и обоснованность точки зрения Л.Н. Гумилёва и ряд других исследователей.

Вся история Евразии, по мнению Г.В. Вернадского, представляет собой последовательный ряд попыток создания единого всеевразийского государства: «Попытки эти шли с разных сторон – с востока и запада Евразии. К одной цели

⁷ Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. М., 2002. С. 135 – 136, 160.

⁸ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. I. С. 42.

клонились усилия скифов, гуннов, хазар, турко-монголов и славяно-руссов»⁹. И только усилия славяно-руссов увенчались, с точки зрения учёного, успехом: образовалось единое евразийское государство. Древняя Русь со своими вечевыми практиками, разобщённым мирозерцанием была неспособна выжить на этом пространстве и приспособиться к изменяющимся условиям, здесь, прежде всего, требовалось «наличие единого и целостного государственного мирозерцания», объединяющего разные этнокультурные сообщества.

Таким целостным государственным мирозерцанием, по его мнению, было проникнуто только Московское царство. Поэтому Г.В. Вернадский настаивает, что процессы по формированию единой российской государственности стали возможны только в Московский период. Этому сопутствовало два фактора – *монгольский* и *византийский*. Монгольское наследие выражено в восприятии опыта формирования огромного государства, включающего разные этносы и народы. Византийский опыт представил духовно-нравственные основы формирования государственного единства – православное государство. Отсюда «монгольское наследие облегчило русскому народу создание *плоти* Евразийского государства. Византийское наследство вооружило русский народ нужным для создания мировой державы *строем идей*»¹⁰.

Стоит отметить также, что идея единой в политическом и духовном смысле российской государственности становится фактом народного сознания, как отмечают современные исследователи, начиная с XV в., и особенно утверждается в XVI – XVII вв. До сей поры подготавливался фундамент, *условия* для осуществления этого политического и правового единства.

Начиная с митрополита Киевского Иллариона (сер. XI века) русские книжники стремятся обосновать «величие и красоту земли русской», её целостность и необходимость защиты последней единой властью, формируя тем самым целостное и специфическое политико-правовое общества. Так, в «Слове о Законе и Благодати» XI в. Илларион пишет, что князь должен

⁹ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М., 2002. С. 31.

¹⁰ Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 35.

управлять на земле Русской, которая «ведома и слышима всеми четырьмя концами земли», как «единодержец земли своей».

С XIII в. в отечественном государственном самосознании начинает преобладать идея гибели Руси, связанная с тем, что каждый «печётся своим интересом», а не «отеческим» (государственным), а монголо-татарское нашествие мыслится как Божья кара за забвение христианских норм морали и правил жизни. Все древние источники этого периода – «Слово о погибели Русской земли», «Слово о Полку Игореве» – подчёркивают природное единство Земли Русской, призывают к восстановлению единства державы, обосновывается идея спасения Руси посредством единения всех сил, которое становится самой значимой потребностью для выживания общества.

Подобного взгляда на формирование единой государственности придерживаются и христианские учёные мужи. Так, митрополит Иоанн (Снычев) в своих очерках о русской историософии замечает, что «поучения Владимира Мономаха, самодержавные устремления святого Андрея Боголюбского, кропотливый труд московских князей по собиранию Руси – все это лишь этапы становления русской державности, завершившиеся двумя царствованиями – Иоанна III и Иоанна IV и утвердившие национальное единство, освящённое в своих истоках и целях святынями веры»¹¹.

Поэтому, можно заключить, что развитие отечественной государственной власти и политической традиции «было воплощением определённой исторической закономерности, проявлявшей себя в деятельности ряда предшествующих государственных образований»¹². Так, вся история Евразии, как показал на огромном количестве исторического материала Г. В. Вернадский, «есть последовательный ряд попыток создания единого всеевразийского государства. Попытки эти шли с разных сторон – с востока и запада Евразии. К

¹¹ Митрополит Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания / Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб., 2004. С. 95.

¹² Кожин В.В. О евразийской концепции русского пути /О русском национальном сознании. М., 2002. С.232.

одной цели клонились усилия скифов, гуннов, хазар, турко-монголов и славяно-русов»¹³.

Причём, историки государства и права отмечают, что эти исторические тенденции во многом обуславливали не только становление государственности, эволюцию институциональной и правовой системы, но и существенным образом влияли на специфику взаимоотношения – человека и государства, государственной власти и отдельных территорий и т.д. Ещё в Киевской Руси выделяют подобные тенденции, однако, полностью они нашли своё воплощение в Московском государстве. Так, В. Пузанов замечает, что древняя славянская «история наполнена драматическими событиями, связанными с попытками Киева распространить свою гегемонию на окрестные племена. Процесс этот был длительным и протекал далеко не мирно и не гладко. Только ко времени Владимира можно говорить о его завершении в общих чертах и сложении грандиозного суперсоюза, охватившего большую часть территории Восточной Европы»¹⁴.

С точки зрения М. Ф. Владимирского-Буданова, вообще вся история политического развития российской государственности – есть единое движение по созданию целостного государства на евразийском континенте, это развитие идёт от меньших единиц к более крупным. Другого устойчивого политического у России существовать не может, любое деление территорий на малые единицы с их политической автономностью неизбежным образом ведёт к краху отечественной государственности. Вся история России, как ещё замечал В.О. Ключевский, – это воссоединение, расширение и сплачивание различных территорий и этнокультурных традиций в единое целое – русское государство.

¹³ Вернадский Г.В. Указ. раб. С. 31.

¹⁴ История России: Народ и Власть / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2001. С. 25.

Первичные
институты
публичной власти

Формирование национальных публично-властных институтов генетически связано с общинным строем, появлением различных видов деятельности (разделение труда) и, соответственно, форм взаимоотношения между людьми, ослаблением родоплеменных связей, что приводит к усложнению социальной структуры общества, к развитию властных сфер влияния, функций и структур. По мнению историков государства российского, первоначальными институтами публичной власти являлись: князь, боярская дума и вече (народное собрание).

Все эти три элемента власти не существовали друг без друга, не были изолированными и самодостаточными, а образовывали некоторую «симфонию», в совместном осуществлении государственных целей и задач. Так, например, *княжеская власть* находилась в органичном единстве с двумя остальными элементами власти, князь считался институтом власти, сформированным народом, который выполнял оборонительные (военные) и административные функции.

Институт княжеской власти, как замечает историк И.Я. Фроянов, является добровольной передачей *прав* и вместе с тем *обязанностей*, обусловленных постоянно усложняющейся социально-политической организацией общества и внешне-политической ситуацией. Причём сам институт княжеской власти берет свои истоки в родоплеменных союзах, перетекая и в общинную организацию жизнедеятельности. Так, у южных славян князем называется старейшина, который концентрирует в своей персоне все управленческие и духовно-идеологические функции. В землях восточных славян институты княжеской власти существовали, вообще, ещё до появления варяг.

Стоит отметить, что институт княжеской власти не был персонифицирован, не связывался с конкретной личностью, а принадлежал целому роду, с которым происходила первичная идентификация личности. Наследственный способ передачи власти в рамках определённого рода, а точнее родовое право на верховную власть, является наиболее древней и

архаичной политической практикой преемственности власти практически у всех древних народов, в том числе и у древних славян.

С приходом варягов система властвования трансформируется в удельную систему княжения, здесь власть рода разделяется между её представителями по территории. В рамках сложившейся политической традиции порядок наследования столов (отдельных территории) был сообразен порядку старшинства членов рода. Описывая этот политический порядок властвования, В.О. Ключевский выделяет две основные его характеристики: *первая*, заключалось в том, что верховная власть, была понятием собирательным, она принадлежала всему княжескому роду; *вторая*, – отдельные князья временно владели определёнными частями русской земли. Право на власть наступало у члена рода с момента рождения, тем не менее, действительное осуществление властных полномочий наступало лишь с момента совершеннолетия. Однако по сложившемуся обычаю, это право подтверждалось избранием князя народным собранием.

Таким образом, княжеская власть на первоначальном этапе становления институтов публичной власти была производна от власти веча, она опиралась на местные советы и дворцово-вотчинную систему властвования. Вече и князь заключали между собой политические договоры («ряды»), в содержание которых входило взаимное установление прав и обязанностей, порядок их взаимоотношения и функциональной компетенции каждого из этих институтов власти. Поэтому, в случае нарушения «одиначества» князя и веча, ему могли отказать в занятии стола, сопровождающейся полной политической отчуждённостью. Отсюда появляются князья изгои, которые вместе со своей дружиною отправлялись искать новые земли, как правило, на окраины государства, тем самым, расширяя его, включая новые территории к удельно-родовой системе правления.

Однако не стоит преувеличивать роль княжеской власти на становление политических институтов и взаимоотношения между ними. Варяжские князья застали везде не только готовый политический строй, но, что более важно, уже

сформированное государственное мышление, представления об институтах власти, их социальной роли и значении. Причём «мнимое единодержавие» князей никоим образом не изменяет и «не разрушает самобытность земель», а вписывается и «подчиняется» общим закономерностям их развития.

Так, княжеская власть способствовала во многом сближению земель, продолжению общих закономерностей развития евразийского политического пространства. Поэтому княжеская власть и удельная система на данном этапе развития, по заключению М. Ф. Владимирский-Буданова, *выполнила свои исторические задачи: привела не к раздроблению мнимого единства государства, а, наоборот, к большему слиянию прежних отдельных земель, и в будущем к образованию двух больших, централизованных государств: Московского и Литовско-Русского.* Ту же заключения мы можем проследить и у другого историка В.О. Ключевского, который замечал, что уже в XI – XII вв. «оба термина *Русь* и *Русская земля*, не теряя географического значения, являться со значением политическим: так стала называться вся территория, подвластная русским князем, со всем христианским славяно-русским ее населением»¹⁵.

Вече, как элемент публичной власти существовало у славян с незапамятных времён, являясь высшим органом народного самоуправления и суда. И. Я. Фроянов отмечает, что вече есть «народное собрание, являющееся частью социально-политического механизма древнерусского общества», решения которого являлись обязательными и непререкаемыми для все остальных институтов публичной власти. Причём, вече, «несмотря на свой главный (простонародный) состав, не есть орган власти одного (низшего) класса, а сочетает в себе и оба других элемента власти и есть власть общеземская. Эта форма государственной власти создана не во имя борьбы с двумя остальными (понятие борьбы чуждо русскому государственному праву),

¹⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. I. С. 178.

а для единения, т.е. для решения земских дел общей волей князей, бояр и народа»¹⁶.

В целом развитие вече как института коллективного управления проходит три основных этапа. *Первый этап* характерен для родоплеменной организации, где все взрослые мужчины участвуют в осуществлении публичной власти. При расширении рода и территории, при переходе к общинному житию эта форма народного собрания сохраниться не могла, она уступает место собраниям старейшин из всех общин. В этом смысле *второй этап* развития вече (IX – X вв.) историки связывают с переходом от племенного собрания к городскому, т.е. к собственно политическому. Здесь для выработки государственных решений собираются в старейший город лучшие представители всей земли и обсуждают земские вопросы в присутствии горожан этого города. Такая форма народовластия в последствии видоизменится и разделится на два учреждения – боярскую думу и собственно вече. *Третья эпоха* вечевых собраний (XI – XIII вв.) – «есть эпоха полного выделения этой формы власти в самостоятельную (как собрание простых граждан) и полного развития её прав. Она совпадает со временем окончательного установления власти старших городов»¹⁷. Здесь устанавливается единый земский союз, в котором объединены волости и пригорода (вторичные города-государства, провинции) под власть старшего города (первичные города государства). Происходит первое формирование идеи государственной целостности, поддерживаемое традицией родового княжеского права, согласно которой «вся Русская земля» (впервые это выражение начинает применяться в произведении киевского митрополита Илариона в XI веке) соединялась правом княжеского рода на власть.

Судя по историческим источникам, в народном собрании на этом этапе принимали участие в основном граждане города, хотя в некоторых случаях отмечается и участие прихожан в вечевом собрании, «но так как фактически собрание всех жителей государства, при общности территории, становится

¹⁶ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д., 1995. С. 78.

¹⁷ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 77.

невозможным, то действительное участие прихожан (которое не возбранялось, а наоборот гарантировалось обычным правом – *авт.*) бывает лишь *случайно* и не *необходимо*»¹⁸. Это привело к тому, что вече как институт публичной власти превратился из общеземского института в аристократическое собрание, поскольку на него начинают с XIII по XIV века приглашаться крупные собственники и политическая элита.

Боярская дума являлась также неотъемлемым и важнейшим элементом публичной власти и представляла собой собрание (совет) лучших людей («бояре думающие») каждой земли, которые вместе с князем решали основные земские вопросы. Как правило, такой совет существовал в одном из старших городов. Нередко в летописях такой совет называется дружиной (по отношению к князю), однако, под последней все же понималась лишь старшая дружина – бояре. При этом в состав боярской думы входят не только высшие служивые люди – бояре, но земские бояре – старейшины, а также после крещения Руси в заседании боярской думы участвуют высшие духовные сановники.

Ряд исследователей связывают с появлением совета при князе становление самой государственной власти с её аппаратом (князь по своему праву собирает дань и делится ею со своей дружиной, которая в конечном итоге превратилась в определённый правительственный, чиновничий класс), а так же постепенное отчуждение этой власти от народа (народных собраний) и осуществление последней определённой группой (властной элитой) на профессиональной основе. В обязанности данного политического института входит создание эффективной системы обороны и администрирования на определённой территории. Как замечает историк Б.Д. Греков, народные собрания надо отличать от совещания киевского князя с боярам, поскольку первые представляли собой неизжитые остатки родоплеменного строя, а вторые являлись следствием укрепления княжеской власти, отделения власти от народных масс, уже успевших выйти из родового общества.

¹⁸ Там же. С. 77.

Таким образом, старая родовая организация, в конечном итоге, уступает место новой форме публичной власти, тем не менее, сохраняет основные демократические институты. Эпоха становления этих публичных институтов власти получила условное название «эпохи военной демократии». Это была демократия, поскольку, несмотря на имущественное и общественное расслоение, племенная верхушка была вынуждена считаться с мнением рядовых членов племени. Наряду с дружиной, определённую роль в управлении обществом играют все взрослые боеспособные мужчины племени, образующие народное собрание. Сохраняются и другие родовые учреждения: вожди, совет старейшин. Но характер этих учреждений существенно изменяется. Вожди и старейшины, представляющие богатые патриархальные семьи и опирающиеся на вооружённую дружину, фактически решали все дела. Народное собрание, как правило, лишь выслушивало их решения. В результате органы общественной власти все более отрываются от народа и превращаются в органы государства.

Эволюция
первичных
институтов
публичной власти

С усложнением политической организации общества, княжеская власть отставала за развитием государственных форм, поскольку была основана на родовых признаках и представляла собой «полукочевой образ правления», т.е. сами князья, со своей дружиной, не заботясь о территории, вели кочевой образ жизни. «Постоянное передвижение князей со стола на стол и сопровождающие его споры роняли земский авторитет князя... Он (князь) приходил и скоро уходил, был политической случайностью для области, блуждающей кометой»¹⁹. Хотя подобное «движение» князей на начальном этапе объединения земель сыграло свою позитивную роль (например, распространение одинаковых политических,

¹⁹ Ключевский В.О. Указ соч. Т. I. С. 200.

культурных понятий, форм и традиций на всей территории подвластной княжескому роду), в дальнейшем же привело к политической раздробленности.

Расширение княжеского рода, появление параллельных ветвей, когда старшинство физическое часто расходилось с генеалогическим, привело к нарушению родового права преемственности власти. Последнее, по мнению С.Д. Домникова, явилось главным источником бед, который коренится именно в «самом механизме наследования, так называемом родовом княжеском праве, согласно которому все члены княжеской фамилии имеют родовое право на власть над Русской зелью»²⁰.

В свою очередь, для решения конфликтов наследования вырабатываются две основные политические практики и соответствующие им политические институты, призванные разрешать вопросы старшинства и порядка владения. *Первая практика*, – это договорное решение данных вопросов на *совете князей*, где пытались создать условия политической преемственности власти (иногда в противовес физическим и генеалогическим условиям). Здесь заключались договоры и соглашения между князьями о порядке занятия столов.

Вторая практика, – это разрешение конфликтов оружием, т.е. междоусобными войнами. Причём эта борьба с оружием в руках за власть была не нарушением, отрицанием междукняжеского права, а только средством для его восстановления и поддержания, основной целью тех и других было восстановить действие этого порядка, а не поставить на его место какой-либо новый.

В этой ситуации немалую роль в осуществлении публичной власти начинает играть совет князей, который должен был выполнять консолидирующие политические функции, примерять враждующие стороны, определять порядок распределения власти и движение в княжеском роде и т.д. Однако как показала дальнейшая практика, этот институт не смог, да и не мог в рамках родового права, осуществить координацию и единство власти на

²⁰ Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., 2002. С. 280.

русской земле. Примечательно и то, что межкняжеские договора не получали одобрения народным мнением («согласием земли»), как это практиковалось ранее, в силу чего они не смогли утвердиться в качестве правомерного, легитимного способа разрешения конфликта. Общим итогом может служить то, что княжеская власть так и не смогла утвердить порядок на огромном пространстве русской земли, которая объединялась на основе не политического, а генеалогического принципа.

Киевский и удельный период в развитии отечественной государственности наглядно продемонстрировали, что существующие институты и практика властвования не могут отвечать закономерностям развития территории. Эти периоды «в некотором смысле отразили образ блуждающей власти на блуждающем пространстве. Результатом непрочности отношений власти и земли явилось дробление власти (на династические ветви) и земли (на уделы) и их последующее покорение Золотой Ордой и Великой Литвой»²¹.

Выше рассмотренные, три основных властных института действовали совместно при осуществлении публичной власти и во многом определяли происходящие события, однако, с XIII века происходит рассогласование в их деятельности, каждый элемент власти пытается «узурпировать» власть, а политическое противостояние между ними приобретает небывалую остроту. Все это приводит к ослаблению и разделению русской земли на отдельные, автономные области под властью стольного города. Политический, культурный и военный союз практически прекращает своё существование. От полного распада русской земли, по мнению теоретиков евразийской школы, спасает сначала монгольское иго (которое сыграло большую и положительную роль в становлении российской государственности), а затем возвышение московского княжества и собиравание вокруг него раздробленных земель, возникшее вследствие увеличения княжеского рода, с последующим установлением культурно-духовного, политического и социально-экономического единства.

²¹ Домников С.Д. Указ. соч. С. 316.

Начиная с XIV века, княжеская власть становится главной политической силой, влияющей на развитие русской государственности. Этому были свои политические, экономические и идеологические предпосылки. Так, с XI века в летописных книгах, в трактатах «книжных мужей» обосновывалось не только единство земли русской и всего христианского народа, но и особый статус князя. В функции княжеского института, который начинает восприниматься народным (обыденным) политическим мышлением в качестве государственного, входит уже не столько разрешение внешнеполитических проблем, сколько «забота» о внутреннем обустройстве жизни общества, обеспечении порядка и справедливости.

С принятием христианства сакрализация власти переносится с института вече на княжеский институт. Если в Древней Руси власть князя не имела почвы для обожествления, сам княжеский институт власти по представлению славян был сугубо земным институтом, сакральной являлось не персону самого князя, а вековые традиции, устойчивые общественные отношения, который олицетворял институт вече. Эти вековые традиции были связаны с культом предков и Матери-земли. Однако после принятия христианства, процесса объединения русских земель вокруг московского княжества и установления стабильной («оседлой»), централизованной власти, сакральный характер власти придаётся княжескому (*велико княжескому*) институту.

Становление монархических институтов власти

Установление монархического (самодержавного) политического устройства связывалось, прежде всего, с внешнеполитической независимостью и стабильностью самой власти. В этом смысле замена

княжеского титула на царский (самодержавный) связываются именно с олицетворением в образе «царя всея Руси» христианского единства и независимости государства. «Оба эти термина, – указывает В.О. Ключевский, – значили не то, что стали значить потом, выражали понятие не о государстве с

неограниченной внутренней властью, а о властителе, независимом ни от какой сторонней внешней власти, никому не платящей дани»²².

Как уже отмечалось выше, государственная централизация является необходимым этапом поступательной эволюции политической организации общества и внутренней закономерностью генезиса самой российской государственности. Немалую роль в становлении российского государства сыграла и Русская Православная Церковь, которая стала не только одним из важнейших факторов духовно-религиозного единства русского народа, но и создала основополагающий каркас общественного и политического единства.

Поэтому, с XIV века постепенно на подготовленной идеологической почве начинает формироваться качественно новое явление – единая, в политическом смысле, российская государственность. В свою очередь, Москва становится символом этого единства, превращается Церковью в наследницу и носительницу истиной православной веры («сияет и светит как солнце в центре русской земли»), в единственно признаваемый центр духовной и политической власти, от которого уже простираются солнечные лучи на всю территорию земли русской.

На утверждение единой системы государственной власти влиял ряд политических и духовно-религиозных факторов. В *политической сфере* был принят совершенно новый принцип государственного строительства – принцип этнической терпимости, привлёкший на государственную (чиновничью, военную и т.д.) службу наиболее подготовленных и опытных людей с различных частей света: на московскую службу вступали татары, литовцы, половцы и др. Появление «новой» боярской знати и новой управленческой элитой создало предпосылки для укрепления, как самого великокняжеского статуса, так и государственного значения Москвы.

Все процессы институционализации направляются единой политической идеей – развитие и укрепление мощи и единства государства, т.к. последнее обеспечивает: *во-первых*, единство земли русской; *во-вторых*, сохраняет

²² Ключевский В.О. Указ. соч. Т. II. С. 115 – 116.

истинность православной веры (утерянную другими народами после Флорентийской унии). Это политическое и религиозное обоснование в конечном итоге завершает территориальное сбирание северо-восточной Руси московским княжеством, что превращает последнее «в национальное великорусское государство» и сообщает «великому князю московскому значение национального великорусского государя».

При этом построение единого государства опиралось на принцип «первичности *прав каждого народа* на определённый *образ жизни*. На Руси это принцип воплотился в концепции соборности и соблюдался совершенно неукоснительно»²³. Этот этнокультурный принцип создал предпосылки для становления монархической политической системы, в рамках которой утверждались не только права отдельного человека, класса, слоя, но и, что более важно, права общности, социального целого. Не свойственно отечественной политической традиции было и противопоставление индивидуальных и общинных прав, последние находились в известном симфоническом единстве – на индивидуальных правах основывались общинные, которые (через деловые обыкновения, обычное право) обеспечивала реализация первых.

Становлению монархической политической системы не была чужда и традиция общеземской легитимации (оправдания) власти, а также её ограничение народным мнением. Эти социально-политические основы власти были весьма действенными, опирались не на правовую норму, а на традиции и обычное (неписанное) право. Например, считалось, что государь осуществлял своё *служение* высшей воле и своему народу. Однако сама власть великого князя не абсолютна она ограничивалась прочными традициями, коренившимися в патриархальных представлениях о характере власти, и мнением народным, которое основывалось на приданиях старины, заветах отцов и дедов. Власть монарха ограничивалась повсюду не формально, а посредством традиционных институтов и порядков. «Единодержавные

²³ Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 292.

московские государи при осуществлении своих властных полномочий не могли не считаться с укоренившейся в московской государственной жизни правовой традицией, ставившей известные пределы их властвования» – замечает другой историк права С.А. Егоров²⁴.

В *духовно-религиозном* плане можно отметить, что церковная система оказала существенное влияние на этнонациональную институционализацию монархического устройства. Так, последняя формирует и воплощает идеологическое обоснование единства территории и государственной власти посредством системы монастырского «общежития». Монастыри, ориентированные на Москву, по замыслу митрополита Алексея (XIV в.) должны были стать центрами, обеспечивающими религиозное и политическое единство русского государства, способствовать возрождению общинных ценностей и распространению идеалов монархического устройства власти. Митрополит Алексей считал, что раздробленная удельной системой правления и междоусобными войнами Русская Земля сможет объединиться только благодаря разветвлённой системе монастырей, которые смогут стать центрами духовного и политического объединения славян.

Затем при опоре на эту систему можно будет, с его точки зрения, сформировать и единую государственную систему. Сам митрополит Алексей был одновременно лидером московских бояр и главой церковной системы. И как «показала дальнейшая история, митрополит Алексей оказался прав – духовно-политическая жизнь Русского государства во многом строилась вокруг вновь основанных монастырей»²⁵. Причём практика монастырского «общежития» способствовала не только политическому и духовному единству государства, но и обеспечивала освоение новых земель, выступала мощным экономическим инструментом. Так, в Москве было создано специальное учреждение, ведавшее общежительскими монастырями, одной из функций

²⁴ Егоров С.А. История отечественного государства и права. IX – первая половина XIX века. Опыт проблемного изложения. Ярославль, 2000. С. 98.

²⁵ Перевезенцев С.В. Смысл русской истории. М., 2004. С. 188.

которого являлась монастырская колонизация северных регионов, способствующая экономическому освоению края. В этом смысле становление институтов самодержавной власти было органично связано с религией и церковной организацией, неслучайно все славянофилы отмечали, что осмысление самодержавного строя невозможно без религиозного мирозерцания.

Монархический
государственный
порядок

Фундаментальным принципом монархической идеи власти становится центральная фигура монарха, которая под воздействием религиозных представлений и под влиянием предшествующей этнополитической традиции, приобретает более возвышенный – метафизический смысл. Идея Царской власти достаточно последовательно разворачивается в *Святой Троице*²⁶ [Бог – сама Божья воля; Сын – принцип объективация божьей воли на земле, в человеческой сущности; и Святой дух, который локализуется (снисходит) в конкретных земных представителях]²⁷.

Таким образом, получается, что в царской фигуре размещается Дух святой, а соединение конкретного властителя с последним (т.е. снятие антиномий, соединения Божьего и Тварного) происходит через церемониал «помазания на царство», которое носило духовный, символический и

²⁶ Стоит отметить, что по учению Сергея Радонежского Святая Троица приобретает *символ единства земли русской, символ единства земного и небесного, церкви и государства*. Причем икона «Святой Троицы» написанная Андреем Рублевым, как отмечает С. В. Перевезенцев, почиталась, да и почитается сегодня, не столько как произведение искусства, сколько как *воплощенный символ единения*. Неслучайно, самого С. Радонежского «рассматривали как воплотившийся в реальном человеке символ единства Руси», неслучайно и то, что он «*почитался как небесный покровитель и заступник московских государей. И не даром именно в Троице-Сергиевом монастыре крестили великокняжеских и царских детей*» / Перевезенцев С.В. Указ соч. С. 215.

²⁷ В религиозно-политическом мышлении власть Бога, является абсолютным выражением идеи власти. Последняя представлена также в виде двух противоречивых направлений (см. выше): во-первых, Божья власть защищает людской мир, ею Он одаривает их свободой; во-вторых, проявляется в Его способности карать и наказывать, при несоблюдении установлений, т.е. выход за пределы веры и закона. Считалось, что во всех своих проявлениях власть *может быть только в деяниях Бога – Единосущной Троицы*.

политический характер. Соответственно в царе сосредоточивался святой дух, он же (царь) являлся и мерилем божественной сущности и божьей воли/истины в земном мире. В силу своих божественных дарований, он должен был, в свою очередь, «объективировать» своё предназначение, сродное монашеству, служению (И.Л. Солоневич) в управлении вверенного ему народа, т.е. превращал божественное не в пассивную (потенциальную), а в активную силу, *действующую в социальном бытии*. Затем, после своей объективации (в конкретной персоне), эта божественная сущность возвращалась к своей самости (Царь подчиняет себя высшей воли, служит ей), соединяясь с Божьей волей как с её основой. Здесь следует остановиться на том, что хотя сам царь и являлся центром российской политической и духовной жизни, он в тоже время был и за её пределами, входил «единую систему» божьей власти, ибо «несть власти, аще не от Бога; сушая же власти от Бога учинены» (Рим. 13,1).

Причём наделенность властью, это обладание исключительным даром избрания Господом Богом, означает “великие и драгоценные обетования, дабы вы через них сделались причастниками Божеского естества...” (Второе послание Петра 1:4)». Власть, особенно после падения Константинополя, выступала как в роли носителя и распространителя святости, святителя Руси, так и в качестве охранителя чистоты веры, защитника от наступления конца света, т.е. по существу принимала на себя апостольские функции. В этом контексте «апостольство на Руси оказывается целиком вовлечено в русло государственной централизаторской политики... русские идеологи Града Божьего не только разделяли, но и выступали идеологами и проводниками оформляющейся имперской традицией»²⁸.

На этих политико-религиозных основах устанавливается вся институциональная система и политическая практика властвования. Это объясняет, прежде всего, то, что в России было вообще бессмысленно «цареубийство», так как оно практически ничего бы не меняло в системе властвования. «Цареубийство – отмечает И.Л. Солоневич – было, прежде

²⁸ *Перевезенцев С.В. Указ соч. С. 260.*

всего, политически бессмысленными, ибо царская власть была только одним из слагаемых “системы учреждений”, и убийство одного из слагаемых политической и духовной системы ничего изменить не могло»²⁹.

Основными институтами государственной власти при данном политико-правовом устройстве выступают: монарх, боярская дума, земские соборы.

Институт царской власти осмысливается отечественным политическим мышлением с пяти позиций.

Во-первых, институт царя – это символ этнокультурного и политического единства, независимости страны и её международного значения. *Во-вторых*, этот институт генетически связан ещё с древним стремлением русского народа к «одиначеству» с властью. В новых условиях именно образ царя выразил идею тождества верховной воли с разнообразными этнокультурными интересами населения России – «в идеале народный лозунг “царь и народ” представляется воплощением того же архетипа Небесной общины, где царь выступает общепризнанным главой всеобщего родственного круга или даже единого народного тела: “Душой Божьи, а телом государевы”, или тела земли (того же народа) – “Нельзя земле без царя стоять”»³⁰.

В-третьих, не смотря на свою народность, царь – фигура антиномичная, он, кроме земного правителя и устроителя земной жизни, пребывает вне мира – во власти Бога, перед ним он выступает как олицетворение всего народа. «Как царь Бога знает, так и Бог царя и народ знает». С этим непосредственно связана и высочайшая ответственность царя перед Богом и перед народом – «народ согрешит – царь отмолит, царь согрешит – народ не умолит».

В-четвертых, царский институт – это защита истинной православной веры, утерянной другими народами, он охранитель и блюститель её. Без него все земное устройство обречено на погибель, на тёмные времена (отчётливо это проявилось в апокалипсических настроениях в период Смутного времени) – «Светиться одно солнце на небе, а царь русский на земле».

²⁹ Солоневич И.Л. Народная монархия. М. 1991. С. 48

³⁰ Домников С.Д. Указ. соч. С. 226.

И, наконец, *в-пятых*, в функции царя входит установление политической системы и осуществление высшего, верховного суда. В политическом плане он является высшим легитимным и легальным источником формирования системы управления и, в тоже время, центром этой системы. В компетенцию великого князя входят законодательные функции, право на формирование высших государственных органов и назначение государственных служащих, участие в выборе и низложении высшего представителя церкви (митрополита, патриарха и местных епископов), ведение великокняжеского суда (т.е. является высшей судебной инстанцией), а также оборонительные и внешнеполитические функции. Кроме того, царю принадлежит право инициативы светского и церковного законодательства, право на формирование и обсуждение законов.

Институт *боярской думы* является неотъемлемым элементом самодержавной власти московских государей. В рамках сложившихся традиционных представлений – «необходимость содействовать власти советом» – боярская дума формировалась и развивалась в новых условиях как вспомогательное учреждение при самодержавной власти, «которая через неё осуществляется в частных проявлениях государственной жизни»³¹. Постепенно эта идея, о необходимости «держания совета с боярами», трансформируется «в мысль об её обязательности. В итоге известная формула “государь указал, и бояре приговорили” стала неизбежным атрибутом подавляющего большинства исходящих от престола законодательных актов»³². Развитие этого политического института в эпоху монархического устройства имело три стадии развития, обусловленные спецификой взаимоотношения этого института с верховной властью.

Первый этап (XIV – XIV вв.) связывают с началом возвышения московского царства, здесь деятельность боярской думы совпадает с деятельностью княжеской власти. Это совпадение увязывает воедино интересы и представления княжеской власти и бояр по поводу государственного

³¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 177.

³² Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Указ. соч. С. 40.

строительства. Служилый люд и древние боярские фамилии, сосредоточившиеся в московском княжестве, напрямую связывали свое могущество, возвышение фамилий, богатства и почести с возвышением князя и московского царства (единодержавия).

Второй этап (XVI в.), в рамках которого возникает кризис в отношениях между двумя этими институтами. В этот период институт боярской думы начал представлять угрозу для самодержавной власти, титулованное боярство рассматривало себя как собрание наследственных и привычных (законных) властителей русской земли, а на Москву смотрело «как на сборный пункт, откуда они по-прежнему будут править Русской землёй, только не по частям и не в одиночку, как правили предки, а совместно и совокупно... в новом московском боярстве предания власти, шедшее из удельных веков, не прервалось, а только преобразилось»³³.

Боярская дума, все больше ощущая себя аристократическим правительством, реально контролировала всю кадровую политику в государстве. Исходя из принципа местничества, считалось, что лишь наиболее родовитое боярство, собравшееся в Думе, способно выступить гарантом этого принципа. «Обволакивание престола Думой значительно сковывало самодержавца и, соответственно, являлось существенным препятствием на пути дальнейшего укрепления государственности»³⁴.

Кроме того, имелись факты злоупотребления властью, грабительской политики на местах, своеволия бояр в государственной политике. Все это в конечном итоге вело к ослаблению самодержавия, к установлению сословной организации власти. Особенно это проявилось после смерти царя Василия, когда его малолетний сын не мог ещё управлять государством, и власть на долгое время попала в руки бояр, которые жаждали перестроить весь государственный порядок по своему усмотрению. Однако междоусобная борьба между родовитыми боярскими фамилиями (особенно Шуйскими и

³³ *Ключевский В.О.* Указ. соч. Т. II. С. 135.

³⁴ *Андреев Д.А., Бордюгов Г.А.* Указ. соч. С. 41.

Бельскими) и грабительская политика на местах подточила политический авторитет последних. Новый царь (Иван IV), при поддержке народного мнения, стал бороться с притязаниями бояр на раздел власти, что, в свою очередь, вылилось в опричнину и земщину.

Третий этап (XVII в.) развития боярской думы связан с наступлением «ровных» отношений между ней и самодержавной властью, когда компетенция и полномочия каждого из институтов были чётко разграничены, находясь также в некотором единстве, «т.е. нераздельность действий той и другой, без взаимных посягательств на верховное значение последней (власти царя – авт.) и вспомогательную роль первой (боярской думы – авт.): государь без думы и дума без государя были одинаково явлениями ненормальными». Если первые этапы развития боярская дума осмыслялась как учреждение органичное самодержавной власти, пользующейся теми же правами, поэтому «права думы не были определены законом, а держались, как факт бытовой, на обычном праве» (М.Ф. Владимирский-Буданов), то на последнем этапе, наоборот, происходит нормативное закрепление полномочий думы, складываются даже процессуальные нормы её функционирования.

Земские соборы как элемент, учреждение верховной власти развивались на двух основах. Прежде всего, с политической точки зрения, появление этого института верховной власти связывают с деятельностью Ивана IV (Грозного), который стремился ограничить претензии бояр на власть. Для укрепления престола и самодержавного политического уклада требовалась новая социальная опора. Если до этого власть великого князя опиралась на боярскую знать, то после земских реформ основной силой, поддерживающей царскую власть, становится сила народного мнения. Не случайно многие исследователи связывают становление самой монархической власти, основанной на народном правосознании, именно с политикой Ивана IV, так как до сей поры московское политико-правовое устройство в большей степени напоминало не самодержавие, а скорее ограниченную, сословно представительную монархию, тяготеющую к олигархическо-феодальным отношениям.

В практическом плане появление Земских соборов и земских учреждений было призвано уничтожить древнюю систему кормлений, замена наместнического управления земским, которое существенно ограничивало административные и судебные права боярской знати, расширяя вместе с тем полномочия «земских» и «губных» старост, избираемых непосредственно самим народом. Тем самым, вопреки прежней традиции внимания боярским советам, царь теперь демонстрировано отстранялся от бояр и слушал только «глас всей Русской Земли», хотя, впрочем, «знать и принимала участие в работе Собора, её представительство уравнивалось присутствием двух других сил: духовенства и народа»³⁵.

С другой стороны, Земские соборы, как отмечают исследователи, генетически связаны с предшествующими институтами публичной власти и в какой-то мере заменяли княжеские советы, народные собрания (вече) и вместе с боярской думой унаследовали их политическую роль и значение. Тем самым земские соборы – это «орган, пришедший на смену вече, восприняв традиции участия общественных групп в решении правительственных вопросов»³⁶. Тем не менее, хотя Земские соборы и находились в идейной связи с вечем, но фактически «по своему составу вече и соборы – явления противоположные. В исторической последовательности соборы Московского государства находятся в тесном соотношении с боярской думой в её распространённом составе»³⁷.

Земские с соборы также имеют три этапа развития. *Первый этап* (XIV в.) развития связан с тем, что Земские соборы служат для укрепления самодержавной власти Ивана IV, для фактического воплощения древних представлений о неразрывной связи царя со святой Матерью-землёй. «Во всяком случае, – пишет М.Ф. Владимирский-Буданов, – собрание на площади (1550 г., при котором Иван IV «созвал людей избранных на совет» – *авт.*)

³⁵ Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Указ. соч. С. 43 – 44.

³⁶ История Государственного управления в России. С. 88.

³⁷ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 188.

указывает на тесную связь первых соборов с вечевой формой»³⁸. На эти собрания сзывались представители от духовенства, бояр, дворян и других служивых.

Второй этап (XVII в.) связывают, как правило, с окончанием Смуты, с «возрождением» российской государственности и самодержавного политического уклада. На этом этапе весьма существенно возрастает роль Земских соборов, они участвуют почти во всех важнейших государственных актах, на него созываются необходимые для решения того или иного общезначимого вопроса представители духовенства, различных сословий и территорий (даже из Сибири). Этот собор, как отмечал М.Ф. Владимирский-Буданов, в полном праве может быть назван – «великим» и общеземским в полном смысле этого слова.

Третий этап (к. XVII в.) развития Земских соборов связывают с упадком и прекращением созыва последних. По мнению многих исследователей это связано, прежде всего, с тем, что самодержавие к этому периоду полностью окрепло, были налажены основные механизмы государственного управления, создан общеземский кодекс, основанный на православном правосознании (Соборное уложение 1649 г.). Таким образом, Земские соборы представляли собой институт представительный, он являлся органом власти, дополняющим власть царя и боярской думы, «он есть орган власти общеземский, включающий в себя и царя и думу; эти *три части собора – существенные и органические*, отсутствие одной из них делает собор не неполным, а невозможным»³⁹. С точки зрения Л.В. Черепнина, Земский собор – это совещание представителей «всей русской земли», посвящённое наиболее важным и актуальным вопросам государственного строительства⁴⁰.

³⁸ Там же. С. 189.

³⁹ Там же. С. 193.

⁴⁰ Черепнин Л.В. Земские сборы Русского государства в XVI – XVII вв. М., 1978. С. 67 – 68.

Эволюция царской
власти в
имперскую

Стремление царской власти к политической, правовой и духовной консолидации русских земель, формированию этнокультурного согласия и политической стабильности государственной власти,

столкнувшись с прежними патриархально-вотчинническими порядками, породило две совершенно чуждые тенденции развития⁴¹.

Первая была связана с институционализацией централизованной абсолютистской власти монарха, опирающейся на систему учреждений и народное мнение, *вторая* на удельно-сословную систему, основанную на местничестве. Первая основывалась на той идее, что «Царь всея Руси», управляет территорией единодержавно, не перед кем не несёт ответственность кроме Бога, а в таинстве его *служения* Богу и народу раскрывается смысл божественной воли и пути народного спасения. Вторая базировалась на том, что московский государь с помощью родовитых фамилий – «всеземского правительственного класса» (В.О. Ключевский), предки которых некогда владели всею русской землёй, управляет последней.

Политическими и этнокультурными основами первой были учреждения и органы центральной (государственной) власти, которые осуществляли переход «от управления посредством лиц к управлению посредством учреждений» и в этом смысле последнее носило по своей сути «более технический, точнее бюрократический характер, чем политический»⁴².

Вторая опиралась на вотчинническую, удельную систему, которая представляла сложный союз земель, каждая из которых находилась под

⁴¹ По этому поводу В.О. Ключевский замечает, что «в Иване III, его старшем сыне и внуке начинают бороться вотчинник и государь, самовластный хозяин (определённой территории – *авт.*) и носитель верховной власти. Это колебание между двумя началами или порядками обнаруживалось в решении важнейших вопросов, поставленных самым этим собиранием (русских земель – *авт.*), – о порядке преемства власти, об её объёме и форме. Ход политической жизни объединённой Великороссии более чем на столетие испорчен был этим колебанием, приведшим государство к глубоким потрясениям, а династию к гибели» / Ключевский В.О. Указ. соч. Т. II. С. 121.

⁴² Ключевский В.О. Указ. соч. Т. II. С. 317 – 318.

властью определённого удельного князя, родовитого по происхождению, но, объединялась под властью московского государя.

Первая была направлена на формирование единого политико-правового пространства на всей русской территории, например, издание общего государственного свода законов (Судебник 1497 г.). Вторая опиралась на прежние политические традиции и обычное право, когда: с одной стороны, политическое управление основывалось на местных специфических интересах, задачах и особенностях конкретной земли; а с другой – «судили и рядили по старым местным обычаям и законам, сохраняли свои удельные полки». В этом смысле к интересным выводам приходит В.О. Ключевский, отмечая, что «власть московского государя становилась не на место удельных властей, а над ними, и *новый государственный порядок ложился поверх действующего прежде, не разрушая его, а только образуя новый, высший ряд учреждений и отношений* (курсив – авт.)»⁴³.

По мнению Ю.Г. Алексева, именно первая тенденция стала доминирующей, ибо сложившаяся в XV веке централизованная государственная власть со своими разветвлёнными органами и учреждениями, имела объективные предпосылки, связанные не только с объединением русских земель и становлением государства российского, последнее только усилило их развитие, но и с тем, что центральные исполнительные органы (приказы) имели свой источник ещё в удельном правлении, они зародились уже в княжеской системе управления из временных поручений, даваемых боярам властные функции на определённой территории. В дальнейшем созданные Иваном III первые «приказы», постепенно эволюционировали в петровские «коллеги», а затем в министерства (XIX – XX вв.).

Однако московское государство породило и новый элемент, получивший своё развитие в романовскую эпоху, – бюрократию. Становление новых государственных опор, после Смутного времени, – это, прежде всего, сценарий не сословной, а политической концентрации власти. Планомерное создание,

⁴³ Там же. 133 – 134.

начиная с правления Алексея Михайловича, бюрократической системы управления страной, привело к подчинению всех социальных групп, слоёв, классов не столько воли монарха, сколько идее могущества и независимости самого государства. Постепенно кристаллизовалась идея «светского Российского государства, объединявшего русский народ только государственными крепями и не ставящего перед собой задачи достижения духовных целей»⁴⁴. В.В. Зеньковский, например, отмечает, что ядром романовского правления является не столько идея вселенской религиозной мессии (хранения чистоты Православия), как это было раньше, сколько сам идеал Великой России.

В этом контексте происходят существенные изменения и в духовно-религиозной сфере. Так, под влиянием внутренних и внешних политических воздействий, России стало необходимо пересмотреть свои позиции по отношению к другим государствам и, соответственно, к своей религиозной политике, которая до этого основывалась на самодостаточности и изоляции, где и Запад, со своим католицизмом, и Восток, с присущим ему мусульманством, иудаизмом (жидовствующая ересь, как её называл И. Волоцкий) давят со всех сторон на последний оплот истиной христианской веры.

Однако превращение Русского государства в крупнейшую мировую политическую державу не позволяло ему находиться в изоляции от ведущих стран мира. Кроме того, присоединение Украины и Белоруссии, других областей, находящихся долгое время под польским владычеством, существенно повлияло и на изменение социально-политической и духовно-культурной жизни России. Поэтому главной проблемой становится решение вопроса о чистоте Православной веры.

Здесь предлагалось несколько путей решения этого вопроса: *один путь* – превращение русского государства во «Вселенское православное царство» с соответствующим пересмотром церковных догматов; *другой* – соблюдение ортодоксального православного учения традиционно существовавшего

⁴⁴ *Перевезенцев С.В.* Указ. соч. С. 292.

столетия с соответствующей унификацией духовной жизни славянских народов, включаемых в московское государство или находящихся под его политическим и социально-экономическим воздействием. Именно на этой почве и разгорелся социально-политический и религиозный конфликт, повлиявший как на понимание самой государственной власти, так и на ее институционально-властную конфигурацию.

Три основных партии предлагали свои пути решения данного конфликта. Так, *«грекофилы»* (Е. Чудовский, А. Холмогорский, митрополит Иоанникий и др.) предложили ориентироваться на догмы греческого православия, почитаемые во всем православном мире как вселенские. Это религиозно-политическое направление, «по сути дела, разрывало с той традицией, которая считала Россию “Третьим Римом”, ибо сама идея “Третьего Рима” изолировала Россию от других православных стран... именно “грекофильство” стало идейным обоснованием проведения церковной реформы».

Другое направление – *«латинство»* (С. Полоцкий, С. Медведев и др.) предлагало совершенно новый ход событий для традиционного российского государства, а именно ориентацию на западноевропейский опыт, с привнесением в национальную жизнь светской культуры образования и рациональных методов познания. Сторонники этого направления были уверены, что «традиционная русская духовная жизнь, замкнувшаяся в узких национальных рамках, уже исчерпала себя в решении не только богословских, но и важнейших мировоззренческих вопросов. Поэтому требовался новый, рационально-критический взгляд на Священное Писание,... на судьбу самого государства»⁴⁵.

В период царствования Алексея Михайловича начали преобладать оба эти направления, с одной стороны, осуществлялся курс на продолжение традиций московской монархии, но с использованием идей «грекофилов», а с другой, вводились существенные новшества, привнесённые и обоснованные «латинством». Так, например, в Россию начали стекаться по приглашению

⁴⁵ *Перевезенцев С.В.* Указ. соч. С. 268

монарха иностранные ученые и служащие. Большое внимание стало уделяться светской культуре и образованию. В православных обрядах так же были внесены существенные изменения: приводились в единый порядок все богослужебные книги в соответствии с «древними славянским и греческим образцами»; сокращались литургии, покаяния, миропомазания, тексты некоторых других молитв; двуперстное крестное сложение заменилось троеперстием и т.д. Все эти реформы поддерживал самодержавный Царь и патриарх Никон.

Другое движение – «старообрядство» настаивало на «сохранении традиционной картины мира, основанной на вере в сакральный характер царской власти. По мнению многих исследователей, следствием церковного раскола стало изменение самого характера государственной власти; сакральный и религиозно-политический контекст Московской Руси утрачивает былую силу, государственная власть все больше принимает светский, имперский характер⁴⁶. Так, например, современный политолог А. Дугин представляет сами церковные реформы как отход от московских религиозно-политических традиций, как процесс десакрализации государственной власти и дискредитирования духовно-нравственных основ русской старины⁴⁷.

С точки зрения Л. Тихомирова, церковный раскол *нарушил сам монархический принцип власти*, последняя с начала петровских реформ приобретает уже более светско-европейский характер, превращая русское государство в империю с абсолютной властью монарха и подчинением ей всех остальных (власть Земли, Церкви). Того же мнения придерживается и А.С.

⁴⁶ «Факт истории состоит в том, – замечает по этому поводу Л. Тихомиров, – что без церковной смуты такая ломка (подчинение религиозной и нравственной жизни государству – авт.) была бы невозможна даже и для Петра. В данную же минуту она стала возможна, во-первых, психологически, т.к. понимание Церкви подорвалось и у самого Петра; и у него, как у множества других, стал вопрос где Церковь? Ломка стала возможна, во-вторых, и материально, ибо разделившийся в верованиях народ, растерявшийся в понятиях, не мог защитить энергично управление Церкви, понятие о которой было в нем столь потрясено. Для самой же верховной власти ломка церкви создала страшную опасность: Эволюцию в абсолютизм» / Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 276.

⁴⁷ См. Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004. С. 233 – 235.

Хомяков, отмечая, что самодержавие коренным образом отличается от абсолютизма. Вся суть петровских реформ в области государственного устройства сводится по А.С. Хомякову к подмене самодержавного принципа, исторически присущего русскому народу, принципом абсолютистским, имперским, римско-германского пошива, чуждым народному политическому сознанию⁴⁸. Одним словом, начало имперской эпохи развития российской государственности ознаменовало переход от монархической системы государственной власти к имперскому, абсолютистской политической организации.

Эволюция царской власти
в имперскую. Институты
государственной власти
имперской России

Изменения в системе государственной власти, подготовленные предшествующими периодами, в полной мере воплотились в политической модернизации Петра I, как справедливо замечает К.Д. Кавелин, «можно

доказать, что все его преобразования, не исключая ни одного, были постепенно подготовлены предшествующим временем и развитием», отличие в том, что они были решены резко, круто, быстро⁴⁹.

⁴⁸ «В границах всенародных понятий царь полновластен; но его полновластие (единовластие) — самодержавие — ничего общего не имеет с абсолютизмом западно-кесарского пошиба. Царь есть «отрицание абсолютизма» именно потому, что он связан пределами народного понимания и мировоззрения, которое служит той рамой, в пределах коей власть может и должна почитать себя свободной. Например, народ верил (и верит доселе), что Царь, когда это ему кажется нужным, думает о великом государевом земском деле вместе с Землею» / *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М., 2000. С. 127.

⁴⁹ *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. М., 1989. С 164. Причем, по мнению В.Г. Федотовой петровские реформы имели особую форму модернизации – «вестернизацию», для которой характерно переход от сакральных, традиционных структур общества к современному, путем прямого переноса институтов, структур, технологий и образа жизни западноевропейского общества. / *Федотова В.Г.* Модернизация “другой” Европы. М., 1997. Дело Петра и его личность вызывали и вызывают до сих пор ожесточенные споры, по утверждению Н.А. Бердяева, ни традиционалисты ни прогрессисты так и не смогли понять глубину и необходимость петровских реформ: «В оценки реформы Петра ошибочны были и славянофильская и западническая точка зрения. Славянофилы не поняли неизбежность

Верховная власть здесь осмысливается как власть существующая во имя и для интересов государства. Сама политическая идея императорской власти основывалась большей частью на политических традициях западноевропейских, выводящих сущность власти из воли божественной и народного согласия (договора). Например, Ф. Прокопович в произведении «Правда воли монаршей» обосновывал именно модель западной неограниченной монархии, где, *с одной стороны*, государь несет ответственность «токмо богу», а *с другой* – сама неограниченность власти проистекает из народного согласия (договора), по которому народ отказывается от своих прав и свобод, наделяя безграничной властью монарха, признавая за ним вершителя своих судеб (теоретические истоки этой идеи можно найти уже у Ю. Крижанича и А. Курбского).

В этом смысле социокультурной и духовно-нравственной основой государственной власти становится не божественная воля, а благо народа и государства: «Ты владеешь нами к общей пользе нашей» – отмечает Ф. Прокопович. И именно эта идея – величия и могущества государства российского, где все и каждый должен служить «верою и правдой, не жалея живота своего» от простого крестьянина до монарха, становится опорой для всего последующего политического развития имперской государственной власти.

Причём имперская власть получает чёткое, светское законодательное закрепление в артикулах Петра I: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах отчет дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли...». Согласно основным законам Император издавал верховные акты управления и нормативные указы и повеления, как в

реформы Петра для самой миссии России в мире, не хотели признать, что лишь в петровскую эпоху стали возможны в России мысль и слово... Западники не поняли своеобразия России, не хотели признать болезненности реформы Петра, не видели особенности России». И те и другие в конечном итоге были недовольны петровским наследием / Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 37.

форме Высочайших указов (повелений), так и в форме словесного волеизъявления.

Существовало, как правило, две основные политические практики взаимодействия института верховной власти с другими институтами государственной власти, определяющих отечественную модель властных отношений. *Первая*, связана не с разделением властей, а, наоборот, с единением (единством) властей, где законодательная, исполнительная и судебная власть объединены общей верховной властью, которая направляет деятельность последних для достижения общих, национальных целей и интересов. В благоприятные моменты развития государства верховная власть как бы отстраняется от деятельности трёх властей, не влияет на их функционирование, наоборот – полностью полагается на них, однако, при возникновении конфликта между последними или в экстраординарную (чрезвычайную, кризисную) минуту политической жизнедеятельности общества, верховная власть реализуется непосредственно, а её волеизъявления становятся общеобязательными и неограниченными.

С одной стороны, отмечает русский государствовед Н.А. Захаров, институт имперской власти выполняет функции Верховного объединения, единства государственной власти, а, с другой, – осуществляют функцию «непосредственного волеизъявления, установленную в общих своих чертах в основных законах и неограниченную в этой сфере применения», могущую проявить себя в кризисные, чрезвычайные моменты. Верховная власть, по глубокому убеждению Н.А. Захарова, должна активно действовать «именно в тот момент, когда остальные три власти входят между собой в конфликт, или, как высшая власть, устанавливающая начало и конец других властей»⁵⁰.

⁵⁰ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 305 – 306. Критикую западную теорию разделения властей Н.А. Захаров отмечает, что «при чрезвычайно сложной и развитой современной государственной жизни, при массе самых разнообразных стремлений и интересов нельзя не видеть необходимости существования власти нейтральной, уравновешивающей, стоящей выше всех отдельных интересов и столкновений» (Там же. С. 307).

Другой теоретик В. Соловьев пишет, что верховная власть призвана обеспечить единство «общественного тела», где три различные ветви власти, правильно разделённые и дифференцированные, должны быть *сведены к высшему единству* посредством их одинакового подчинения единой верховной власти, которая лишь одна может выступить гарантом достижения общественных целей и идеалов.

Вторая практика взаимодействия институтов государственной власти органично связана с первой, это система «замещающих» друг друга властей. Так, «в старой Московии, например, боярская дума замещала князя в его отсутствие, причём, действуя вместо князя, она действовала как князь и осуществляла всевозможные акты, которые в обычном порядке осуществлялись князем... Сенат был учреждён Петром Великим для вершения всех государственных дел в отсутствии монарха»⁵¹.

По мнению В.Н. Синюкова, под действием петровской политической модернизации системы государственной власти и европоцентристских тенденций «произошёл социальный переворот, оказавший сложнейшее влияние на будущее русской государственности и права. В их природе наряду с сохранившимися как элемент правосознания исконными земско-соборными чертами стала формироваться новая ветвь в организации власти и права, характерная для западного административно-полицейского государства»⁵².

В этом плане немаловажным и неотъемлемым институтом государственной власти становится ***верховный тайный совет***, который, однако, был не самостоятельным, а вспомогательным учреждением при верховной власти. Отсюда, отмечает М.Ф. Владимирский-Буданов, и особая сфера деятельности и компетенции этого института: «сфера его деятельности простирается на все вопросы, которыми может непосредственно ведать сама верховная власть... Но это не два органа, рядом стоящих, а один совет не имеет

⁵¹ Алексеев Н.Н. Идея государства. СПб., 2001. С. 289.

⁵² Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 115.

никакой собственной власти; он действует только от имени государя... Верховный тайный совет может издавать законы (под санкцией государя), но государь может издавать указ и без совета». Однако в 1730 г. тайный совет по указу императрицы Анны перестал существовать, но взамен его был учреждён *кабинет*, который практически дублировал функции и значения тайного совета. «Потто идёт непрерывный ряд подобных же высших учреждений под другими именованиями: *конференция министров* (при Елизавете), *совет при высочайшем дворе* (при Екатерине II), *непременного совета* (при Александре I)»⁵³.

Одной из главных сил, мешавшей Петру осуществить свой проект политической модернизации, связанный с формированием мощного и эффективного абсолютистского государства, было боярство, поэтому он «просто ликвидировал его как сословие, уравнив в 1714 г. указом о единонаследии поместье с вотчиной»⁵⁴. Кроме того, в 1711 г., взамен боярской думы, Петр I учреждает **Сенат**, который становится постоянно действующим учреждением при монархе (после принятия Петром I императорского титула Сенат вообще лишается права издавать от своего имени общегосударственные законы, становится институтом при имперской власти) в компетенцию которого входит: контроль за правосудием, управление расходами и сборами налогов, управление торговыми и промышленными делами в государстве и другие функции.

М.Ф. Владимирский-Буданов выделяет семь основных этапов развития сената в имперской России. *Первый этап* (1711 – 1718 гг.) связан с огромными полномочиями сената, который полностью замещал государя во время его отсутствия. Он выполнял все функции исполнительной власти.

Второй (1718 – 1721 гг.) связан с учреждением коллегий, здесь все административные функции сената отходят к коллегиям, «для объединения административных мер было установлено общее собрание президентов

⁵³ Владимирский-Буданов М.Ф. С. 258 – 259.

⁵⁴ Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Указ. соч. С. 61.

коллегий и на него перенесено название сената; этот новый сенат является не постоянно действующим учреждением, а временным собранием президентов, которые составляются в случае, если кто-то из них не может решить дел в коллегии».

Третий период (1722 г.), в котором сенат должен был получить свой собственный состав, независимый от коллегий, т.к. по мнению самого Петра I «президенты коллегий и так обременены своими прямыми обязанностями и к тому же не могут надзирать сами над собой». Сенат перестает быть непосредственным административным органом, а осуществляет надзорные функции за коллегиями. При сенате вводится должность генерал-прокурора, в компетенцию которого входит наблюдение и контроль за деятельностью сената, в его правах было нанесение вето на всякое решение данного института, а также слежение за чётким исполнением принятых решений сената.

В четвертый период (при императрице Анны) сенат получает большее политическое значение, он охватывает практически все ветви управления и подразделяется на пять департаментов, действующих едино (сохраняя общую цельность), т.е. основные вопросы решались сенатом на общем собрании.

Пятый период (Елизаветинский сенат) – к этому периоду сенат достигает своего наивысшего развития во всей его истории. Он приобретает значение высшего политического учреждения, в компетенцию которого входит управление и надзор за всеми сферами государственной деятельности.

Шестой период (Екатерининский сенат) связан с резким уменьшением политического значения этого института. Последний становится центральным административным учреждением, он разделяется на шесть относительно автономных и самостоятельных департаментов. В зависимости от своей компетенции дела каждым департаментом решаются единогласно, в случаях, когда существует разногласие, это решение переносится в общее собрание сената.

В седьмой период (Александровский сенат) все функции сената передаются министерствам, за ним остаются функции лишь высшей судебной

инстанции. Таким образом, как отмечает М.Ф. Владимирский-Буданов, «под именем сената понимаются совершенно различные учреждения, последовательно сменявшие одно другое. Но утвердившееся, наконец, за ним значение *высшей судебной инстанции* сообщило ему огромное значение в государстве»⁵⁵.

Коллегиальное и *иерархическое* начала бюрократического государственного управления изменяют как систему территориального представительства различных классов и социальных групп – систему земского управления, так и приводит к фактическому растворению различных сословий в административном аппарате («Табель о рангах»), подчиняя последних общему благу и интересам государства, представляемой как автономная абстрактная сущность – совокупность всех частных граждан в широком смысле, и в узком как весь механизм законной власти⁵⁶.

Вместо прежних царских приказов Петром устанавливаются государственные коллегии, им организовывается 12 коллегий (военная, морская, комерц-коллегия, мануфактур-коллегия и т.п.). В последних устанавливался принцип коллегиального обсуждения государственных дел и принятия решений, этот принцип, по мысли Петра, «возбуждает уважение к власти, содействует постоянству направления и предохраняет от быстрых перемен»⁵⁷. Коллегиальная система отличалась от приказной: во-первых, большим единством и согласованностью действий, а, во-вторых, более строгим распределением обязанностей между центральными ведомствами.

⁵⁵ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 256. 261.

⁵⁶ Хархордин О. Что такое государство? Европейский контекст / Понятие государства в четырёх языках / Под ред. О. Хархордина. СПб., М., 2002. С. 187. «Апелляция к идее общего блага, – отмечает О. Хархордин, – была необходима для того, чтобы управлять поведением людей и контролировать их действия более тщательно и эффективно, чем это было возможно... поэтому русским царям пришлось вколачивать идею общего блага в головы своих подданных с помощью всех подручных самодержавцу средств. / Там же С. 194. Другой современный историк отмечает, что с целью создания простора для свободного действия и снятия противоречий между различными противоборствующими силами, Петр пытается институционально ограничить в первую очередь боярское сословие. Он «увидел конкурента дворянству... в самом государстве, вернее в аппарате государственной власти» / Перевезенцев С.В. Указ. соч. С. 293.

⁵⁷ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 263.

Каждая коллегия располагала административными и судебными правами в отведённой им области управления, коллегиям подчинялись губернская, провинциальная и уездная администрация, что устанавливало единообразное централизованное и эффективное управление. Начиная с Екатерины II, происходит постепенная реорганизация коллегий, а в 1802 году Александром I екатерининский план реализовался в создание министерств. Этот план воплощал два момента: во-первых, был направлен на обеспечение более эффективной «солидарности министерств» при решении государственных дел, во-вторых, создавал предпосылки для ответственности министерств перед сенатом, представляя последнему отчёты и объяснения, как по требованию, так и ежегодно.

Петровские реформы, направленные на создание мощного и эффективного национального государства, были направлены на превращение России в великую Православную империю, способствовали консолидации различных социальных сил, «это объединение заключалось в абсолютном подчинении государству и лично царю всех сословий Российской державы. Даже внутри дворянства постепенно были ликвидированы прежние внутрисословные перегородки, и оно постепенно превратилось в единое сословие, подчиненное воле государя и нуждам государства»⁵⁸.

Кроме того, имперская политика Петра провозглашала принцип веротерпимости, который становился, по утверждению А.И. Герцена, основой его империи, т.к. империя возвышается «над всеми культурно-политическими односторонностями» (В.С. Соловьев). Именно поэтому веротерпимость и возвышение государства над церковью способствовали модернизации (европеизации) и построению наднациональной империи. Само церковное управление стало частью государственного аппарата, с появлением сената многие вопросы церковной организации и управления стали решаться именно этим институтом, а с учреждением коллегий была установлена наравне с другими и духовная коллегия, переименованная затем в *Святой синод*.

⁵⁸ *Перевезенцев С.В.* Указ. соч. С. 293.

В компетенцию Святого синода входило управление не только православной церковной системой, но ему подчинялись и иноверческие церкви (лютеранская – во всех отношениях и католическая) и отчасти нехристианские исповедания. Сам Святой синод был разделён на два департамента: собственно сам синод, состоящий из духовных лиц церковной иерархии и коллегии экономии, состоящей исключительно из светских лиц. Управлялся последний обер-прокурором, который был «оком государевым» в духовных делах (наподобие как генерал-прокурор при сенате – «око государево» в светских делах).

Достоянием прошлого стали пышные и продолжительные церковные обряды и ритуалы, освящающие как саму государственную власть, так и ее политические действия. Ушли из обихода практики публичного моления царя, так «обращения царя к Богу перестали быть публичными мотивами православного государя за свой православный народ. Царь прекратил исполнять один из важнейших для России политических ритуалов, свидетельствующий о заступничестве государя перед Богом за народ и государство, данное ему Господом. Даже подчинив Церковь государству, Петр, по сути дела, отказался от сакральной, священной функции русской государевой власти»⁵⁹.

Сохранение могущества и независимости государства связывалось, как в московский период, так и в имперский, прежде всего, с сильной государственной властью. Однако политическая институционализация этой модели происходила *по-разному*, если в Московском государстве верховная власть институционально оформлялась в тесном взаимодействии с религиозной, церковной системой, являясь друг для друга духовной и организационной опорой, то имперский период характеризуется преобладанием светской власти и рационального политического мирозерцания. Церковные учреждения становятся частью, элементом огромного государственного аппарата, не имеют больше столь действенных и практических инструментов влияния на верховную власть, не

⁵⁹ *Перевезенцев С.В.* Указ. соч. С. 297.

способны ограничивать имперскую власть и направлять развитие государственной политики.

В этом смысле власть императора не имеет никогда действующих религиозных и традиционных ограничений, теряет органичную связь с землёй (земским, соборным мнением), разорванную огромным бюрократическим аппаратом⁶⁰. Сама идея сильного и эффективного государства «уже изначально была не совместима с самодержавием, обречённым на “растворение” в административном аппарате империи»⁶¹. Император при такой институциональной системе государственной власти становится верховным чиновником, неограниченным в своих компетенциях, а государственная политика формируется не с опорой на земство и соборность, ее приоритеты *полностью зависят от расклада сил внутри бюрократического (дворцового) аппарата.*

В конечном итоге, построение государственной системы власти по западным образцам и рецепция институтов западного права положили «начало глубокой дихотомии государства и общества, личности и правопорядка, правовой системы и правовой культуры. Привнесение на русскую почву западного раскола государства и личности *сообщило сложные коллизии последующему развитию* русского правового сознания и всей русской политической культуры (курсив – авт.)»⁶².

⁶⁰ «Бюрократический аппарат как бы отделял царя от подданных, создавал достаточно большую свободу действий и одновременно являлся проводником царской политики. Иначе говоря именно благодаря новой бюрократии царь получал практически неограниченные полномочия, становился поистине абсолютным монархом» / *Перевезенцев С.В.* Указ. соч. С. 295.

⁶¹ *Андреев Д.А., Бордюгов Г.А.* Указ. соч. С. 64.

⁶² *Синюков В.Н.* Указ. соч. С. 117.

Становление советской
государственности.
Эволюция власти в
советской России

Разрушение имперской системы власти, самого самодержавия и становление *советской институциональной системы* государственной власти связывают с разными

причинами. Так, Н.А. Бердяев отмечал, что преобладание социализма в русской теории и практике было следствием разрыва «между высшими руководящими слоями русского общества и народными массами, в которых сохранились старые религиозные верования и упования»⁶³.

Причём «в России революция либеральная, буржуазная, требующая правового строя, была утопией, не соответствующей русским традициям и господствующим в России революционным идеям. В России революция могла быть только социалистической. Либеральное движение было связано с Государственной думой и кадетской партией. Но оно не имело опоры в народных массах и лишено было вдохновляющей идеи»⁶⁴. По мнению Н.Н. Алексеева, социалистическая революция стала ответом на «внутреннюю болезнь в общественном организме», которая поразила как идейный склад общества (начиная с петровских реформы), так и институциональную систему монархической власти (связь царя и земли, крепостничество, раскол между ведущим слоем и народом)⁶⁵.

Сходны оценки и у современных учёных. Так, профессор С.В. Перевезенцев связывает это становление с кризисом традиционной русской православной духовности, её соперничества со светским мирозерцанием⁶⁶. В.Н. Синюков утверждает, что формирование советского строя было исторической закономерностью для России, ответом на либерально-демократические реформы социума, именно в социализме Россия «смогла сохраниться, выжить и, в конечном счёте, возобладать тенденция к

⁶³ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 15.

⁶⁴ Там же. С. 214.

⁶⁵ См. Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности) / Русский народ и государство. М., 2000.

⁶⁶ Перевезенцев С.В. Указ. соч. С. 313.

национальной идентичности»⁶⁷. Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов связывают становление советской системы с *переконфигурацией политического пространства власти*, со становлением *нового носителя власти и новой управленческой элиты*, ибо последняя многовековая управленческая традиция и носители власти себя социально дискредитировали⁶⁸.

С точки зрения западных учёных К. Манхейма, Э. Юнгера, Х.. Ортега-и-Гассета, Г. Маркузе и др., социализм является общемировой тенденцией конца XIX начала XX века, связанной с институциональным кризисом бюрократической системы управления, с противоречием общества и государства, частного и классового, с «выходом масс на сцену истории», с «полным захватом массами общественной власти» и т.п.⁶⁹. Акцент в институциональном устройстве государственной власти смещается от принципа элитарности и избранности в сторону широкого доступа масс к управлению посредством демократических институтов и учреждений.

Социализм, в конечном итоге, при практическом воплощении представил собой, по удачному определению И.А. Исаева, *«сочетание стремления масс к свободе, окрашенное страхом принимать самостоятельные решения и самоуправляться»*, что привело, не только в России (но например, в Германии, Италии) к тому, что «массы ищут вождя или иную персонификацию, которая должна сделать это за них». Таким образом, «социализм вторгся в сферу политики, когда решил, что он сам сможет решить проблему самоуправления масс, их социальной самоорганизации (его предельным опытом должно стать “отмирание” государства и замена его самоуправлением демократии)»⁷⁰.

⁶⁷ Синюков В.Н. Указ. соч. С. 132. «Социализм, – продолжает исследователь, сам по себе наиболее близкий принципам русского национального уклада жизни и русской ментальности в силу исторически сложившихся обстоятельств, связанных с последствиями революции Перта Великого, не мог не выступать во внешнеабerratивной – западнической форме либерал- и социал-демократизма» / Там же. С. 133.

⁶⁸ Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Указ. соч. С. 106 – 107.

⁶⁹ См.: Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994; Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2002; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2003; Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб., 2000.

⁷⁰ Исаев И.А. *Politica hermetica: скрытые аспекты власти*. М., 2003. С. 505 – 506.

Подводя итоги, следует отметить, что появление на политической карте нового государства – советской России, было закономерным ответом на кризисные явления в политическом сознании граждан, в институциональной системе государственной власти и практике ее осуществления (при дуалистической монархии и особенно после февральской революции, когда установилось, по сути, двоевластие). Очевидно, что каждая политическая организация проходит суровые испытания на эффективность и в силу этого обстоятельства существует мало пригодных институтов. Таковыми непригодными к новым социальным условиям, как видится, оказались и старая система имперской власти и вновь установившаяся, но не поддерживаемая и не понимаемая народными массами, – либерально-демократическая политическая система.

Безусловно, советская политическая система по внешней форме представляла собой прогрессистский вектор развития: разрыв с традиционно-православными верованиями, перестройка институциональной системы властвования, обострение классовых и, соответственно, социально-политических противоречий, ориентация на поступательное достижение лучшей политической организации общества (достижение справедливости и равенства в социальной и политической жизнедеятельности).

В тоже время по своему содержанию коммунистической политической строй базировался на духовно-нравственных и ментальных характеристиках русского народа, институциональное построение системы власти и властных отношений опиралось на традиционные начала. Властно-политическое взаимодействие граждан и государства носило, по сути, не столько формально-нормативный, сколько моральный характер, а само государство и его представители одухотворялись, мифологизировались и сакрализировались ⁷¹.

⁷¹ Например, в народном сознании традиционные политико-правовые категории такие как «гроза», «правда» «справедливость» прочно вошли и в советский публичный дискурс. Так, «метафора грозы наиболее прочно вошла в фольклорную версию сталинского змеборческого мифа: “А с его гроз я велик возрос!” или “Народ – как туча грозовая, а Ленин да Сталин – две молнии”» / Щербинина Н.Г. Герой и антигерой в политике М., 2002. С. 72. В

Основными факторами в политическом развитии остались традиционные для отечественной политической культуры идеи: поиск царства правды, могущество государства и мессианская идея – «идея России всегда обосновывалась пророчеством о будущем, а не тем, что есть, – да и не может быть иным мессианское сознание»⁷². Советский политический проект, с нашей точки зрения, был попыткой на государственном уровне совместить две отличные тенденции: русский традиционализм и западный прогрессизм, социал-утопизм. В условиях кризиса, как отмечает И.Н. Ионов, произошло *смещение* (конвергенция) консервативных и либеральных политических стратегий развития⁷³.

Развитие системы государственной власти Советского государства основывалась на ряде принципов.

Во-первых, это традиционный принцип «народности». Общность, коллектив становятся базовой единицей советского общества, распространённой и обыденной организации жизни советских людей, каждая социальная группа должна была преследовать кроме индивидуальных, общие интересы, как они определялись всем советским обществом. Весь политический организм выстраивался на первоначальных организованных ячейках граждан – советов (деревенских, городских, фабрично-заводских). Именно они провозглашались фундаментом всей советской системы, основными первичными элементами советской политической системы.

символических образах серпа и молота воплотились также и народные представления о страшном суде: «Огненный серп / Скоро вас пожнёт, / А молот в преисподнюю заколотит!» Примечательно и то, что центральные советские издания назывались: «Правда», «Молот», «Молния» и т.п. Сама должность главы партии, – отмечает Л.А. Андреева, – стала сакральной, объединив жреческо-идеологические и властные земные функции. В России опять возродилась наместническая власть. Коммунистический вождь должен был восприниматься как “наместник нового Христа”- Ленина» / Андреева Л.А. Указ. соч. С. 244. Даже старые религиозно-властные институты старые тюрьмы, Суздальские и Соловецкие монастыри, «куда отправляли еретиков, превратились в изоляторы для еретиков социалистических», выполняли те же, привычные функции / Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое. М., 1998. С. 65.

⁷² Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 47.

⁷³ Ионов И.Н. Построение образа российской цивилизации в свете психологии мышления и социологии знания // Общественные науки и современность. 2003. № 6. С. 111.

Подобная политическая система, как справедливо отмечает Н.Н. Алексеев, «в принципе своём преодолевает индивидуализм и атомизм европейской демократии... Советская система за отправную точку свою и берет не отвлечённого голосующего индивида, а известную социально экономическую единицу – деревню, волость, фабрику – с её первичным государственным органом – советом депутатов»⁷⁴. Таким образом, заключает исследователь, подобный способ организации политической власти и соответствующий ей косвенный принцип избирательного права, который предполагает многостепенное формирование центральных органов государственной власти, гораздо совершеннее непосредственной демократии и куда ближе для русской политической культуры.

При этом система организации государственной власти, принятая в Советской России, была во многом синонимична земскому управлению, при этой системе «депутаты выбираются не политическими партиями (отвлечёнными от народа и «зашоринными» своими корпоративными интересами – авт.), а теми территориально административными государственными органами, иерархический порядок которых образует скелет советского государства»⁷⁵.

Во-вторых, утверждался «опосредованный демократический» принцип – народ управляется не сам, а через наиболее лучших, полномочных представителей, т.е. тот или иной социальный коллективы имеют право (отражённое во всех конституциях СССР) посылать от себя непосредственно депутатов на различные съезды Советов. Кроме того, этот принцип формировал и саму управленческую элиту, свой бюрократический аппарат – номенклатуру, где каждый номенклатурщик имеет свой в иерархической структуре отведённый ему участок властвования.

⁷⁴ Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 350 – 351.

⁷⁵ Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности). С. 353.

Причём одним из основополагающих принципов развития бюрократии стала заложенная ещё В. Лениным партийная норма, согласно которой в вопросах, допускающих отсрочку, центральные органы обращаются к съезду всей партии, в случаях, не допускающих отсрочки, центральные органы по единогласному решению поступают самостоятельно.

В-третьих, это принцип сильной государственной власти, которая находится в руках одной партии. Коммунистическая партия становится руководящей и направляющей силой развития советского общества, ядром его политической системы, политическая сфера и государственная сфера становятся полностью тождественной, но кроме того политическим становится все общество. Именно большевики полностью воплотили петровскую идею, «превратили “государство” в часть повседневной жизни каждого гражданина России и сделали значение этого слова очевидным для всех... государство как автономная машина власти начало вторгаться в жизнь большинства советских людей – и стало казаться для многих реальностью, отличающейся как от личностей его руководителей, так и от людей»⁷⁶.

В-четвертых, советское государство реализовывало традиционный идеал русской политической культуры – «справедливость». Как отмечал Б.А. Кистяковский, социалистический строй провозглашал быстрый переход «к лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства». Поэтому, «законные права личности, охрана личной свободы правом с призрением отвергалось как формальные и ограниченные, как совершенно незначительные по сравнению с грядущим царством социалистического братства... существующие законы применялись только в случае когда они не противоречили “революционному правосознанию”, специфическому представлению о справедливости, “правде”»⁷⁷.

⁷⁶ Хархордин О. Указ. раб. С. 189.

⁷⁷ Яковлев А.М. Российская государственность (историко-социологический аспект) // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 80 – 81.

В-пятых, в институциональной системе советской государственной власти действовал принцип, сформированный еще в Московском царстве, – «замещения властей», когда каждый нижестоящий орган вполне мог замещать в периоды между сессиями каждый вышестоящий орган. Например, высший орган государственной власти – Верховный совет – замещал Президиум верховного совета, а Центральная Комиссия замещают Съезды Советов, президиумы и Советы народных депутатов. Получается, что в реальной политической практике «вопреки, например, основным законам, советская Конституция десятки раз изменялась не Съездом Советов, а постановлениями других органов, уже не говоря о том, что важнейшие законы издавались иногда некомпетентными властями», т.е. нижестоящий орган может заступать вышестоящий во всех вопросах ⁷⁸.

Формирование и развитие современной (постсоветской) демократической государственности

Вначале 90-х гг. российское общество стало на путь модернизации своей экономической и политической систем. Модернизация включает освоение образца правового государства, получившего международное признание. Резкий политический переход от советской к демократической организации политической системы был вызван глубоким кризисом советской экономической системы и, как следствие, неспособность Советского государства осуществлять свою социальную функцию.

Кроме того, непосредственной причиной распада СССР был этнонационализм – движение сепаратистского характера. Идентификация групп населения с этнической нацией как своей судьбой происходила под влиянием лишений индивидуального начала и социально неравного

⁷⁸ *Алексеев Н.Н.* На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности). С. 341.

распределения отягощающих последствий экономического кризиса. Инициатором отделения был не народ, а местная этнополитическая элита, поддерживаемая частью националистической интеллигенции. Они мобилизовали субнации тактикой поляризации межнациональных отношений и трансформировали социальное недовольство в межнациональное недоверие центральной (союзной) политической власти.

Модернизация российской государственности была подготовлена либерально-демократическим движением 80 – начала 90-х гг. И с учетом международного опыта получила институциональное воплощение в принятии Конституции РФ в 1993 г. Она представляет собой институционально-политическую и экономическую основы правового государства России и существенно отличается от советского образца. Сущность демократической политической организации заключается в обеспечении полновластия народа посредством защиты государством индивидуальных прав и гражданских свобод граждан. За короткий период политической модернизации понимание характера политических свобод в экономическом, демократическом и социальном смыслах является высшей конституционной ценностью. В России стали возможными демократические по процедуре выборы в местные и центральные органы власти.

Модернизация Российского государства включает переход от формального федерализма к реальному. Стержнем советского федерализма были монополия партбюрократии на власть и командно-административная система управления. Устранение этого стержня привело к определению реальных прав субъектов Федерации. Далее Конституция РФ нормативно закрепила конкурентную многопартийность, строгую формализацию поведения политических партий, их взаимодействия. Произошла отмена цензуры и информационных привилегий, что привело к плюрализации общественного мнения и активности СМИ.

В тоже время процесс политической модернизации российской системы государственной власти, по справедливому замечанию многих аналитиков,

является незавершенным и отмечен противоречивыми тенденциями. Переходный период – крупномасштабный социальный переворот. “Его суть в том, что в нашей стране на встречах курсах протекают два процесса – демонтаж традиционных государственных институтов, привычек и стереотипов в реализации властных функций, с одной стороны, и наращивание совершенно новых, нетрадиционных институциональных структур, а также правил и норм политического поведения – с другой”⁷⁹.

К негативным тенденциям в сфере гарантий экономических прав и политических свобод относится распространённость параллельных и замещающих практик в отношениях хозяйственного оборота, имеющих противоправный характер. По данным С.А. Пашина, мотивами граждан, использующих эти практики, являются: желание избежать уплаты налогов, уйти от огласки, застраховать себя на случай возможной конфискации имущества. Коррупция чиновников способствует созданию и распространению внеправовых, теневых и замещающих, внеправовых практик. По мнению Ю.А. Агафонова, «нерешённость проблемы легализации влияния групповых интересов увеличивает коррупцию бюрократии и противоправные действия групп давления»⁸⁰. Отсутствует устойчивая демократическая политическая традиция компромиссного решения противоречий между различными ветвями и органами власти, что приводит к политическим кризисам.

Итак, сделаем ряд выводов на которые нам представляет исторический процесс эволюции институтов государственной власти в российском этнокультурном пространстве:

- *во-первых*, как мы видим из вышерассмотренного многогранный этнокультурный политический опыт воплощался в различных государственно-правовых институтах и структурах, политических моделях властных отношений, которые поддерживают и воспроизводят на различных этапах

⁷⁹ Становление новой российской государственности: реальность и перспективы. М., 1996. С.17.

⁸⁰ Агафонов Ю.А. Социальный порядок в России. М., 2004. С.171.

российской истории этнокультурную упорядоченность и стабильность отечественной общественной системы. При этом государственная власть выступает цивилизационным феноменом, которому характерны устойчивые социокультурные элементы и воспроизводящийся стиль властно-политической организации и взаимодействия;

- *во-вторых*, формирование российской государственности, а также социокультурная эволюция публичной власти было воплощением определённых исторических закономерностей, проявлявших себя в деятельности ряда предшествующих государственных образований (хазар, гуннов, монголов и т.п.). Исторические тенденции, территориально-географическая специфика во многом обуславливали не только становление государственности и политической системы, но и существенным образом повлияли на специфику взаимоотношения – человека и государства, государственной власти и отдельных территорий и т.д.;

- *в-третьих*, история развития государственно-территориального, публично-властного и социально-политической трансформации развития российской государственности – есть единое движение по созданию целостного политического пространства на евразийском континенте, это развитие идёт «от меньших единиц к более крупным» (М.Ф. Владимирский-Буданов). Причём другой политической стратегии развития у отечественной системы государственной власти существовать не может, любое деление территорий на малые единицы с их этнокультурной, политической и юридической автономностью неизбежным образом ведёт к краху отечественной государственности, к дестабилизации евразийского геополитического пространства;

- *в-четвёртых*, реконструкция социально-политических трендов (направлений, устойчивых векторов) развития институтов государственной власти должна основываться на том, что: с одной стороны, тот или иной период анализируется как относительно самостоятельный и целостный этап развития государственной власти, в рамках которого исследуются: аксиологические и

гносеологические проблемы (как воспринималась и познавалась государственная власть в конкретную эпоху, на какую ценностно-нормативную структуру она опиралась при обосновании политического порядка и легитимации своей властной активности – идейно-концептуальная практика); морфологические проблемы (институциональная и функциональная конфигурация, строение системы государственной власти – практика государственного строительства, совершенствования и оптимизации институционально-функциональной структуры), социально-практические проблемы (как осуществлялась государственная власть, посредством каких техник и способов, а также национальная специфика властно-политического взаимодействия государства и общества – властно-управленческая практика).

С другой стороны, следует учитывать: во-первых, целостность российской властно-политической эволюции, несмотря на все неожиданные повороты в исторической судьбе отечественного государства; во-вторых, геополитическую обусловленность трансформации государственной власти, на становление и развитие которой влияли как «феномен общеевразийского развития» (А. Фурсов), так и прямое или косвенное воздействие западноевропейских политических ценностей и властно-управленческих практик.

- в-пятых, российская государственная власть это особый, целостный и устойчивый политический и социокультурный феномен, требующий адекватной как теоретико-методологической основы исследования, так и стратегии трансформации (изменения, модернизации, совершенствования). При этом отказ от национальной этнополитической традиции и социокультурных доминант ведёт не к новому, более совершенному и оптимальному развитию российского общества, а к рискогенной и нестабильной этнополитической и социокультурной реальности.

ГЛАВА 2.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И СЦЕНАРИЕВ ЕЁ РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ

Глобализация как устойчивый фактор трансформации национальной государственности и этнополитической организации общества. Современные проекты постсуверенного развития государственной власти и этнополитической организации. Проблемы и противоречия в глобальной трансформации национальных систем государственной власти. Основные риски этнокультурной организации общества в XXI веке. Европоцентрическая, имперская (американская) и плюралистическая модели развития государственной власти

Глобализация как
устойчивый фактор
трансформации
национальной
государственности и
этнополитической
организации общества

Сегодня для всех очевидно, что процессы трансформации государственной власти и национальных систем государственного властвования связаны с развитием глобализации. Глобализация несёт с собой унификацию (приведение к

международно-правовым стандартам, концепции прав человека и проч.) политического и правового развития, а также стандартизацию социально-экономической организации (переустройство всех общественных систем различных обществ по модели рыночных отношений и капиталистического/материалистического мирозерцания).

При этом в международно-правовом и геополитическом взаимодействии складывается устойчивая практика оправдания (легитимации, внешнеполитического согласования, санкционирования) существующих в мире уникальных (самобытных) этнополитических режимов со стороны международного сообщества, где ведущими критериями признания (или непризнания) политической и юридической деятельности являются универсальные принципы (демократические, рыночные и т.д.), доктрины и концепции (либерального западноевропейского правопонимания, прав человека, рациональных, а не духовно-нравственных оснований социального взаимодействия и проч.).

Все эти устойчивые современные практики с очевидностью формируют (дело уже второе – позитивные это процессы или негативные) принципиально иную эпоху в развитии национальных государств, другую геополитическую матрицу (систему) оценки существующих проблем и угроз, а также нестабильные варианты и перспективы цивилизационного взаимодействия (о чем речь пойдёт ниже. Эта эпоха рассматривается многими аналитиками как «парад мягких суверенитетов», постепенной десоверенизации (потеря независимости в принятии публично-властных решений, в проведении самостоятельной правовой политики) государственно-правовых пространств,

слов «национально-территориальных инстинктов» (Ж.-Ф. Ришар) государства, предполагающие всеобщее (сетевое) управление глобальными политическими процессами, «гуманитарные интервенции», стандартизацию экономической и политической действительности.

Политическим клише происходящих трансформаций стало выражение известного политолога Г. Киссинджера о том, что современные мировые процессы свидетельствуют о «смерти» Вестфальской системы и бессмысленности идеи государственных суверенитетов и практики уникального национально-культурного развития. Если сегодня и принято говорить о суверенитете, то лишь в контексте объединённых (региональных, межгосударственных), глобальных суверенитетов, предполагающих интеграцию различных государств в некоторое политически единое (союзное, сетевое) целое, в качественно новую форму планетарной – «космополитической организации» (У. Бек).

Однако сам процесс глобализации рассматривается в современной зарубежной и отечественной науке и политической практике по-разному. Так, в западноевропейской науке глобализация, применительно к обсуждаемой теме, трактуется, обобщённо говоря, в трёх измерениях.

Первая позиция заключается в интерпретации данных процессов с точки зрения взаимосвязи и взаимозависимости национальных систем государственной власти, при реализации своих внутренних и внешних функциональных направлений деятельности (функции современного государства), в контексте устойчиво увеличивающихся международно-политических и социально-экономических взаимозависимостей, транснациональных потоков, сближения политических идентичностей и социокультурных взаимосвязей ⁸¹.

Вторая позиция делает упор на сближение и унификацию юридических и политических форм и средств коммуникации. Здесь глобализационные

⁸¹ Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perration J. Global Transformation. Cambridge: Polity Press, 1999.

процессы мыслятся не с точки зрения увеличивающейся взаимозависимости национально-государственных пространств – как в первом случае, а с точки зрения глобализации самих этих пространств, их открытости и «готовности» к глобальной трансформации институтов власти и политических практик⁸².

Третья позиция рассматривает процессы глобализации как качественную трансформацию этнополитических и национально-юридических форм организации, в контексте которых национально-государственное перестаёт «создавать общий порядок взаимоотношений» и стимулирует новые космополитические принципы организации человеческой жизнедеятельности. Эти процессы ведут, с точки зрения исследователей, придерживающихся этой позиции – к тому, что «мировое внутривластное пространство власти будет концептуально и политически освоено вне старых категорий национального и интернационального» и откроются «перспективы космополитического обновления политики и государства»⁸³.

В современной российской политической и юридической науке процесс глобализации государственной власти рассматривается двояко.

С одной стороны, он анализируется как специфическая, объективно существующая тенденция наравне с такими процессами, как регионализация, провинциализация, локализация и др. Например, С. Проскурин обосновывает, что процесс глобализации не является продуктом исключительно нашего времени, а свойственен, в той или иной мере и в разных качествах, всей истории развития человечества⁸⁴. Это обусловлено, прежде всего, тем, что одним из побудительных мотивов человеческой деятельности, как полагает Г. Х. Шахназаров, стала потребность в общении, взаимопонимании. Данная мотивация, как известно, проявлялась на разных уровнях человеческой

⁸² *Geddes A., Favell A. The Politics of Belonging: Migrants and Minorities in Contemporary Europe. Aldershot: Ashgate, 1999.*

⁸³ *Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 11. В этом аспекте космополитизм выступает в качестве «очередной великой идеи, которая приходит на смену исторически исчерпавшим себя национализму, коммунизму, социализму, неолиберализму» (Там же. С. 15).*

⁸⁴ *Проскурин С. Глобализация как фактор поляризации современного мира. М., 2002. 54.*

организации – от самых простых социальных систем – до планетарных общностей – «объединение людей в род, племя, государство, нацию, мировое сообщество»⁸⁵.

С другой стороны, глобализм трактуется как тенденция к распространению культурно-индифферентного международного стандарта, глобального мирозерцания, планетарного и сетевого сознания, имеющих «свои теневые стороны» и порождающих «собственную антитезу – идеологию и движение антиглобализма»⁸⁶. В данном случае речь идёт о гуманитарной, экономической, политической унификации существующих государственно-правовых пространств (стиранию их социокультурной, этнополитической специфики, правовой уникальности в пользу единых стандартов юридико-политического развития) в соответствии с определёнными «стандартизированными»⁸⁷ идеалами и принципами.

В этом плане следует согласиться с профессором М.Н. Марченко, когда он отмечает, что «глобализм как тенденция, как естественный процесс, наконец, как предтеча глобализма – “определённого цивилизационного стандарта” и определённого мировоззрения – существовал в человеческом обществе и оказывал активное воздействие на государство и право практически всегда, на всех этапах развития человеческой цивилизации. Что же касается глобализма – определённого, сформировавшегося явления в виде “цивилизационного стандарта” и “планетарного” мировоззрения, то он появляется и соответствующим образом воздействует на национальные государственные и

⁸⁵ Шахназаров Г.Х. Глобализация и глобалистика – феномен и теория // Pro et contra. 2000. № 4. С. 186.

⁸⁶ Неклесса А.И. Глобализация и новое геэкономическое мироустройство // Философия хозяйства. 2002. №1. С. 110.

⁸⁷ В данном случае «стандартизированный» берется в кавычки с той лишь целью, чтобы показать условность проектов унификации цивилизационного развития. Дело в том, что в современный период развития международного порядка существует по крайней мере несколько таковых проектов, основывающихся на совершенно разных постулатах и принципах. Рассмотрение и обоснование последних будет предпринято ниже.

правовые институты лишь на самых поздних стадиях развития мировой цивилизации»⁸⁸.

В то же время в научной литературе существует и иная – «*третья позиция*», идущая в некотором смысле вразрез с вышерассмотренными. Так, по мнению А.П. Бутенко, слишком широкая трактовка понятия «глобализм» неоправданна. Рассмотрение его как тенденции, естественного процесса и «определённого международного стандарта» наполняет данное понятие слишком значительным содержанием. Уязвимость предлагаемой трактовки понятия «глобализм», по его мнению, как раз и коренится в том, что он осмысливается как объединительный процесс без конкретизации его сущности и содержания в пространстве и времени. Следовательно, как справедливо отмечает Ю. Шишков, такая терминологическая путаница (неверное, искажённое восприятие и понимание) ведёт к серьёзным концептуальным ошибкам: «например, когда началась глобализация, ответ на который, в свою очередь, предопределяет то или иное содержание данного понятия». С этих позиций автор утверждает, что глобализация – это качественно новый этап развития, отличающийся от предшествующих этапов и ступеней интернационализации⁸⁹.

Современные проекты
постсуверенного развития
государственной власти и
этнополитической
организации общества

Выше рассмотренные процессы, протекающие в настоящее время и их развитие в ближайшей перспективе позволяет судить о том, что сейчас и в дальнейшем будет происходить неизбежное переосмысление категории

⁸⁸ Марченко М.Н. Глобализация и ее воздействие на современное национальное государство (методологический аспект) // Теоретико-методологические проблемы права. М., 2007. С. 59.

⁸⁹ См. об этом подробнее: Глобализация и государственное единство России / Б.С. Эбзеев, Р.А. Айбазов, С.Л. Краснорядцев; от ред. Б.С. Эбзеев. М., 2006. С. 60 – 61.

«суверенитет», как фундаментального признака государственной власти, по которому её описывали и воспринимали в XX веке. В свою очередь, кардинальный пересмотр (некоторые теоретики и политики вообще настаивают на «уходе» с авансцены категории «суверенитет» и «суверенного» принципа понимания государства) данного фундаментального признака свидетельствует о наступлении нового этапа интернационализации – глобального мироустройства⁹⁰.

Причём новый формат изложения этой категории связан в практическом плане – с формированием глобального мирового политического порядка, его стандартов, параметров и режима функционирования, правил и систем поддержки; а в теоретическом смысле – с формулированием внегосударственных (международных) аксиом и ценностей, нового планетарного космополитического мировоззрения. Все это очевидно любому человеку, хоть немного интересующемуся современными политическими событиями и процессами и объяснимо (например, стремление ряда государств навязать приоритеты внутренней и внешней политики суверенного государства или различные практики смены государственных режимов и политической элиты, не реализующих универсалистские принципы), поскольку сегодня в политической риторике и научных исследованиях главный упор делается не на объективные глобальные тенденции, социокультурный диалог и обмен, а, напротив, на процесс формирования нового *постсуверенного мирового порядка*.

⁹⁰ По утверждению Ф. Фукуямы в международной политике следует признать существующее дефакто состояние разложения суверенитета, его практической недееспособности и теоретической бессмысленности. Поэтому, с его точки зрения, необходимо выработать инструменты по «подавлению» амбициозных позиций ряда государств в независимости и самостоятельности в решении экономических, политических, культурных и иных проблем. Следует, по его мысли, открыть глаза на то, что уже давно «принципы суверенитета и неприкосновенности национального государства, являющегося основой Вестфальской системы, фактически разрушены и, по существу, сегодня не соблюдаются, поскольку то, что происходит внутри отдельных государств – в их внутреннем управлении, – часто оказывает большее влияние и на жизнь других членов международного сообщества» / Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2007. С. 157.

Современный проект постсуверенизации государственно-правовых пространств рассматривает и анализирует государственную власть не как прежде – с точки зрения национально-культурной уникальности (близости или отдалённости в политическом, социально-духовном, правовом, экономическом и ином развитии), а сквозь призму включенности государств в формируемый порядок, соответствия его стандартам, а также легитимации (признания) того или иного политического режима со стороны международного сообщества.

Так, проблема безопасности переносится с суверенных территорий и рассматривается с международной точки зрения (внетерриториальной, планетарной, всеобщей). Легальность и легитимность экстраординарных ситуаций и чрезвычайных режимов обосновывается не через обеспечение целостности, единства, стабильности суверенного государства, а посредством международного санкционирования, т.е. признание этих действий как необходимых для сохранения, продвижения глобального порядка и соответствующей идеологии⁹¹. Прав в этом плане С. Мирзоев, когда отмечает, что главная цель современных международных организаций – сформировать такую практику надгосударственного вмешательства, когда становится возможным «признание нелегитимности, неправомерности, в конечном итоге – незаконности действующего правительства выдвиганием агитационных тезисов о необходимости противодействия властям, обоснованием игнорирования законов страны, привнесением критериев внешней легитимности в процесс формирования и осуществления власти»⁹².

Вообще, процессы развития глобальной политической коммуникации не только «вводят» новых политических субъектов взаимодействия, но и изменяют привычные формы и технологии признания и одобрения публично значимых управленческих решений (политических, экономических, юридических, социально-культурных). Сегодня в глобальном политическом и

⁹¹ За примерами, впрочем, далеко ходить не нужно, достаточно вспомнить международную оценку событий происходивших в Югославии, Украине, Абхазии и т.п.

⁹² *Мирзоев С.* Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях». М., 2006. С. 34.

международно-правовом процессах национальная система государственной власти выступает лишь одним из субъектов наравне с транснациональными корпорациями, неправительственными организациями, международными сообществами и проч. Причём решения глобальных проблем, по справедливому заключению Ульриха Бека, «открывают новые внедемократические, внегосударственные источники обоснования самой себя легитимности: голосование заменяется одобрением»⁹³.

В этом изменяющемся формате политического взаимодействия на глобальном уровне национальные формы легализации и легитимации публичной деятельности полностью игнорируются, трактуются как неэффективные, неадекватные, не отвечающие новым принципам, правилам и задачам глобального политического процесса. При этом традиционный формат обоснования социально значимых решений заменяется *процессом самолегитимации*, т.е. моральным, экономическим, военным и иными способами *обоснования* принятого политического решения и поиском *соглашений* с другими глобальными субъектами, как это было в случаях «военных интервенций», «военного гуманизма», международного давления, попечительства и т.п.⁹⁴

Именно данные факты трансформации политической коммуникации сегодня вызывают массу нареканий у известных аналитиков. Так, например, Н.А. Нарочницкая справедливо указывает на то, что «многочисленные НПО, не подтверждённые демократическими признаками массового доверия, стали вдруг отождествляться с vox populi и претендовать на роль общественного обвинителя времен тоталитарных судебных процессов, чего никогда не было в прошлом». Причём особая категория НПО вообще «претендует на роль судей в вопросах мировоззрения всего общества и государственной политики. Это явный выход за пределы гражданского общества». Поэтому с точки зрения исследователя, сегодня необходимо дать политическую и научную оценку: с

⁹³ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. С. 36.

⁹⁴ Подробнее об этом: Хомски Н. Новый военный гуманизм: Уроки Косова. М., 2002.

одной стороны, перерождению НПО из институтов гражданского общества в глобальных политических субъектов с «неподтверждённым демократическим мандатом», а с другой – характеру взаимодействия этих общественных организаций с государственной властью⁹⁵.

Неслучайно, сегодня «терроризм», «насилие», «вооружённое подавление» как строгие термины, а не конкретные явления, вышли за внутригосударственные рамки и стали составляющими международно-политической концепции. Причём сегодня содержание термина «терроризм» не однозначно и варьируется в зависимости от политической ситуации (конъюнктуры). Все зависит от того, кто даёт трактовку вооружённому насилию. Так, если какой-либо режим не вписывается в современный глобальный порядок, то любые усилия по восстановлению единства и целостности общества и государства могут трактоваться как террористические, насильственные вооружённые действия против народа, человека, его прав и свобод. В другом случае, напротив, эта же ситуация может быть интерпретирована как борьба за свободу и демократию.

Вообще, риторическая формула обеспечения мирового порядка, статус «врага мира», «человечества», «демократии и свободы» делает современное международное сотрудничество потенциально конфликтогенным, а политическое и военное противоборство тотальным. Примечательно, что данные категории апеллируют к некоторому аморфному, нефиксированному субъекту, которого каждый раз уточняют сызнова в зависимости от политической обстановки, стратегических потребностей, интересов постколониального мирового порядка⁹⁶.

⁹⁵ См. об этом: *Нарочницкая Н.А.* Демократия XXI века: перерождение смыслов и ценностей // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / отв. ред. Н.А. Нарочницкая. СПб., 2008. С. 9.

⁹⁶ Так, У. Бек отмечает, что формирование самой концепции и реальных международных институтов «отслеживающих» нарушение прав человека, принципов демократии, террористические и иные угрозы международной безопасности, выступающих в качестве «транснациональных государств-надзирателей» везде к тому, что аморфным понятиям, таким как «глобальная безопасность», «цивилизационный стандарт развития» и т.п. придаётся больше значения, чем самой свободе и демократии. В этой концепции гражданину, организации, государству «придётся доказывать, что они не опасны, ибо в этих

Справедливы в этом плане суждения М. Ремизова, который замечает, что «сегодня кажется более актуальной вторая характеристика тотальной войны: её вездесущность. Если потенциальная бесчеловечность вытекает из “не-человеческого” качества врага (враги человечества, лишённые человечности), то потенциальная вездесущность непосредственно следует из его “неограниченного” качества»⁹⁷.

Проблемы и противоречия в
глобальной трансформации
государственной власти.
Основные риски
этнополитической
организации общества в
XXI веке

Становление постсуверенного порядка приводит и к размыванию производной от суверенитета государственной власти категории «легитимного и легального насилия», «поскольку дискурс гуманитарных прав и опирающиеся на него военные интервенции и другие

узаконенные акции, – замечают современные исследователи М. Хардт и А. Негри, – способствовали постепенному продвижению к делегитимации государственного насилия даже при осуществлении его на собственной национальной территории». В этой ситуации исчезновение монопольного (суверенного) права государства на легальное и легитимное принуждение ставит весьма тревожные вопросы: «Если насилие со стороны государства априорно нельзя считать легитимным, то от чего зависит теперь легитимность

условиях под подозрением окажется каждый, ведь каждый (от отдельного индивида до целого государства – *авт.*) может оказаться террористом». Причём, например, «каждый должен смириться с тем, что его без всякого конкретного повода будут проверять на предмет благонадёжности. Если додумать ситуацию до конца, то индивидуализация войны ведёт к смерти демократии, ибо государства должны объединиться с государствами *против* граждан, чтобы избежать опасностей, грозящих им со стороны граждан». В целом террористические конструкции, лозунги всеобщей безопасности, абстрактные образы «врагов демократии» в конечном итоге *«убивают плюрализм в обществе и рационализм экспертов, независимость судов и безусловную законность прав человека*. Они уполномочивают государства и тайные службы на политику разрушения демократии» (Бек У. Власть и её оппоненты в условиях глобализма. С. 32 – 33).

⁹⁷ Ремизов М. Опыт консервативной критики. М., 2002. С. 60.

насилия? Является ли всякое насилие легитимным в равной мере? Есть ли, скажем, у бен Ладена и “Аль-Каиды” столь же законное право на совершение насилия, как и у американских военных? Является ли насилие палестинских групп, направленное против израильских граждан, в той же мере законным, что и насилие израильских военных против граждан Палестины?». Поэтому в мировом порядке, «где, – продолжают вышеназванные авторы, – никакое насилие не будет легитимным, в принципе допустимо называть всякое насилие терроризмом... все существующие сейчас определения терроризма неустойчивы и зависят от того, кто или что определяет их основные компоненты: законность правительства, права человека и правила ведения войны»⁹⁸.

Достаточно устоявшимся в современной исследовательской практике стало утверждение об объективности процессов глобализации, или, более точно, об объективности процессов глобальной трансформации государства и права. С этим, с нашей точки зрения, можно согласиться лишь частично, поскольку закономерным видится межгосударственное сотрудничество при решении многих глобальных проблем. Однако это не означает, что процесс глобальной унификации национального законодательства и этнополитической организации общества, отмирание суверенного качества государственной власти носит объективный характер⁹⁹.

Иначе говоря, практика государственного сотрудничества, возникновение глобальных экономических, экологических и политических проблем объективно вынуждают государства к интенсификации сотрудничества, к

⁹⁸ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 43.

⁹⁹ Здесь следует привести выводы известных исследователей современных глобальных процессов Эдгара Гранде и Томаса Рисса, которые они сформулировали после многолетних и системных исследований влияния процессов интернационализации на развитие национальных систем власти, экономики, культуры и т.п.: «*во-первых*, исходящее от глобализации давление во многих сферах *меньше, чем принято считать*. Во-вторых, от глобализации не только исходит призыв к уменьшению роли государства, но и во многих сферах интернациональной политики транснационально оперирующие акторы *требуют усиления государственного регулирования...* (курсив – авт.)» (Цит. по: Бек У. Указ. раб. С. 44).

поиску наиболее эффективных форм и механизмов совместной деятельности. Безусловно, это *объективная закономерность современной действительности*. Однако суждения об ослаблении роли национальных государств, о постепенном отмирании внутринациональной легитимации монопольной триады государства (установление общеобязательных норм, легальность государственного принуждения, право формирования и применения вооружённой силы), а также стирание государственных границ и «освобождение политического от культурной и этнической идентичности» (У. Альтерматт) следует признать не как объективную серию процессов, обусловленных глобализацией, а как продуманный *политический проект утверждения нового десоверенного миропорядка*.

В последнем варианте утверждается, будто бы для всех этнополитических пространств характерны общие объективные тенденции, при которых «управление, имеющее кардинальное значение для рыночной экономики, не должно отождествляться с государством, ибо глобальная политика отделяет управление от государства и его органов»¹⁰⁰. Данные объективные закономерности по мысли, прежде всего, западных аналитиков, приводят к повсеместному сужению роли государства в мировых процессах, стирают государственные границы и суверенитет, и на первый план выдвигают в качестве значимых субъектов международного взаимодействия глобальное гражданское общество (лишённое этнополитической и культурной идентичности), глобальных экономических субъектов (ТНК, МВФ, ВТО, ВБ и др.), международно-правовые и политические организации (ООН, НАТО и т.п.)¹⁰¹. Именно эти организации глобальной иерархии формируют

¹⁰⁰ См. об этом: Глобализация и государственное единство России / Б.С. Эбзеев, Р.А. Айбазов, С.Л. Краснорядцев; отв. ред. Б.С. Эбзеев. М., 2006. С. 90.

¹⁰¹ Характерный для этой позиции лозунг У. Альтерматта: «*Национально-государственное мышление и действия европейцев должны быть денационализированы* (выделено нами – авт.)». Соответственно, следует признать в современном глобализирующемся мире объективность тенденции формирования новой формы общественной организации, освобожденной от традиционных национально-культурных пут – глобального гражданского общества. «Современные государства, – продолжает автор, – могут существовать лишь в том случае, если они освобождают политическое гражданство от культурной и

принципиально иную политико-правовую, экономическую и социальную (гражданскую) организацию, в которой государства являются лишь одним из уровней (притом не самым существенным) управления в этой глобальной иерархии институтов и структур.

В свою очередь, мы убеждены, что данная «объективация» процессов глобальной трансформации государства и права – это лишь политический проект формирования нового мирового глобального (имперского) порядка¹⁰², который не следует (часто невозможно) отождествлять с закономерностями эволюции государственно-правовых суверенных пространств.

Во-первых, в рамках данной позиции игнорируются очевидные теоретические положения: все социальные явления и процессы, тем более закономерности их развития и функционирования специфичны и действуют в контексте определённого пространства и времени. Не существуют абсолютно схожие, одинаковые государственно-правовые закономерности, выражающие однотипность и регулярность политических явлений и процессов. Можно лишь говорить о схожести в развитии тех или иных политических и правовых систем.

Именно познание специфических национально-культурных и этнополитических закономерностей развития феномена государственной власти позволяет отразить сопротивляемость, готовность национального материала (бытия) к тем или иным политико-правовым рецепциям и заимствованиям. Поэтому если и говорить о глобальных (выражающих наибольшую степень общности, обобщенности) государственно-правовых закономерностях, то лишь в контексте определённого государства и национального политического пространства, конкретных правовой и политической систем.

этнической идентичности (курсив наш – авт.)). Следовательно, объективность формирования глобального гражданского общества требует, чтобы гражданство стало исключительно политическим феноменом, лишенным какого-либо культурного или этнонационального содержания: «Гомогенность национального государства должна основываться на политических, а не на этнокультурных факторах» / См.: *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000.

¹⁰² Наиболее подробно о сущности, формах и процессах навязывания глобального имперского порядка см.: *М. Хардт, А. Негри.* Империя. М., 2004.

Справедливо в этом плане отмечает М. Ремизов: «Бессмысленно воевать с законами, на которых основана экспансия западного глобализма, и бессмысленно отрицать, что они, так или иначе, существуют. Но все социальные законы – и даже физические – *имеют лишь ограниченные диапазоны действия и уместны лишь внутри неких пороговых величин*. В случае физики предпосылочные “фундаментальные физические константы” их значения произвольны, то есть невыводимы ни из каких законов. И будь они иными, облик мира также был бы иным. В случае же общества эти пороговые величины можно мыслить *антропологически*» (курсив – авт.)¹⁰³.

Во-вторых, сегодня за риторическим клише «объективные закономерности глобализации государства» фиксируются не общемировые тенденции международного развития, а напротив, маскируются специфические процессы гуманитарной и экономической экспансии мировых держав, прежде всего, стратегические и тактические интересы США. Прав в этом плане С. Кара-Мурза, когда отмечает, что «сегодня речь идёт не вообще о глобальных процессах в развитии человечества, а о специфическом нынешнем этапе – попытке создания Нового мирового порядка и той мифологии, которая эту попытку идеологически прикрывает»¹⁰⁴.

Следовательно, нынешний этап «глобализации государства» следует трактовать как идеологический проект постсуверенного мирового политического порядка, в содержании которого лежат неолиберальная доктрина и технократический подход к социально-экономическому развитию¹⁰⁵. Справедливости ради следует согласиться с З. Бауманом, который

¹⁰³ Ремизов М. Указ. соч. С. 86.

¹⁰⁴ Кара-Мурза С.Г. Россия в «глобализирующемся» мире // Философия хозяйства. 2001. № 1. С. 148 – 149.

¹⁰⁵ Неолиберальная модель постсуверенного порядка предполагает сужение до минимума функций и значения государственной власти; «ослабление способности государственных органов регулировать и контролировать национальную экономику и решать социальные проблемы; рост экономической и политической власти глобальных экономических игроков, в том числе, транснациональных корпораций и новых финансовых спекулянтов, которые независимы, освобождены (в том числе юридически) от ограничений и какого-либо демократического контроля; ослабление власти ООН на фоне роста власти международных

отмечал, что формирование самой идеи глобализации как нового этапа в эволюции человеческой цивилизации, связано со стремлением ведущих «мировых игроков» получить механизмы глобального управления и контроля. Она «выражала надежду, намерения и решимость навести порядок» в его универсальном значении, «во всеобъемлющем, подлинно глобальном масштабе»¹⁰⁶.

В-третьих, «объективные закономерности» интернационализации и глобализации гражданского общества также следует трактовать как политический проект. Так, интерпретируемый, идеологами глобальной политической унификации всеобщий гражданский мир как лишённый национально-культурной и этнической идентификации, в том числе и национально-государственной, в своей сущности несёт логическое противоречие. При этом обосновывается, что новый мировой порядок будет основан на гражданской организации (глобальном гражданском обществе), стирающей государственные границы, перерастающей национально-культурные рамки самоорганизации людей. Другими словами, происходит глобальная институционализация жизненного мира (глобальные изменения в структуре гражданского общества), представляющая собой «организацию повседневных локальных взаимодействий и социализации непосредственным (минуя национально-государственный уровень) взаимодействием макроструктур мирового порядка»¹⁰⁷.

Однако не совсем понятно, почему этот проект использует категорию гражданственности, которая, напротив, фиксирует тесную и неразрывную связь человека, социальных групп с государством, их взаимные права и обязанности. Как в этом случае снимается предусмотренная гражданством

финансовых организаций – ВБ, ВВФ, ВТО, над которыми также нет демократического контроля и которые выступают проводниками политики стран “большой семерки”» / Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М., 2006. С. 375.

¹⁰⁶ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 87.

¹⁰⁷ Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. С. 364.

внутринациональная организация общества и система взаимных прав и обязанностей (если угодно, взаимного «служения» в системе личность – общество – государство), не совсем ясно. Без ответа пока остаётся и вопрос о том, какие новые формы идентификации и общественной самоорганизации, придут на смену национально-государственным формам.

В-четвертых, тезис об объективной закономерности десоверенизации государственной власти логически предполагает исключение в качестве сущностных признаков последней трёх монопольных прав: установление общеобязательных норм; легальное применение государственного принуждения; формирование вооружённых сил и «независимое» использование их для поддержания порядка и безопасности. Как известно, именно данные признаки (вторичного) характера отличают государство от иных политических организаций, нивелирование их приводит к размыванию властно-правовой сущности и функционального назначения государства. При этом государство, лишённое этих монополий, практически выступает на равных с иными политическими субъектами – политическими партиями и движениями, профсоюзами, общественными организациями и т.п., особенно в контексте глобального миропорядка, где вообще отпадает смысл и социально-политическое назначение данного института.

Очевидно, что природа государственной власти и ее функциональное назначение раскрываются через сущностные характеристики, проявляющиеся в единстве его первичных (власть, территория, население/налоги) и вторичных (суверенитет, три вышеназванные монополии, символика и др.) признаков. «Изъятие» у института государства определённых функциональных признаков приводит, как известно, либо к исчезновению института, либо к его дисфункциональности. При этом дисфункциональная, институционально искажённая деятельность публично-властного института всегда вызывает процессы замещения его иными, более оптимальными эквивалентами,

функциональными заместителями¹⁰⁸. Как уже отмечалось выше, суверенность означает государственную монополизацию определённых общественных функций, т.е. невозможность существования каких-либо иных (негосударственных, международных, теневых) функциональных альтернатив или функциональных эквивалентов.

В то же время проект глобального мироустройства не исключает, а, наоборот, полагает, что институт государства – необходимое звено в мировой иерархии политических институтов, среднее звено, обеспечивающее по универсальным параметрам мировой порядок, локализованный на определённой территории¹⁰⁹. В свою очередь, неясным остаётся, как сможет обеспечивать этот порядок государство, чей политико-правовой статус будет практически схож со статусом, например, политических партий. Десуверенизация государственной власти без предложения взамен иных эффективных политико-правовых структур, обеспечивающих оптимальное управление локальными территориальными единицами в рамках глобального миропорядка, представляется скорее утопической иллюзией, нежели реальным политическим проектом.

Напротив, развитие политических систем в современной международной обстановке свидетельствует об усилении функциональной роли государственной власти. В противовес теории «ослабления суверенного качества» государства наблюдаются процессы возрастания роли институтов

¹⁰⁸ См. подробнее об этом: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 122 – 124.

¹⁰⁹ Так, интерпретируя этот проект формирования глобальной иерархии, А. Пензин отмечает: «“Империя” обозначает новую форму *глобального суверенитета* со своими органами власти, порядками иерархий и политической стратегией “вмешательства во имя универсальных ценностей”. При этом национальный суверенитет не исчезает - скорее государства качественным образом меняют свои функции, выстраиваясь в разные уровни власти мировой “имперской машины”. Она образует ряд страт: на высшем уровне располагаются государство-гегемон США, “семерка” развитых держав; на среднем - транснациональные корпорации и большинство национальных государств; на нижнем - различные институты, представляющие глобальное гражданское общество (ООН, масс-медиа, неправительственные международные организации гуманитарного толка)» / Пензин А. «Революционное чудовище»: понятие множества в философии Антонио Негри [Электронный ресурс]. URL: www.situation.ru/app/j_jn_34.htm/ (дата обращения: 04.04.2012 г.)

государственной власти не только в управлении внутринациональным пространством, но и на международной арене – в урегулировании различных конфликтов. Поэтому следует присоединиться к позиции Б.С. Эбзеева, согласно которой следует говорить не об «отмирании» института государства, а о его адаптации к изменяющимся условиям функционирования: «Государству и органам ещё предстоит пережить нелёгкий процесс адаптации к меняющимся условиям развития глобализирующегося мира, но уже сейчас видно, что от этого зависит не только судьба государства и преодоление его, пусть и видоизменённой, однако *столь же важной, как и раньше, исторической миссии* (курсив наш – авт.)»¹¹⁰.

Выше нами были рассмотрены различные подходы к обоснованию «сужения» суверенных прав государственной власти, а также связанные с этим формы институционализации коллективных (общих) интересов, подрывающие самостоятельность решения национально-государственным пространством своих внутренних и внешних проблем. Теперь, резюмируя вышеизложенное, можно выделить ряд подходов к формулированию сценариев дальнейшей глобальной трансформации государства и права, фиксации определённого мирового порядка и соответствующей системы международных отношений.

Действительно, сегодня главный спор, разворачивающийся на международной арене, связывается с тремя фундаментальными вопросами: *во-первых*, за кем закрепляется (признается) суверенное право вмешиваться во внутренние политико-правовые и социально-экономические процессы тех или иных стран?; *во-вторых*, какие формы и способы такового вмешательства следует признать легитимными?; *в-третьих*, на основании каких критериев (исходя из каких интересов) следует принимать решение о таком вмешательстве? Нижеприведенные подходы отражают разные ответы на эти три вопроса: кто, как, зачем?

¹¹⁰ Глобализация и государственное единство России. С. 105.

Европоцентрическая
модель
трансформации
государственной
власти

Данная модель предполагает, что на смену Вестфальской системе сформировать систему международных организаций и учреждений, наделённую глобальным суверенитетом. Следовательно, все суверенные права государств

так или иначе нивелируются при вступлении в международную общность государств, а принятие общезначимых решений и формулирование общих (коллективных) интересов станет прерогативой международных институтов.

В этом плане Европа (как глобальный политический проект) представляет собой «политический сосуд», «резервуар» для гражданской свободы различных наций с общей правовой культурой и политической идентичностью (этнонациональная, религиозная и иная принадлежность является делом частным, индивидуальным, фактором внутреннего личностного опыта). Она не образует никакой родовой общности, а является «Европой по выбору». При этом на первый план выдвигаются права вступления в Европу, она открыта для новых членов.

Таким образом, Европа становится центром распространения демократических стандартов, основных правил взаимодействия, осуществляющим контроль и регулирование иными (не вошедшими в Европу, не реализующими европейский проект) странами, мировыми перифериями. В данном проекте предполагается, что авторитет международных неправительственных (стоящих выше всяких правительств) организаций направлен на «усомнение» в легитимности существующей власти и демократичности политического процесса в том или ином государственно-правовом пространстве. В то же время правовой характер выборных процедур и институционально-правовые основания политического процесса не будут иметь особого значения, даже сам «акт голосования граждан, достойный уважения,

согласно Всеобщей декларации прав человека и гражданина, не имеет никаких юридических последствий для ОБСЕ»¹¹¹.

При этом в принципе любой государственно-правовой режим считается нелегитимным, даже если его публично-правовые институты сформированы на основе демократических процедур. Так, внешнеполитическая легитимация государственной власти может в некоторых случаях, как показала практика «цветных революций», поставить под сомнение и сами демократические процедуры, «поскольку волю избирателей может заменить авторитетное мнение международной организации, а результаты голосования окажутся нелегитимными»¹¹².

Справедливо в этом плане отмечает Н.А. Нарочницкая, что демократия, права и свободы человека становятся не ориентиром развития внутригосударственного устройства, основой международно-политического и социокультурного обмена, а «предметом политического шантажа, вмешательства во внутренние дела суверенных государств, фарисейских манипуляций». Напротив, все чаще именем будущей демократии, глобального демократического общества «обосновывается грубое попрание права и закона как внутри собственных стран, так и в отношении государств в мировом сообществе. Тенденции же более свидетельствуют не о демократии, а о ее подмене “глобальным управлением” со стороны группы стран и некой наднациональной интеллектуальной когорты»¹¹³.

Таким образом, в контексте этой модели демократическая легитимность больше не связывается напрямую с избирательными процедурами, волей нации и т.п., а опосредуется волей международного сообщества, неправительственных международных организаций. В этой части можно согласиться с Ф. Фукуяма, что «это международное сообщество не воплощается конкретно в каком-либо одном глобальном демократически установленном порядке, однако придает

¹¹¹ Мирзоев С. Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях». М., 2006. С. 27.

¹¹² Там же.

¹¹³ Нарочницкая Н.А. Демократия XXI века: перерождение смыслов и ценностей // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб., 2008. С. 6.

легитимность существующим международным институтам, которые отчасти его воплощают». Отсюда, справедливо полагает он, «миротворческие силы в бывшей Югославии следует рассматривать не просто как конкретные межправительственные меры по урегулированию ситуации, но скорее, как моральное выражение воли и норм международного сообщества»¹¹⁴.

Ту же идею обосновывает и Генеральный секретарь ООН, когда интерпретирует сущность и значение института вмешательства: «В случае, когда вмешательство с использованием силы становится необходимым, мы должны обеспечивать, чтобы Совет Безопасности — орган, на который возложена ответственность за санкционирование применения силы в соответствии с нормами международного права, — был в состоянии справиться с этой задачей. Как я говорил во время конфликта в Косово, не должно идти и речи о выборе, с одной стороны, между единством в Совете и бездействием перед лицом геноцида, как это было в случае с Руандой, и, с другой — отсутствием согласия в Совете, влекущим за собой принятие региональных мер, как это было в случае с Косово»¹¹⁵. Следовательно, международный институт вмешательства не требует традиционной демократической легитимации (обеспечения единства государств при голосовании по тем или иным вопросам). В данном случае международная организация сама легитимирует решение даже в отсутствие межгосударственного консенсуса.

Очевидно, что при «ослаблении», постепенном нивелировании суверенитета государств-наций международные организации и институты становятся выразителями и хранителями общего (коллективного) интереса и всеобщего блага, стоящих выше интересов и потребностей конкретной страны. Таким образом, глобальные общие интересы и потребности, международные

¹¹⁴ Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2007. С. 184.

¹¹⁵ Выступление Генерального секретаря ООН Кофи Аннана // Проблема вмешательства: Две концепции суверенитета // [Электронный ресурс]. URL: www.un.org. (дата обращения: 04.04.2012 г.)

стандарты и правила становятся доминирующими в мировой политике, обладают большей властью и легитимностью.

Имперская
(американская)
модель
трансформации
государственной
власти

В данной модели, наоборот, провозглашается принцип, согласно которому международные неправительственные организации, а также международные законы, декларации и соглашения не существуют независимо от свободной государственной воли. Если первая модель развития мирового порядка наделяет международные организации статусом «хранительниц всеобщего блага», стоящего выше интересов и амбиций отдельных государственно-правовых пространств, то имперская модель напротив, исходит из ограниченности делегирования власти международным организациям.

Так, по утверждению Ф. Фукуямы американский проект глобализации и формирования имперского порядка исходит из того, что «в Америке существовал только один политический режим, который, будучи старейшей в мире непрерывной демократией, не рассматривается как переходящий политический компромисс. Это означает, что политические институты страны внушают людям почти набожное почтение»¹¹⁶. Поэтому имперский проект глобализации предполагает универсализацию национального интереса, политических институтов, а также стандартизацию правового развития стран не на основе наднациональных ценностей и правил. Он основывается на определённом культурцивилизационном идеале государственно-правового устройства, трактуемого как *единственно верный и непреходящий стандарт в мировом развитии* в целом и конкретных государств в частности.

¹¹⁶ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 189.

Американская модель международного политического и правового порядка в отличие от европоцентрической не стремится демонтировать суверенность государств и легитимность их политических режимов на основании формирования более эффективных международных организаций, осуществляющих глобальное демократическое политическое управление. Дело обстоит иначе: постановка под сомнение легитимности того или иного государства трактуется с точки зрения воплощения на этом локальном или региональном (группа стран) пространстве конкретного идеала социально-экономической и политико-правовой организации.

При этом предполагается ведущая роль международной державы – Америки в антикризисном и координационном управлении демократическим развитием этих пространств. В то же время некомпетентное и неэффективное управление государством в достижении этого имперского идеала автоматически подрывает качество суверенности данной государственной власти и, соответственно, легитимирует внешнее вмешательство империи во внутригосударственные политико-правовые процессы.

Причём эта логика развития глобального имперского порядка распространяется на развитие всех государств без исключения. Её формирование началось ещё в период Второй мировой войны, после окончания которой уже был создан первый стратегический план социально-экономического и политического присутствия США в различных регионах мира, выработаны основные механизмы свержения нелегитимных государственно-правовых режимов: либо путём военного переворота, вооружённого вмешательства, либо путём демократической, мирной трансформации конкретных государств на путь «догоняющего развития», т.е. неизменного следования имперскому идеалу и его политике. Так, «принято считать, – пишет по этому поводу Н.А. Нарочницкая, – что окончательное стратегическое решение США “остаться” навсегда в Европе и инкорпорировать роль, интересы и потенциал Западной Европы в свою глобальную стратегию,

составной частью которой стало поощрение и европейкой интеграции, и “единой Европы”, оформилось лишь в 1946 г.»¹¹⁷.

Неслучайно уже в более поздних исследовательских работах с тех или иных позиций, с помощью различных аргументов и суждений обосновывается необходимость постоянного «присутствия» имперской власти в развитии конкретных государств и регионов мира. Так, например, Ф. Фукуяма обосновывает, что «логика американской внешней политики после 11 сентября подводит ее к такой ситуации, при которой она либо берет на себя ответственность за руководство слаборазвитыми странами, либо передает эту миссию в руки международного сообщества»¹¹⁸.

Очевидно, что в своей сущности и направленности эти два проекта формирования и развития международно-правового порядка противостоят друг другу, в редких случаях идут вместе при достижении совпадающих интересов и целей. Какой проект глобализации окажется более устойчивым в поствестфальской системе мирового развития, покажет время.

Процессы, направленные на разрушение Вестфальского мира, утверждающего суверенитет государств-наций после Второй мировой войны, инициируют формирование новой системы международно-правовых отношений под эгидой неправительственных надгосударственных (глобальных) организаций. Новейший этап развития мирового порядка связан с полной отменой суверенитета и формированием «космополитической демократической системы» и «глобального гражданского общества», которые признают фрагментарность функционирования отдельных (автономных) социумов и локальных пространств и в то же время демократически унифицируют их развитие. На этом этапе формируются единые властно-правовые, социальные и экономические сети управления, а также общие принципы социальной справедливости и стандарты социально-культурного развития, правила и

¹¹⁷ Нарочницкая Н.А. Американские «аналитические институты»: глаза, уши и совесть Америки // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб., 2008. С. 17.

¹¹⁸ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 161.

границы индивидуальных и коллективных действий, обобщённый интерес и всеобщее благо.

Формирующийся новый постсуверенный порядок не только по-иному интерпретирует старые ценности (права и свободы человека и гражданина, демократию, политический плюрализм, легитимность государственного принуждения и проч.) в новом глобалистическом дискурсе, но и заново трактует содержание давно устоявшихся терминов и аксиом. Очевидно, что нивелирование значимости государственного суверенитета, процессы гуманитарной интервенции, стандартизация социально-политического развития предполагают и новые формы гражданской идентичности.

Так, нивелирование этнополитических, социально-психологических и иных факторов в развитии национального политического процесса создаёт реальные предпосылки для формирования глобального гражданского общества (глобального сообщества), опирающегося не на некую этническую общность по происхождению и даже не на общие исторические корни, а на политическую культуру прав человека, правового государства и демократии.

Нация у современных европейских политологов, юристов и социологов уже не является основанием государства и его суверенитета, она трактуется как «сосуд для реализации гражданской свободы», а презумпция уникальности государственно-правового устройства должна уйти с авансены истории – «национально-государственное мышление и действия должны быть денационализированы»¹¹⁹. При этом утверждается, что права и свободы граждан представляют собой действенную в современном глобализирующемся мире универсальную основу гражданской идентичности.

В этом контексте «национальный патриотизм» замещается «патриотизмом конституционным», представляющим только одну возможную форму лояльности в глобальном сообществе. Аксиоматика глобального гражданского общества определяется освобождением политической гражданственности от различных этнокультурных факторов. Справедливо в

¹¹⁹ См. об этом: *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000.

этом аспекте отмечает М. Ремизов, что в такой интерпретации «нация идентична гражданству, гражданство идентично наличию гражданских прав... Тавтологизация нации и гражданства – реальный процесс, посредством которого *общность* и *принадлежность* становятся формальными»¹²⁰.

Однако представляется, что данные теоретические разработки, обосновывающие процессы формирования новой гражданской идентичности, опираются на политический опыт американского общества. Именно там была сформирована «атлантическая модель» гражданского общества, в рамках которой этнокультурная и историческая идентичность формируется преимущественно политическими институтами, конституционализмом и демократией. В современных условиях глобализации эта идея получила новое развитие, поскольку теоретически обосновывает возможность в процессе десоверенизации национальных государств формирование новой формы идентичности. Более того, развитие международных неправительственных организаций (МПО) делает этот процесс формирования вполне реальным. Именно действующие сегодня на надгосударственном уровне МПО и их огромное влияние на развитие национальных государств отражают процесс формирования нового субъекта международных политических отношений глобального гражданского сообщества.

Причём «особая категория НПО (неправительственных организаций, действующих на международной арене – *авт.*) претендует на роль судей в вопросах мировоззрения всего общества и государственной политики. Это явный выход за пределы гражданского общества (в традиционном его понимании – *авт.*)» - отмечает Н.А. Нарочницкая. Поэтому, как справедливо полагает исследователь, сегодня актуализируется востребованность научной оценки и политической роли процесса перерождения неправительственных организаций из институтов гражданского общества в субъектов политической и

¹²⁰ Ремизов М. Опыт консервативной критики. М., 2002. С. 71 – 72.

международно-правовой деятельности, что полностью меняет «смысл и интерпретацию самого понятия гражданского общества»¹²¹.

Профиль глобального проекта гражданского общества определяется ещё и тем, что различие между частным и приватным, общественным и политическим в данном проекте стирается, а плюрализм замещается политико-идеологическим давлением. Если неправительственные организации начинают играть одну из ведущих ролей в политической сфере, то значит, стирается и граница между государством и гражданским обществом. Если международные неправительственные организации в современном мире претендуют на роль форпостов демократии и безопасности, то, значит, они обязаны контролировать политический процесс и вмешиваться во всех случаях, когда течение повседневной практики нарушается фактом, противоречащим демократическим аксиомам.

¹²¹ Нарочницкая Н.А. Демократия XXI века: перерождение смыслов и ценностей // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб., 2008. С.9.

ГЛАВА 3.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ И ФУНКЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

Функциональность (сущность и направления деятельности) как качественная характеристика государственной власти. Основные установки и доктрины к обоснованию функций современного государства: волевая политико-правовая теория; теория субстанционального (органического) единства; рационально-технологическая установка; биополитическая доктрина; социокультурная и этнополитическая доктрина

Функциональность
как качественная
характеристика
государственной
власти

В контексте эволюции политико-правовой организации общества – от раннеклассовых городов-государств до современных государственных организаций – трактовка сущности и назначения государственной власти,

ее форм и содержания рассматривалась именно через функциональные характеристики (т.е. какие функции, направления деятельности, цели и задачи реализовала государственная власть). Мы уже знаем, что уже в раннеклассовых организациях государственная власть оформляется через «отделение» от общества, превращение её в относительно самостоятельный (уровень которой, т.е. границы этой самостоятельности, в каждую эпоху разный, определяется конкретно-историческими социально-нормативными регуляторами, ценностями, целями, задачами и т.п.) публичный аппарат (институт) управления, который функционально специализируется только на регламентировании общественных процессов¹²².

В свою очередь, рассмотрение функциональных характеристик государственной власти имеет как теоретическую, так и очевидную практическую ценность, поскольку последние не только уточняют, конкретизируют социальную сущность, роль и назначение государственной власти, характер деятельности механизма государства (системы органов и структур), но и отражают её разнообразные направления, приоритеты функционирования и разносторонние виды деятельности. Однако здесь следует сделать ряд важных теоретико-методологических замечаний.

Во-первых, институт и функция неразрывны, взаимообуславливают друг друга. И институт, как стандартизированная и устойчивая социально-культурная форма взаимодействия людей в различных сферах (политической, юридической, экономической, духовной и т.п.), всегда связаны с реализацией

¹²² См. об этом: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности, государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения: в 3-х т. М., 1986. Т. 3.

определённой «жизненно важной функции» (Б. Малиновский)¹²³. Поэтому, с точки зрения известного исследователя Р. Мертона, анализ функций и институтов должен представлять собой «единый системный процесс», поскольку любое общество институционально и функционально едино. В том же ключе размышляет и профессор В.Я. Любашиц, указывая на то, что в государственно-властном измерении функция должна рассматриваться как элемент единой системы функций в определённой институциональной публичной организации общества (система властных институтов, учреждений, устойчивых политических и юридических практик и т.д.), вне этой системы и организации «понятие функции не имеет реального смысла»¹²⁴.

Поэтому существующие функции и реализующие их институты являются важными и обязательными для общественной системы, т.к. «если они не будут выполнены, общество не сохранится»¹²⁵. Перефразируя Мертона, можно сказать, что функциональность государственной власти – это необходимый признак её существования и непереносимые условия её функционирования в обществе.

Во-вторых, в политической, юридической и социологической теории функции государственной власти как токовые *вообще не анализируются*, поскольку проблема функций государственной власти, как правило, рассматривается как разновидность вопроса о формах и направлениях деятельности государства. Лишь эпизодически исследователи, анализирующие сущность государственной власти и её функционирование, ставят вопрос: а

¹²³ В этом плане институт, и в частности те или иные властные институты, трактуются с точки зрения «широкого подхода», разрабатываемого в исследованиях так называемого неоинституционального направления (или нового институционализма) анализа политического процесса. В этом контексте под институтом понимается не только формальные и устойчивые правила, процедуры и нормы, но и последний воспринимается в качестве символической системы, когнитивных сценариев и духовно-нравственных образцов (например, публичного взаимодействия личности, общества, государства), которые воспроизводят «рамки значения», управляющие мыследеятельностью человека, их взаимодействием / См. подробнее об этом: *Hall P., Taylor R. Political science and three new institutionalisms // Political studies. 1996. Vol. 44. 947.*

¹²⁴ *Любашиц В.Я. Эволюция государства как политического института общества. Ростов н/Д, 2004. С. 37.*

¹²⁵ См.: *Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 122 - 123.*

«есть ли необходимость выделять функции власти, поскольку давно устоялось понятие функции государства?»¹²⁶. В большинстве случаев, конечно, вопрос решается в пользу отождествления функций государственной власти и функций государства. В редких случаях утверждается обратное, а именно, то, что государственная власть находит своё проявление в присущих ей функциях, которые не совпадают, содержательно отличаются от функций государства¹²⁷.

С нашей точки зрения вопрос должен стоять иначе: изначально не следует сосредоточивать внимание на различии функций государственной власти и государства. Думается, вернее начать анализ с рассмотрения функциональных свойств (как определённых качественных характеристик явления) последних, а по ним очевидно, что функциональные характеристики государственной власти и государства не совпадают по содержанию и объёму (о чем будет более подробно указано ниже).

В процессе эволюции государственной власти условно можно выделить *шесть основных (родовых) и четырнадцать видовых концептуально-политических установок* к интерпретации её функциональных характеристик в этнокультурном измерении. Данные установки *обобщают представления* о сущности институтов государственной власти, их назначении и роли, которые выступают в качестве *теоретического фундамента* при анализе власти, принципов её организации и функционирования в обществе.

Отметим, что данная типологизация является условной и опирается на сложившуюся в науке классификацию основных парадигм научного знания, которые представляют собой несовпадающие логические модели постановки и решения познавательных задач¹²⁸; истолковывают природу и сущность политического, источники формирования и развитие политико-правовой организации общества, наиболее важные и существенные черты и свойства

¹²⁶ Витченко А.М. Теоретические проблемы исследования государственной власти. Саратов; М., 1982. С. 57.

¹²⁷ См. об этом: Григорян Л.А. Социалистическая государственная власть и представительная форма её осуществления // Советское государство и право. 1969. № 3. С. 89 - 90.

¹²⁸ Кун Т. Логика и методология науки. Структура научных революций. М., 1977.

политико-правовой действительности, оформляя все эти представления о политической сфере в целостную теоретико-концептуальную модель мышления, развивающуюся (воспроизводящуюся) в относительно схожих (по направленности, стилю политического и правового мышления, способам постановки и решения политических проблем и т.п.) теориях и доктринах¹²⁹.

Волевые политико-правовые теории

Это так называемая установка «разделённых волей», в содержании которой обосновывается, что государственная власть это специфические отношения между различными политическими волями. При этом целостность этим различным «управительным волям», наполняющим политический процесс, придаёт «наивысшая», верховная воля либо правителя, либо духовного лидера. В свою очередь, единство государственной власти, да и вообще само политико-правовое единство, рассматривается в качестве *публичной фикции*, т.е. заведомо ложного представления об институциональном единстве последних. Например, русский государствовед Н.Н. Алексеев характеризует данный подход к пониманию следующим образом: «Личность государства понималась здесь, как фикция, за которой всегда стояло реальное множество конкретных волевых отношений»¹³⁰.

Данную установку в интерпретации функциональных свойств государственной власти представляют в основном теократические и монархические учения о государственной власти¹³¹. Первые политические

¹²⁹ См. об этом: Дугина А.Г. Философия политики М., 2004; Миронова Н.И. Три парадигмы мышления - три подхода к государству - три культуры управления // Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления: материалы Первой международной научно-практической конференции // под общ. ред. проф. В.Л. Романова. М., 2004. Т. 2. Ч. 2. С. 203 - 214.; Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2006. С. 31 - 50.

¹³⁰ Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 160.

¹³¹ Хотя данный тип политико-правового мышления свойственен в целом теологическому миросозерцанию и монархическим воззрениям в частности, однако в истории политической

учения и доктрины акцентируют внимание на важности религиозно-нормативных и властно-теологических начал, которые доминируют в политической организации общества, поскольку обеспечивают этнокультурное и политическое единство различных воль, организуют их в должный властно-иерархический порядок. Как справедливо указывает Е.Н. Салыгин, «политическое лидерство духовенства в таком случае выступает уже как производный от религиозного регулирования признак... Главное в таком государстве – религиозное учение, содержащее в себе представление об отношении человека к Богу и миру, нравственные нормы и правовые начала для государства и общества. Таким образом, теократия как система религиозно-политических властеотношений... характеризуется не столько властью религиозных лидеров, о чем упоминается во всех дефинициях теократии, сколько верховенством религиозных норм»¹³².

Теократия как политическая идея предполагает активное участие различных «духовных воль» в осуществлении любой публично-правовой, а нередко и частной власти. При этом следует учитывать, что «теократическая идея получает реальный смысл, если рассматривается на почве веры в действительно существующего Бога. В этом случае она выражает *непосредственное управление Бога человеческим обществом, именно Бога, а не какого-либо сословия жрецов, духовенства или священства* (курсив наш –

и юридической мысли существовали и рационалистические доктрины, обосновывающие институциональное строение государственной власти из вышеуказанной теоретической гипотезы, т.е. исходя из парадигмы разделения властвующих воль. Например, доктрина Т. Гоббса, по сути являющаяся «переходной» от божественного понимания политического устройства к рационалистическому; конвергационная - т.е. совмещающая средневековую логику обоснования политических феноменов, и прежде всего государственной власти, с натурфилософскими гипотезами социального устройства. Так, Гоббс настаивал на мысли, что государственная власть является специфическим общественным целым, образующим единую волю из множества воль политических атомов; а само государственное единство, есть «*persona artificialis*» или «*corpus fictitium*». Примечательно, что и классические теории «общественного договора» также использовали эту формулу - «*corpus fictitium*», в их содержание обосновывалось, что государство как политический союз и государственная власть являются продуктами договора, а не естественными, самостоятельно «выросшими организмами» (См. об этом: *Алексеев Н.Н.* Идея государства. СПб., 2001; *Чичерин Б.Н.* История политических учений. Новое время. М., 1872. Ч. 2.).

¹³² *Салыгин Е.Н.* Теократическое государство. М., 1999. С. 25.

авт.)»¹³³. Именно поэтому в теократическом политическом режиме доминирующее положение занимает идея Бога, а сама государственная власть, как в качестве идеи, так и как политический и правовой институт, отходит на второй план, воспринимается в качестве инструментальной, подчиненной (обусловленной целью): «При таком условии (теократическом развитии государства), - отмечает Л.А. Тихомиров, - у народа, строго говоря, нет государства. Но *идея Богоуправления* может войти в государственность, если *является в форме какой-либо делегации Божественной Верховной власти*»¹³⁴.

При этом реализация власти этими публичными институтами носит исключительно *служивый характер, чем в целом и обеспечивается этнокультурное и политическое единство теократического режима*. Например, государственная власть в Средние века по заверению историка Бертрана де Жувенеля, «являет нам Власть наименее свободную и наименее самоуправную - насколько только мы можем себе это представить. Ибо она связана одновременно человеческим законом, обычаем и Божественным законом. И ни с той, ни с другой стороны она не полагается только на своё чувство долга». Общий средневековый политический дискурс направлен на заботу о том, чтобы Власть оставалась «ревностной служительницей небесной монархии, наставлениям которой она должна следовать абсолютно во всем»¹³⁵.

В свою очередь, монархическая установка исходит из гипотезы разделения публичной власти в государстве на два основных типа – это единая, неделимая верховная власть и власть «разделенных волей» – управительная государственная власть. Власть верховная антиномична по своей природе. Она является, с одной стороны, центром политической организации, обосновывающей функционирование разделённых властных волей, выражая единство и целостность публичной власти в государстве¹³⁶, а с другой – это

¹³³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 128.

¹³⁴ Там же. С. 128.

¹³⁵ Жувенель Б. де. Власть: естественная история ее возрастания. М., 2011. С. 62.

¹³⁶ Данная политическая установка проявляет устойчивость и в современном политическом и правовом мышлении, получив своеобразное институционально-правовое оформление на

власть, находящаяся за рамками политической организации, поскольку её источник находится вне рамок политического процесса.

Так, Л.А. Тихомиров утверждал, что институт верховной власти един и неразделен, выступает в качестве центрального, в котором сосредоточены идея и смысл монархической государственности. В свою очередь правительственная (или, точнее, управительная, организованная на принципе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную) власть, напротив, основана на разделении политических волей и специализации. Причём данный институт, по его утверждению, прост в своём единстве, поскольку верховная власть *«всегда проста и основана на одном из трёх вечных принципов: монархии, аристократии или демократии. Наоборот, в управлении никогда не действует какой-либо один из этих принципов, но замечается всегда одновременное присутствие всех их, так или иначе организуемых Верховной властью»* (курсив наш - авт.)¹³⁷. Разделение властей управительных совершенно неизбежно, по его мнению, поскольку в политической жизни общества реализация государственной власти с необходимостью предполагает специализацию, и чем *более управительная власть разделена, тем более она совершенна.*

В свою очередь, единение различных политических волей воплощается, конечно же, в верховной власти, которая и направляет их деятельность ради общественного блага и единства нации. Необходимость управительных властей, по утверждению Тихомирова, состоит в ограниченности действия верховной власти, при усложнении государственной системы требующей

конституционном уровне. Так, действующая Конституция РФ, определяя в ст. 10 основы политической организации государственной власти, устанавливает, что последняя разделяется на исполнительную, законодательную и судебную; однако в ст. 11 КРФ (отражающей принципы реализации публичной власти в государстве, т.е. какие органы реально осуществляют государственную власть) отмечается, что власть реально осуществляют Президент РФ, Федеральное собрание РФ, Правительство РФ и суды. При этом из текста Основного закона очевидно, что власть Президента РФ является центральной, символически выражающей единство системы публичной власти и целостность политического режима (См. об этом подробнее: *Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю., Мирошкина О.И. Государственная власть: теоретико-методологические и правокультурные аспекты.* М., 2012).

¹³⁷ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 51.

делегируя власти управительным учреждениям. Поэтому, будучи юридически неограниченной, верховная власть фактически ограничена своим количественным содержанием. Делегируя управительным властям свою «централизованную силу», институт верховной власти получает возможность действовать далеко за пределами своих физических возможностей¹³⁸. При этом Тихомиров отмечает, что современная теория государства и политическая практика на самом деле не представляют в этом контексте ничего принципиально нового и исключительного, а лишь в различных сочетаниях воспроизводят «вечный закон политического строения общества», а многие ошибки порождаются лишь забвением того, что «организация верховной власти и организация управления вовсе не одно и то же, и по самой природе слагаются неодинаково»¹³⁹.

Другой известный теоретик государства и политический деятель П.Е. Казанский отмечает, что в самодержавной политической организации действуют как верховная власть, так и власть управительная, которые не следует смешивать в их определении, поскольку первая может передавать её различным государственным органам, разграничивать их по полномочиям. При этом верховная власть реализует всегда и исключительно правообразующую, учредительную и чрезвычайную власть, т.е. это власть «главных решений» в делах государства и жизни народной и состоит в установлении общих правил и решении чрезвычайных ситуаций: «Государю Императору принадлежит, во-первых, власть правообразующая (путём указов и законов в формальном смысле слова), в том числе, с одной стороны - учредительная, а с другой - крайняя и чрезвычайная. Во-вторых, Ему же принадлежит право решений относительно всех главных явлений государственной жизни, как, например, война и мир, замещение главных государственных должностей и пр., которые

¹³⁸ См. об этом подробнее: *Смолин М.Б.* Россия и демократия: «Если нам суждено жить, мы должны искать иных путей» // Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 13.

¹³⁹ *Тихомиров Л.А.* Указ. соч. С. 52.

правом наперёд регламентированы быть не могут»¹⁴⁰. В свою очередь текущее администрирование осуществляют органы государственной власти, разделённые по полномочиям, т.е. с одной стороны, это вертикальное разделение - по территории; а с другой по горизонтали - разделение властей на законодательную, судебную и правительственную.

Однако с точки зрения П.Е. Казанского, это лишь институционально-нормативное измерение верховной власти, здесь она не ограничена и самодержавна, поскольку всякая власть в государстве черпает свою легальность и легитимность из верховной. Другое измерение данного института имеет социально-психологические основы, которые ограничивают верховную власть повсюду. Именно здесь «те пределы Императорской Власти, которые она находит в области, так сказать, психологической, или духовной: **в национальных стремлениях русского народа и его религиозно-нравственных идеалах...** Право есть творение национальной жизни народа и ближайшим образом граничит с религиозно-нравственными установлениями. Национальные и религиозно-нравственные грани Царского всемогущества постоянно смешиваются даже с нормами права и считают юридическими ограничениями Верховной власти. Некоторые основания к подобному смешению понятий разной природы имеются, положим, в том, что наше законодательство... устанавливает пути к поддержанию национального и религиозного единения Царя и народа». Тем не менее, по мысли Казанского, эти явления необходимо различать, поскольку они разного порядка. При этом он отмечает: «Было бы крупной ошибкой, если бы мы, увлекаясь юридическими формулами, просмотрели то, что главным основанием и двигателем жизни является не право, а **национальное самосознание, религия и нравственность**»¹⁴¹.

¹⁴⁰ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М., 2007. С. 342.

¹⁴¹ Там же. С. 441.

Теории
субстанционального
(органического)
единства

В данном случае функциональные характеристики государственной власти связываются с гипотезой о «субстанциональном единстве» властвующей воли, которую выражают конкретные политические и правовые институты. Смысл и характеристика этих институтов соответственно напрямую связаны со спецификой этого субстанционального единства. В данном аспекте сущность и назначение институтов государственной власти интерпретируются на новом качественном уровне, где их происхождение и смысл имеет характер не исторический, а *логически-абстрактный, рационалистически сконструированный*.

Таким образом, здесь функции государственной власти связаны не с конкретно-историческими и этнокультурными основами, организующие властное взаимодействие в обществе, а с абстрактно-формалистическими конструкциями, в контексте которых формулируется гипотеза о субстанциональном функциональном единстве властвующей воли. Иными словами, все действующие публично-властные институты наделяются собственной, внутренней волей, «подобно той воле, которая живёт внутри каждой действующей и разумной человеческой личности, управляемой в своих поступках внутренним, автономным законом своей совести (или, точнее, в соответствии со своей субстанциональной политической рациональностью - *авт.*). Подобная автономная воля в государстве и есть его власть»¹⁴² - отмечает по этому поводу русский юрист Н.Н. Алексеев.

Так, известный государствовед Лоренц Штейн¹⁴³ формирует одну из наиболее известных и фундаментальных теорий государственной власти своего

¹⁴² Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. С. 161.

¹⁴³ Взгляд на государственную власть как на особое субстанциональное целое и её институциональные характеристики характерен для всех натурфилософских политических концепций Нового времени. Например, характеризуя институциональные свойства государственной власти как политическую волю, направленную на выражение общественного блага, защиту частной собственности, поддержания порядка и т.п. (*Локк Дж.* Соч.: в 3т. М., 1988. Т. 3. С. 263). Ж.-Ж. Руссо отмечал, что «каждый из нас передаёт в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность», а «общественное соглашение даёт Политическому организму неограниченную власть над всеми членами».

времени, в рамках которой обосновывает, что последняя выражает посредством своих институтов единство политического организма. Сущность данной органической субстанциональной воли, выраженной в государственно-властной организации, состоит в том, что она находит своё собственное высшее развитие не в развитии одной части, не в согласовании различных политических волей, но лишь в развитии всех элементов. И при этом мера и степень развития этой единой воли «определяется мерой и степенью развития единичных элементов». В социальной организации всегда, по мнению Штейна, недостаёт такого организма, который бы выражал и защищал интересы всех и конкретной личности в частном, который функционирует ради интересов всех отдельных личностей, в качестве доминанты политического мышления и реализации власти ставит интересы общего, а не отдельных политических волей. Этим организмом в системном виде выступают, по его заключению, органы государственной власти, которые «являются абсолютно необходимыми для человеческого обустройства»¹⁴⁴.

В наиболее полном и системном виде субстанциональные характеристики институтов государственной власти представлены в трудах О. Гирке, который утверждал, что «государственная власть есть волевая мощь мыслимого как личность нравственного организма. Она не является результатом искусственного и механического складывания многих отдельных волей, но есть нравственная соборная сила, обладающая самосознанием народа. Ее существование и природа вытекают не из произвольного установления и сознательного творчества, но суть продукты природной силы, изначально содержащейся в государстве»¹⁴⁵.

Поэтому, по Руссо, государственная власть и её решения имеют всеобщий характер, «формируют законы, выражающие общую волю» и т.п. (*Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 161, 171, 180).

¹⁴⁴ См. об этом: *Блок А.* Государственная власть в европейском обществе. Взгляд на политическую теорию Лоренца Штейна и на французские политические порядки. СПб., 1880. С. 4 - 6.

¹⁴⁵ Цит. по: *Алексеев Н.Н.* Очерки по общей теории государства. С. 161 - 162.

В наше время данная субстанциональная (органическая) установка к трактовке функциональных характеристик государственной власти представлена в социологических и этических концепциях государства. В *социологическом подходе* система государственной власти предстаёт в качестве коллективного субъекта, которого отличает способность к «мыследеятельности». Так, А.В. Дахин, исходя из того, что государственная власть, даже тоталитарная или монархическая, осуществляется более или менее институционализированным коллективом людей, отмечает, что и государственное мышление носит коллективный характер, а мыслительный процесс внутри системы государственной власти выстроен примерно так же, как и в других антропомегамашинах¹⁴⁶.

Согласно данному подходу, государственная власть как единый социально-культурный субъект имеет возможность не только действовать, но и воспринимать, мыслить, помнить коллективно¹⁴⁷. Мыслительный процесс внутри системы государственной власти складывается из совокупности взаимодействий, связанных с получением, обработкой и хранением информации. Государственная власть представляется в *идее единого социального организма, коллективно мыслящего, принимающего решения и использующего институциональные ресурсы для реализации поставленных целей*. Фундаментальной основой государственного организма является *коллективное профессиональное формализованное мышление*, опирающееся на правовые нормы или традиции, имеющее отлаженную систему учреждений, использующее творческую потенцию группового и индивидуального мышления и *публичное частично формализованное мышление*, выступающее сферой совместной рефлексии общества и власти.

Так, известный французский философ М. Фуко фундаментально исследовал данный стиль политического мышления в интерпретации сущности

¹⁴⁶ См.: Дахин А.В. Альтернативные метаморфозы глобализации // Космополис. 2003. № 3. С. 148 – 158.

¹⁴⁷ См.: Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб., 1997; Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. Berkeley, CA, 1989. №. 26.

и функционального назначения государственной власти. С его точки зрения данное направление анализа сформировалось в эпоху Просвещения. Именно с этого времени стали считать, что «искусство управлять не должно искать обоснование в трансцендентальных законах, в космологической модели или в некоем философском или моральном идеале, оно должно вывести принципы своей рациональности из того, что составляет особую реальность государства. Таковы основополагающие моменты наипервейшей государственной рациональности»¹⁴⁸.

Система государственной власти в политических трактатах начинает осмысливаться, как «нечто такое, что существует для самого себя», в качестве особой рациональной сущности. При этом она сама по себе представляет определённый порядок вещей и специфическую область политического и юридического знания. Причём, настаивает Фуко, это политико-правовое знание о публичной власти «имеет дело не с правами народа и не с человеческими или божественными законами, а с природой государства, которое должно быть управляемо». В свою очередь, «разум государства не отсылает ни к мудрости Бога, ни к разуму или стратегиям Государя. Он соотносится с государством, с его собственной природой и собственной рациональностью». Государственная рациональность в этом контексте рассматривается как определённое «искусство», «то есть как некая техника, сообразующаяся со специфическими рациональными правилами. Эти правила касаются не просто обычаев или традиций, они касаются определённого разумного познания»¹⁴⁹.

При этом доминирующим функциональным принципом развития публичной власти «является принцип государственного интереса: и, некоторым образом, “совершенно естественно”, что она занимается проблемами населения, которое должно быть по возможности более многочисленным и активным – для усиления государственной мощи; следовательно, здоровье,

¹⁴⁸ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2005. Ч. 2. С. 189.

¹⁴⁹ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. 2002. Ч. 1. С. 366 – 367.

рождаемость и гигиена без проблем обретают в “полицейской науке” своё важное место»¹⁵⁰.

В этом плане развитие системы государственной власти, как и любой социальный организм, должно осуществляться на принципах исторической преемственности, воспроизводства, реконструкции и сохранения (эффективных, адекватных, полезных и проч.) политических, правовых и социальных институтов. Другими словами, социально-политическое развитие должно опираться, прежде всего, на историческую память, обеспечивая высокую степень преемственности¹⁵¹.

В рамках *этического подхода* к анализу государственной власти нормативно-правовые, организационно-административные и материально-технические структуры публичной власти рассматриваются в качестве средства создания и охранения этнополитической и духовно-нравственной культуры общества. В свою очередь, функциональные характеристики государственной власти, по утверждению известного теоретика государства Н.Н. Алексева, связаны с этическим служением последней, т.е. она должна «максимально служить проявлению национальных, племенных и местных особенностей населения евразийского культурного мира»¹⁵². Этическое измерение государственной власти в наиболее полном и развёрнутом виде представлено в концепции «гарантийного государства», разработанной Н.Н. Алексеевым. С точки зрения исследователя функциональная обязанность государственной власти выражается в его способности создать «максимальное количество культурных и духовных благ, предпочтение и выбор которых предоставляется свободе всех и каждого».

Этическую концепцию государственной власти развивает также отечественный исследователь В.А. Шемшук¹⁵³. Опираясь на исторический

¹⁵⁰ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3. С. 152 – 153.

¹⁵¹ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 26.

¹⁵² Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 373.

¹⁵³ См.: Шемшук В.А. Этическое государство: прошлое, настоящее, будущее. М., 2001.

материал и современные представления, автор показывает направление эволюции, приводит примеры живых социальных конструкций и делает прогноз будущего развития России. Этические принципы, вытекающие из народной философии и национальной морали, помогут восстановить веру российского человека, с которой тысячелетиями жила Россия. Моральные принципы институциональной организации и функционирования государственной власти «превращают» ее из аморфной массы в живой организм, присущи общинному образу жизни. Автор перечисляет семь принципов этического устройства государственной власти, претворение которых в законотворчестве и в жизни *оухотворит государство* и придаст ему силу. Среди них, терпимость, уважение, преемственность, соответствие, соизмеримость, сотрудничество. Эти принципы способствуют выживанию государства в экстремальных, кризисных условиях и являются источником внутренней силы и эволюционных преобразований.

При этом отличие правового государства от этической формы организации государственной власти, по мысли исследователя, в том, что законы, устанавливаемые в правовом государстве, поддерживаются полицией, в то время как в этической системе организации действуют не законы, а принципы морали, которые совпадают с общественной моралью и поддерживаются общественным мнением¹⁵⁴. Функциональная цель этического государства – создание общества с условиями существования, приспособленными для решения любых социальных противоречий, дающими возможность человеку реализовываться и эволюционировать, т.е. способствующими достижению Общего Блага. Обращаясь к институциональным принципам организации государственной власти, автор отмечает, что в государстве должны быть независимые друг от друга функционально разделённые центры всех типов власти, и у каждого должна быть своя функциональная роль (трактуемая, конечно, в этическом плане).

¹⁵⁴ Шемшук В.А. Указ. соч. С. 33.

Рационально-
технологическая
установка политико-
правового мышления

Данная установка интерпретирует
функциональные свойства государственной
власти в контексте механистического,
рационально организованного политического

процесса. Данную установку с нашей точки зрения можно условно обозначить как «рационально-технологическую», т.е. особую публичную технологию государственно-правового управления. Впервые данная теоретико-логическая модель описания политико-правового процесса и интерпретации сущности институтов государственной власти и её функционального назначения в системном и оформленном виде представлена в трудах Н. Макиавелли. Он отстаивал, как известно, взгляд на политику как на технологический процесс. Причём область действий власти в его концепции «затемняет область смысла, эффективность и успешность завершения начинания намного перевешивают ценностно-содержательный его аспект... Макиавелли рассматривает политические процессы в отрыве от ценностей, религиозной модели. С его точки зрения, в политике хорошо все то, что способствует эффективности политического процесса»¹⁵⁵.

Для Н. Макиавелли организация государственной власти – это особое «институционально-процессуальное ремесло», «публичное искусство», связанное с технологиями осуществления публичной власти и управления. Для него функциональные свойства государственной власти обосновываются через способность последних обеспечить порядок, эффективное решение потребностей и интересов народных масс, целостность и единство государства. Эти институты власти главной своей задачей, конечно, имели обеспечение сильной и централизованной государственной власти. Но в то же время эта главная задача, т.е. формирование сильной и централизованной власти не является самоцелью функционирования институтов публичной власти, поскольку у Макиавелли данные институты выступали в качестве *технологии*

¹⁵⁵ Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004. С. 277.

*достижения определённых целей политико-правового развития общества: «После того как сильная власть сыграет революционную роль в деле уничтожения феодальной знати, организации единого государства, установления некоторых политических свобод, гражданского равенства и т.п., необходимо заняться организацией свободного государства. Таким образом, мыслитель хочет использовать сильную власть правителя лишь как средство для достижения цели - объединение страны и затем создание республики»*¹⁵⁶.

В настоящее время данная установка воспроизводится в институционально-технологических доктринах организации и функционирования государственной власти. В данном случае функциональные характеристики публичной власти анализируются в инструментальной направленности, выражая имеющиеся ресурсы (материальные, физические, организационные, символические и иные) и политико-правовые инструменты упорядочения и стабилизации общественных и разнообразных этнокультурных процессов, достижения социально значимых целей и задач. При этом главным в анализе выступают эффективность и адекватность используемых инструментов в государственном управлении, а также оптимальность применяемых властно-правовых ресурсов для достижения общественных, национальных, отдельных этнокультурных государственных целей и задач. Это прагматическое направление анализа функционирования институтов государственной власти, в рамках которого последняя отождествляется, прежде всего, с аппаратной функцией управления.

Неслучайно в западноевропейской специализированной литературе институционально-технологический подход применяется именно в контексте анализа «аппаратного функционирования» государственной власти. Да и сама государственная власть, а также государство, напомним, в западноевропейском подходе анализируется в двух аспектах: *первый* – узкий, где «государство» совпадает с административно-правовым аппаратом управления. Строго говоря,

¹⁵⁶ История политических учений / под ред. проф. К.А. Мокичева. 2-е изд., испр. М., 1971. Часть 1. С. 114.

понятие «государство» здесь не используется для описания функционирования процессов управления и отправления государственной власти, а применяется понятие *government administration*; *второй* – это широкий контекст, где государство рассматривается в качестве особого политико-правового состояния общества (например, в англ. государство – *state*). В этом плане понятие «институты государственной власти» относится именно к первому контексту, т.е. характеризует функционирование *government administration*.

В этом направлении сила, насилие, господство и иные концепты связаны с публично-властными отношениями между государством (*government administration*) и обществом (гражданским обществом). Суть институтов заключается в том, что они устанавливают правила игры, формируют структурно-функциональную модель взаимодействия¹⁵⁷. При этом эффективность и легитимность институтов государственной власти напрямую связаны с реальной и потенциальной возможностью обеспечения ими стабильности общественного взаимодействия и политического порядка в обществе. Данный институционально-инструментальный характер власти связан с тем, что действующие в обществе «институты включают формальные правила, писанные законы, формальные социальные соглашения, неформальные нормы поведения, а также разделяемые убеждения о мире и средствах принуждения к исполнению этих правил и норм»¹⁵⁸.

Таким образом, эффективность, стабильность, адекватность (или слабость, нестабильность, неадекватность) институциональных инструментов упорядочения общественных и этнокультурных процессов влияют на структурирование, баланс (или дисбаланс) публично-властного взаимодействия, на ограниченность (или безграничность, неподконтрольность, абсолютность насилия) поведения и применения форм принуждения; устойчивость и развитость (неустойчивость, переходность, аномичность

¹⁵⁷ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17 – 19.

¹⁵⁸ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. С. 59.

политических и правовых убеждений, деформация и неразвитость политико-правового сознания) убеждений, представлений и поведения политических субъектов.

Например, стабильность институтов и эффективность их регулятивного воздействия «налагают на чиновников систему сдержек и противовесов. Подобные ограничения нивелируют масштабы возможных переворотов, а также применения насилия»¹⁵⁹. Другими словами, если институты сильны и стабильны, то минимизируются различные формы и способы злоупотребления публичной властью, а общество защищено от драматических социально-экономических, политических, экономических, правовых потрясений и кризисов¹⁶⁰.

В том же ключе отмечает и известный американский теоретик С. Хантингтон, полагающий, что при институционально-технологической слабости государственной власти происходит «ослабление политического порядка, подрыв авторитета, эффективности и легитимности власти». Кроме того, данная слабость неминуемо ведёт, по мысли исследователя, к существенному снижению уровня гражданственности и патриотизма, поскольку у политических институтов нет инструментов «способных придать общественному интересу значимость и направленность. Характерной чертой такой ситуации является не политическое развитие, а политический упадок»¹⁶¹.

С этой точки зрения инструментально-технологический подход в теоретико-логических построениях Хантингтона является ключевым в институциональных и функциональных характеристик государственной власти, развития различных учреждений, политического порядка и социальной общности в целом: «Уровень общности в сложном обществе зависит, в первом приближении, от прочности (устойчивости и стабильности в стремительно

¹⁵⁹ Там же. С. 443.

¹⁶⁰ См. об этом подробнее: *Агафонова Т.П., Гдалевич И.А., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю.* Злоупотребление публичной властью и антикоррупционная политика в современной России. М., 2011.

¹⁶¹ *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 23.

изменяющемся мире, постоянно трансформирующейся социальной реальности – авт.) и силы его политических институтов»¹⁶².

Причём такие характеристики политического развития, как эффективность, стабильность, легитимность и т.п., выступают в свою очередь объясняющими, содержательно конкретизирующими институциональными характеристиками государственной власти. При этом в реформируемых обществах и политических системах, по его мнению, вопрос об ограничении (социально-политическом и юридическом) власти, а также проблемы её легитимности, авторитетности, эффективности не должны предшествовать, опережать вопрос о наличии самой власти и её институциональной силы: «Прежде чем ставить вопрос об ограничении власти, должна существовать сама власть, а именно власти не хватает в тех модернизирующихся странах, где она является заложницей оппозиционной интеллигенции, мятежных полковников, бунтующих студентов, некомпетентных чиновников и т.п.»¹⁶³.

Очевидно, что характеристика государственной власти в данном случае опирается на инструментально-технологическую пригодность (или непригодность) и компетентность (или некомпетентность) публично-правовых органов власти, а также устойчивость (или неустойчивость) институционально-политических структур. Следует отметить, что эта идея в основном опирается на сложившиеся в середине XX в. концепции «слабой управленческой способности государства (*state capacity*)», предполагающей оценку способности государственных организаций и институтов «формулировать всеобщие правила и внедрять их в политику, управление, экономику и общество с минимальными отклонениями от политических намерений».

При этом к основным характеристикам государственной власти добавились: институциональная стабильность и сила институционального воздействия на различные общественные процессы (политические, правовые, экономические, культурные и проч.); степень и уровень гарантированности

¹⁶² Там же. С. 30.

¹⁶³ Там же. С. 27.

(прежде всего, институционально-правовой) прав и свобод; демократической компетентности правительства; степень предсказуемости развития государственного законодательства, а также уровень коррупции и этнополитической и иной социальной напряжённости¹⁶⁴.

Другой пример описания инструментально-технологического характера государственной власти представлен в известной работе западноевропейского политического аналитика Ф. Фукуямы. С его точки зрения все без исключения «системы государственной власти» должны быть подразделены на сильные и слабые. Причём в содержание характеристик силы и слабости включаются не традиционные представления о военной, финансовой, культурной мощи и независимости государства, а *институционально-административная стабильность*. Утверждается, что слабые – это, прежде всего, неконтролируемые, нестабильные и демократически некомпетентные правительства. При этом доказывается, что вопросы международной безопасности в этом случае требуют постоянного и активного «решения проблем внутри слабых государств, ... смены их режимов для предотвращения дальнейшей угрозы с их стороны»¹⁶⁵.

В рамках этой установки развивается также и *институционально-процессуальный подход* к интерпретации функциональных характеристик государственной власти. В данном случае акцент делается не на функционирующие органы власти и иные политические институты, а на процедуры согласования интересов, разрешение различного рода конфликтов и т.п. Поэтому насколько прочны сложившиеся в обществе и воспроизводящиеся из поколения в поколение процедуры и средства защиты, согласования, упорядочения и проч., настолько высок уровень гармоничности и бесконфликтности политической организации.

¹⁶⁴ См. об этом: Государственная политика и управление: в 2 ч. Ч. 2: Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления / под ред. Л.В. Сморгунова. М., 2007. С. 433.

¹⁶⁵ Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2007. С. 5 – 7, 159.

Например, политический проект «Федералистов» (так называли создателей первого в истории государственно-правового развития конституционного акта – Конституции США) исходил именно из институционально-процессуального аспекта функционирования государственной власти. С точки зрения Федералистов (А. Гамильтон, Дж. Джей, Т. Медисон) только устойчивые политико-правовые процедуры позволят обеспечить поступательное развитие американской системы политической организации. При этом «главной задачей была выработка средств и методов защиты существующего самодеятельного общества от чрезмерного давления государственной власти. Именно для этого была обоснована и создана практическая система сдержек и противовесов, разделение трёх ветвей власти», которая основывалась на процедурных правилах и требованиях, «ритме» и режиме функционирования политической организации¹⁶⁶.

По меткому выражению английского премьер-министра У. Черчилля, демократия есть «царство формальных процедур», при которой эффективное функционирование государства и общественных институтов обеспечивается именно силой и стабильностью этих процедур. В своё время в журнале «Федералист» (№ 51 1788 г.) обосновывалось создание такой системы процедур, которая позволит обеспечить саморегуляцию в институциональной организации власти, где функционирование властного «механизма» независимо от мнений, страстей, индивидуальных и групповых интересов.

Кроме того, в рамках этой политической установки можно выделить и *формально-бюрократический* подход к анализу институциональных характеристик государственной власти. Нельзя отрицать, что все современные государства бюрократически организованы, т.е. основаны на иерархически структурированном управленческом аппарате, осуществляющем формализованное делопроизводство в целях исполнения строго определённых задач. В терминологии М. Вебера, основоположника современной теории бюрократии, бюрократическое господство – это господство, опирающееся на

¹⁶⁶ Соколова Р.И., Спиридонова В.И. Государство в современном мире. М., 2003. С. 168.

административный аппарат, легитимность которого основана на вере в законность правил, что в свою очередь обеспечивает строгое подчинение чиновников по вертикали власти. Бюрократический аппарат, согласно веберовой концепции рациональной бюрократии, составляет ядро государственности¹⁶⁷. Бюрократический аппарат выступает одновременно и источником, и инструментом государственной власти (причем речь здесь идет об эффективном и дееспособном бюрократическом аппарате), который является не только ключевым звеном, связующим государство с гражданами и решающим государственные задачи, но выступает субъектом в международных политических отношениях. Административный аппарат управления – это не просто статическая система власти, это колоссальная движущая сила изменений, способная, тем не менее, выйти из зоны политического контроля или, напротив, попасть под воздействие сиюминутных политических интриг.

Бюрократический аппарат является одновременно и олицетворением институциональной стабильности государственной власти, и, собственно, проводником его политических решений, и международным субъектом, позиционирующим государство на международной арене. Очевидно, что институциональные характеристики государственной власти, понимаемые в формально-бюрократическом контексте, связаны, прежде всего, с эффективно действующим административным аппаратом управления, способным поддерживать политико-правовой порядок, процесс стратегического и текущего управления общественными процессами и проч.

Биополитическая доктрина

Данная установка политического мышления развивается в трёх основных направлениях - индивидуалистическом (бихевиористском),

¹⁶⁷ См.: Вебер М. Хозяйство и общество / пер. с нем. под науч. ред. Л.Г. Ионина. М., 2007.

коллективистском (биологизаторском и психологизаторском) и институциональном.

В рамках *индивидуалистической (бихевиористской) установки* (Ю. Скиннер, Э. Торнадайк, Дж. Уотсон и др.) политико-правового мышления трактовка функциональных характеристик государственной власти базируется на чувственных, эмоциональных и других факторах, определяющих политические мотивы и поведение субъекта. Это индивидуальное поведение выступает первоосновой не только политического процесса, но и условием развития институциональной организации, где в задачи функционирующих институтов вменяется сохранение биологической первоосновы. Доминирующими факторами и механизмами, определяющими развитие институтов и политического порядка в целом, объявляются физиологические индивидуальные особенности.

Бихевиористы утверждают, что человек получает определённые врождённые «схемы поведения», над которыми в процессе социализации (политической, правовой, социально-культурной и проч.) надстраиваются более сложные «репертуары поведения». В свою очередь, «закрепление “репертуаров поведения” происходит по “закону упражнения”, т.е. благодаря повторению одних и тех же реакций в ответ на одни и те же или иные стимулы. Первичный поиск реакций на те или иные стимулы идёт методом проб и ошибок»¹⁶⁸.

При этом анализ направлен на реконструкцию и интерпретацию различных стилей властного взаимодействия (гендерных, возрастных и т.п.), описание национальных, расовых, этнических политических и правовых архетипов¹⁶⁹. В данном случае предполагается, что архетипические темы и сюжеты в развитии политической и правовой культур, публично-властного и частного взаимодействия можно выявить и выделить, как неизменные

¹⁶⁸ Чернякин В.Г. Политические институты: методология исследования: монография. М., 2006. С. 43.

¹⁶⁹ См. об этом подробнее: Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. С. 40.

доминанты, присутствующие на всех этапах её трансформации, несмотря на различные повороты в эволюции данной культуры. Несмотря на то, что конкретное содержание культуры, её институционально-властной конфигурации, процессуального и деятельностного аспекта может сильно варьироваться, архетипическая форма их развития сохраняется и воспроизводится из поколения в поколение¹⁷⁰. В этом аспекте, в теоретико-практическом плане возникает вопрос о соотношении архетипического кодирования и непосредственного политико-правового опыта.

Таким образом, архетипические структуры и модели – это кристаллизация социально-политического и этнокультурного опыта, с течением времени фиксирующего базовые сценарии политико-правового мышления, режимность властного взаимодействия между личностью, обществом и государством, формообразующие тенденции в институциональной организации социума. При этом данные структуры и модели сосредоточивают опыт в соответствии с врождёнными схемами и санкционируют опыт последующий. В свою очередь, образы, представления, система ценностей и оценочных характеристик, происходящие из архетипических структур, вовлекают нас в поиск аналогий в окружающем мире. Взаимодействие между этими врождёнными структурами и окружающей нас политической действительностью приобретает положительное или отрицательное (правовой нигилизм, политическая аномия и т.п.) значение в зависимости от того, насколько удачно, адекватно соответствие между ними¹⁷¹.

В контексте *коллективистской* (*биологизаторской* и *психологизаторской*) установки политико-правового мышления в принципе используются те же установки в интерпретации сущности властных институтов и их функциональных характеристик, однако основной акцент делается на доминантах и факторах, обуславливающих коллективное поведение. Так, в

¹⁷⁰ См. об этом: *Большакова А.Ю.* Архетип – миф – концепт (рубеж XX – XXI вв.). Теории архетипа⁷ Ульяновск, 2011.

¹⁷¹ См. подробнее: *Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Манастырный А.В., Тюрин М.Е.* Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д, 2009. С. 22 - 26.

биологизаторском направлении обосновывается, что политическая организация общества закрепляет и воспроизводит сложное и динамическое взаимодействие врождённого и приобретённого в обществе, а этнический, биологизаторский барьер является «самым мощным фактором дифференциации населения в процессе его исторического и биологического развития»¹⁷².

Здесь речь идёт главным образом об инстинктах, «то есть моделях, составляющих самоочевидное (неосознанное и нерелексируемое) изначальное основание человеческого восприятия и поведения. Более того, выясняется, что эти инстинкты этнически дифференцированы, то есть отличаются у разных народов. Это значит, что, хотя нам кажется, будто мы видим мир и действуем в нем естественным для *человека вообще* образом, в действительности мы воспринимаем и осваиваем его в манере человека определённой национальности. И это различие запрограммировано в силу его врожденности»¹⁷³. Так, например, отмечается, что «во всех русских группах вне связи с географической дифференциацией отмечаются близкие варианты» поведений, реакций, эстетически воспринимаемой красоты и внешности, справедливости и т.д.¹⁷⁴

Следовательно, различные социальные, политические, правовые и иные культурные факторы находятся в определённом «синергетическом (взаимоусиливающем) воздействии с биологическими... Возникающие вследствие дивергенции сравнительно небольшие генетические различия между двумя группами людей проецируются в культуру и социальность, формируя групповую дифференциацию по культурным, лингвистическим и хозяйственным признакам. В свою очередь, накапливающиеся культурно-лингвистические и социальные различия усиливают склонность к

¹⁷² Хитъ Г.Л., Долинова Н.А. Расовая дифференциация человечества (дерматоглифические данные). М., 1990. С. 5.

¹⁷³ Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008. С. 62.

¹⁷⁴ Восточные славяне. Антропология и этническая история. 2-е изд. М., 2002. С. 234.

сотрудничеству со “своими” и враждебность к “чужим”... Общая схема такова: биология - культура - биология»¹⁷⁵.

Кроме того, разница между типами политико-правового мышления, поведения и взаимодействия связывается с преимущественной активностью различных полушарий головного мозга, правого и левого полушария. Так, например разность восточного и западноевропейского политического мышления обосновывается тем, что в первом варианте высокая активность левого полушария детерминирует пространственно-образное мышление, а во втором - логико-дискурсивное¹⁷⁶.

В контексте психологизаторской установки (Б. Бажанов, Л. Гумплович, Э. Дюркгейм, Н.М. Коркунов, Г. Лебон, Л.И. Петражицкий, Г. Тард, Э. Фромм, К. Хорни, А.Г. Чернявская, Е.Б. Шестопал и др.) выявляются и интерпретируются различные психологические «склонности», «установки», «влечения», «предрасположенности» и т.п., которые выступают в качестве источников, первичных элементов социального, политического, правового и иного взаимодействия, затем опосредуются вторичными институциональными формами взаимодействия - религия, право, мораль, государство и т.п. Другими словами, фундаментальным источником становления и устойчивыми факторами развития социально-политической организации здесь объявляются психологические свойства людей, малых групп и больших общностей.

Например, Г. Тард обосновывает, что все политические и общественные институты можно однозначно свести «к первичным психологическим элементам, возникающим под влиянием примера и в результате подражания»¹⁷⁷. Э. Фромм полагает, что основанием различных политических режимов и их особенностей являются психологические факторы, «действующие в качестве активных сил процесса общественного развития». Все это, по его мнению, актуализирует научный анализ проблем

¹⁷⁵ Соловей В.Д. Указ. раб. С. 59.

¹⁷⁶ См.: Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии. 1984. № 4.

¹⁷⁷ Тард Г. Законы подражания. СПб., 1982. С. 38.

«взаимодействия психологических, экономических и идеологических факторов»¹⁷⁸.

С точки зрения Л.Я. Гозана и Е.Б. Шестопала, «психологические закономерности могут быть обнаружены и в большой политике, и во взаимоотношениях рядовых граждан». При этом авторы подчёркивают, что психологическому подходу к властным отношениям свойственно «восприятие институтов власти, установки по отношению к властным фигурам, адекватность осознания степени зависимости от носителей власти и т.п.». Главный вопрос в психологической трактовке властных институтов – реконструкция «психологических механизмов власти: почему люди готовы принимать одну власть, подчиняться одним людям или правилам, но решительно, иногда жертвуя жизнью, отвергают другую?»¹⁷⁹.

В отечественной государственведческой мысли существует целый комплекс фундаментальных исследований, раскрывающих психологические основания формирования и функционирования государственной власти. Безусловно, одними из наиболее известных психологических интерпретаций институтов государственной власти являются концепции Н.М. Коркунова, Л.И. Петражицкого и П.А. Сорокина. Так, указанные исследователи основу как различных социальных явлений (власти, права, морали и т.п.), и функционирующих институций (государственная власть, законодательство и проч.) усматривали в психике людей. Известно, что Н.Н. Коркунов, анализируя содержание публично-властных и частных властных отношений, приходит к убеждению, что их основой, ядром выступает осознание зависимости: «Власть есть сила, обусловленная не волею властвующего, а сознанием зависимости подвластного... государство может властвовать, не обладая ни волею, ни сознанием, только бы составляющие его люди сознавали себя зависимыми от государства»¹⁸⁰.

¹⁷⁸ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995. С 14.

¹⁷⁹ Гозман Л.Я, Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов н/Д, 1996. С. 62 - 64.

¹⁸⁰ Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1909. Т. 1. С. 246.

Причём степень осознания подвластными своей зависимости, по Коркунову, формирует не только социальные признаки государственной власти, ее характер и функциональное назначение, но и задаёт меру и границы власти государства. Поэтому и систему государственной власти он характеризует как качественное «состояние установившегося властвования».

Сходные мысли высказывает русский правовед Л.И. Петражицкий: «Государственная власть есть... социально служебная власть. Она не есть “воля”, могущая делать что угодно, опираясь на силу, как ошибочно полагает современное государствоведение, а представляет собой приписываемое известным лицам правовой психикой этих лиц и других общее право повелений и иных воздействий на подвластных для исполнения долга заботы об общем благе»¹⁸¹. При этом «весь психический материал, необходимый для существования хотя бы и самой элементарной государственной организации, накапливается веками»¹⁸². Поэтому и нельзя так просто отмежеваться силой только разума от сложившихся вековых народных переживаний, сформировавших психические установки и национальный образ власти, перестроить весь институционально-властный каркас и саму государствоведческую практику¹⁸³.

Институциональная установка политико-правового мышления получила своё развитие в произведениях французского методолога М. Фуко, у социально-политических философов М. Хардта, А. Негри, итальянского мыслителя Д. Агамбена и др.¹⁸⁴ В данном случае институционально-функциональные характеристики государственной власти связаны с организацией и управлением жизненными процессами индивида.

¹⁸¹ *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1910. Т.1. С. 217.

¹⁸² Там же. С. 35

¹⁸³ См.: *Петражицкий Л.И.* Теория и политика права. СПб., 2010.

¹⁸⁴ См.: *Агамбен Д.* Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2001.; *Фуко М.* Рождение биополитики. курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978 - 1979 учебном году. СПб., 2010; *Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.

Здесь обосновывается, что институты власти берут под свою правовую регламентацию пропорцию рождений и смертей, уровень воспроизводства, роста населения, внутренние и внешние миграционные процессы, индивидуальное и коллективное страхование и т.д.: «Именно на рождаемость, заболеваемость, на различные формы биополитической ущербности (мигранты, безумцы, различные иные социальные девиации и отличия от социальной нормы – *авт.*), на воздействие среды, на все это биополитика начнет распространять своё знание и определять соответственно область вмешательства своей власти»¹⁸⁵.

Таким образом, биополитика, по мысли Фуко, имеет дело прежде всего с населением, которое рассматривается «как юридическая и политическая проблема». Население и процессы его развития становятся не только объектом знания, но и пристального наблюдения и управления. При этом основополагающей задачей является установление регулирующих механизмов, «которые в проблематичной области глобального населения смогут установить равновесие, поддержать его, установить род гомеостаза, обеспечить компенсацию; короче, внедрить механизмы безопасности в ту область случайного, где проживает население... оптимизировать, если угодно, состояние жизни». М. Фуко подчеркивает, что в отличие от дисциплинарных форм господства биополитическое господство и свойственная ему политическая рациональность ориентированы на достижение социального равновесия, обеспечение упорядоченности в глобальном социальном развитии и «биологической гомогенности» (установление и поддержание единого стиля жизни). Это знания и технология власти, которые направлены на регулирование не индивидуальных тел, а на *способ жизни*, они «заново группируют присущие населению массовые действия. Стремятся контролировать серию случайных событий, могущих произойти в живой массе; стремятся контролировать (при случае модифицировать) вероятности, во всяком случае, компенсировать ее

¹⁸⁵ Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс. СПб., 2005. С. 256–257.

последствия. Такая технология стремится не к индивидуальной дрессировке, а к глобальному равновесию... к сохранению целого по отношению к внутренним опасностям»¹⁸⁶.

При этом типе публично-властного взаимодействия происходят процессы так называемой «медиализации» власти. Фуко отмечает, что если раньше классическая мысль различала законное и незаконное, то в современной политической действительности, кроме вышеназванной оппозиции, привносится ещё и разделение на нормальное и ненормальное. Так, замечает он, именно благодаря процессам «медиализации» в политическую мысль вторгаются категории «нормальности», «полезности» и проч., что выстраивает «своего рода иерархию более или менее способных индивидов: тех, кто соблюдает определённую норму; тех, кто отклоняется от нее; тех, кого можно исправить; тех, кого нельзя исправить; тех, кого можно исправить таким-то средством; тех, для кого следует употреблять иные средства»¹⁸⁷.

¹⁸⁶ Так, например, поясняя это, П. Мейер в беседе с М. Фуко отмечает, что городская организация в современных западноевропейских государствах предполагает деление на блоки, где «к каждому кварталу приписан наставник, социальный работник, полицейский... которого в квартале должен знать каждый и который должен как справляться с поручениями старых женщин, так и обезвреживать нарушителей... Подобные наставники и социальные работники размещены там для стимулирования социальности, для контроля и надзора» (См. об этом: Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2005. Ч. 2. С. 17). Причём социальные службы, некогда находившиеся в области функционирования гражданского общества, становятся сегодня институтами, связанными и зависящими от государства, выражающими и проводящими политику государственных интересов. В свою очередь, государственные интересы трактуются Фуко как практика «или скорее, *рационализация* практики, ситуирования между государством, представленным как *данность*, и государством, представленным как *созидание* и *строительство* (курсив наш – авт.)». При этом правом «начинают пользоваться совсем не как точкой опоры какого-либо лица», а для обоснования и защиты государственных интересов (что, кстати, приводит к формированию такого феномена, как «бюрократизация права»). Кроме того, ни теория права, ни фундаментальные права не являются критериями государственной деятельности, а «успех или поражение, и именно они оказываются теперь критериями правительственных действий, а вовсе не легитимность или иллегитимность (*успех вместо легитимности*)» (См. об этом: Фуко М. Рождение биополитики. С. 16 – 17; 24 – 25; 30 – 31). Опасность данного принципа – «успех вместо легитимности», особенно в переходных обществах, в транзитивном состоянии права и государства – в том, что он активизирует действие так называемых эффектов «*плавающих рамок законности*» и «*ситуативности легитимирующих принципов*».

¹⁸⁷ Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3. С. 15.

Следовательно, по мысли Фуко, данный тип властно-правовых отношений формирует такую модель, при которой под видом учреждений, ответственных, на первый взгляд, за защиту и безопасность, в «социальное тело встраиваются» властные технологии господства, с помощью которых жизненный мир и потребности индивидов становятся объектом управления и подчинения. Поэтому государство, гарантирующее безопасность, есть государство, которое обязано вмешиваться во всех случаях, когда течение повседневной жизни нарушается каким-либо исключительным событием. И «сразу же закон оказывается неприемлемым; и сразу же оказываются необходимыми упомянутые разновидности вмешательства, исключённый и незаконный характер отнюдь не должен выглядеть знаком произвола или избытка власти, но выглядеть, напротив, знаком заботы»¹⁸⁸.

В то же время, по мнению М. Фуко, в настоящее время взаимно развиваются и поддерживают друг друга два последних типа публично-властных отношений. Дисциплинарный тип властного господства составляет как бы фундамент современного государственно-правового режима, «верхние этажи которого занимает центральная государственная власть. Здесь государственное насилие в отношении граждан имеет скрытую форму, оно запрятано под оболочкой закона». Ниже уровня центральной власти «в обществе царит сила, действующая не от имени закона, а при опоре на правила внутреннего распорядка, характерные для таких институтов, как тюрьма, школа, армия, клиника»¹⁸⁹.

В свою очередь биополитическое господство действует на другом уровне, оно берет под свой контроль все население и обеспечивает ему социальную безопасность, опираясь при этом она на бинарную оппозицию нормальное – ненормальное¹⁹⁰. Следовательно, обратной стороной государственной

¹⁸⁸ Там же. С. 46–47.

¹⁸⁹ Самарская Е.А. Генеалогия против истории // Фуко М. Нужно защищать общество. С. 8 – 9.

¹⁹⁰ См. об этом подробнее: Фуко М. Ненормальное: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974 – 1975 учебном году. СПб., 2005.

рациональности и законности оказывается сила, действующая посредством дисциплинарных принуждений и приведения к норме, т.е. «нормализующая» власть, развиваемая в гражданских институтах.

Социокультурная и этнополитическая доктрина

В рамках данной политико-правовой доктрины функциональные характеристики государственной власти, связываются с социально-культурными и этнополитическими условиями и факторами, а также структурно-процессуальными аспектами общественного взаимодействия.

В этом варианте сущность и функции институтов государственной власти неразрывно связываются с социальным опытом, нормативно-ценностной моделью конкретного общества, спецификой и характером общественного взаимодействия. При этом её функционирование напрямую обусловлено условиями и социальным контекстом, которые способствуют формированию конкретных (социокультурно обусловленных) типов властных отношений, специфической системы публично-правовых институтов власти и социальных представлений о них, требований и ожиданий от функционирования последних. Все это в совокупности образует определённый культурный текст эпохи, внутри которого «считывается», развивается и изменяется властные отношения в системе личность – общество - государство.

Так, функции власти, и в частности государственной власти, для Т.Парсонса связаны с тем, что она является обобщённой способностью, поддерживаемой действующими институтами (выражающими коллективные цели, интересы, потребности), которая состоит в том, чтобы «добиваться от членов коллектива выполнения их обязательств, легитимизированных значимостью последних для целей коллектива, и допускающей возможность

принуждения строптивых посредством применения к ним негативных санкций, кем бы ни являлись действующие лица этой операции»¹⁹¹.

Здесь сущность как самой власти, так и её функциональной направленности связывается с социальными отношениями, являющимися источниками возникновения всяких общественных институций, реализуемых ими функций, а также выступающими факторами эволюционной динамики политико-правовой организации. Например, с позиции современных исследователей П. Бергера и Т. Лукмана, в функциональные характеристики государственной власти входит не только поддержание определённого социального порядка и сложившегося этнокультурного порядка, но и, главным образом, обеспечение посредством властных институтов интересующего (межсубъектного) социального мира. Значимость последнего обусловлена тем, что «реальность повседневной жизни содержит схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними в ситуациях лицом-к-лицу... Наше взаимодействие лицом-к-лицу будет упорядочено этими типизациями»¹⁹².

Любой институт, обеспечивающий социальный порядок, по утверждению исследователей, это опривыченная мыследеятельность людей, именно она выступает источником становления различных социальных институтов и фактором их общественного генезиса: «Всякая человеческая деятельность подвергается хабиутализации (т.е. опривычиванию). Любое действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и *ipso facto* осознано как образец его исполнителем... Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода, иначе говоря, любая такая типизация есть институт»¹⁹³.

¹⁹¹ Парсонс Т. О понятии «политическая власть» // Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. 2. С. 479.

¹⁹² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 55.

¹⁹³ Там же. С. 90 - 92.

С этой точки зрения любой политический и юридический институт, политический и правовой порядки в целом всегда историчны и уникальны, формируются в конкретных социально-культурных условиях и функционально определены именно этими условиями: «Институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются. Невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан. Кроме того, институты уже благодаря самому факту их существования контролируют человеческое поведение, устанавливая предопределенные его образцы, которые придают поведению одно из многих теоретически возможных направлений»¹⁹⁴.

Данная установка политико-правового мышления является основой и в концепции Джона Грея, который утверждает, что проект обустройства этнокультурной жизни общества – это не просто набор эффективных принципов, средств и институтов, утверждающих рационально организованный порядок отношений, но, прежде всего, целостный образ жизни. Поэтому с его точки зрения не может существовать единой, годной для всех идеально-типичной модели политических, государственных, экономических и социальных институтов, способных организовать эффективный и стабильный порядок: «Есть разнообразие исторических форм, каждая из которых коренится в плодотворной почве культуры, присущей определённой общности». И, следовательно, институты, «не отражающие национальную культуру или не соответствующие ей, не могут быть ни легитимными, ни стабильными: они либо видоизменяются, либо будут отвергнуты теми народами, которым они навязаны»¹⁹⁵.

Другими словами, стабильность и устойчивость политических и юридических институтов будут зависеть от того, насколько данные формы организации и результаты их функционирования остаются этически, культурно и экономически приемлемыми для основной массы населения. Причём процесс

¹⁹⁴ Там же. С. 94.

¹⁹⁵ *Грей Дж.* Поминки по просвещению: политика и культура на закате современности. М., 2003. С. 115.

государственно-правовой преемственности, по мнению Дж. Грея, «позволяет приверженцам различных культурных традиций обеспечить отражение этих традиций в правовых порядках, которым они должны подчиняться, не прибегая к сепаратистским действиям, неизбежным там, где единое государственное образование или поселение, охватывающее множество народов, устанавливает абстрактный, унифицированный правопорядок, коему все должны подчиняться»¹⁹⁶.

Другое направление в рамках данной установки характеризует функциональные характеристики государственной власти со *структурно-процессуальных позиций*. Этот подход базируется на рассмотрении политико-правового порядка в качестве объективной структурно-процессуальной тотальности.

В данном случае обосновывается, что «содержание» властных отношений зависят от типа общества, основанного на конкретно-исторической специфике социально-экономических отношений. В этом аспекте «власть в обществе, конечно, следует изучать не только с точки зрения неспецифической, надорганизованной власти организованных элит, но и с точки зрения самой формы организации, особенно формы организации труда, который различается по типу и объёму господства и независимости, но марксистский акцент на эксплуатации и классе связан с рассмотрением власти лишь в общем понимании последней... Определение власти с точки зрения ответственности, выбора и согласия и разграничения между судьбой, принуждением, авторитетом, манипулированием и властью присущи субъективистскому дискурсу и как таковые лежат за рамками собственно марксистского анализа. Последний начинается не «с точки зрения действующего лица», а с точки зрения разворачивающихся социальных процессов»¹⁹⁷.

Кроме того, в рамках данного направления важны не только структуры, обеспечивающие определённую систему властных институций и их

¹⁹⁶ Там же. С. 264.

¹⁹⁷ Там же. С. 78.

функциональную направленность, но и процессы воспроизводства властных отношений в обществе ¹⁹⁸. Иными словами, в функциональные обязанности институтов государственной власти, как особой структуры, порождённой сложившейся системой социально-экономических отношений, входят производство и воспроизводство публичных отношений, поддержание определённой формы господства и типа государственно-правовой организации.

При этой установке исследовательская практика, направленная на анализ институциональных и функциональных характеристик государственной власти, связана с такими вопросами как: «какое общество, какие фундаментальные отношения воспроизводятся? При помощи каких механизмов? Каковы роль структуры и действия (или бездействия) государства (или местных органов власти) в этом процессе воспроизводства - способствуют ли они ему, просто делают его возможным или мешают ему? Анализ воспроизводства даёт возможность ответить на вопрос о том, как связаны между собой в обществе различные проявления власти, даже если не существует никакой осознанной межличностной связи... факт воспроизводства особой формы эксплуатации и господства служит свидетельством классового правления и важным аспектом власти в обществе» ¹⁹⁹.

Стержневой проблемой в рассмотрении функциональных характеристик государственной власти при этом подходе являются вопросы влияния государства на производство и воспроизводство определённых типов властных отношений. Поскольку в государственной структуре механизмы этого (вос)производства получают официальное закрепление и нормативную поддержку, само правление одного класса, элитарной группы и т.п. осуществляется посредством институтов государственной власти. И по убеждению Г. Тербона в этом подходе главным итогом исследовательской

¹⁹⁸ Например, известный исследователь природы власти и властных отношений С. Льюкс по этому поводу замечает, что «капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение» // *Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд.* М., 2010. С. 183.

¹⁹⁹ *Тербон Г. Указ. раб.* С. 83.

практики является формирование типологии государственного вмешательства и типологии государственных структур, обеспечивающих это (вос)производство отношений и типа организации.

ГЛАВА 4.

ИДЕЙНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ (ДОКТРИНАЛЬНЫЕ) И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Этнокультурная целостность и политико-правовое единство как основы стабильности и устойчивости общественной системы. Национальная государственность и этнокультурная целостность. Социальный и политико-правовой порядок как целостные явления общественной жизнедеятельности. Современные подходы в понимании порядка социальных и этнокультурных отношений

Этнокультурная
целостность и политико-
правовое единство как
основы стабильного и
устойчивого развития
общества

Известный немецкий юрист и политик К. Шмит в своё время отмечал: «Идея репрезентации основана на том, что народ, существующий в качестве *политического единства*, обладает высшим и возвышенным,

более интенсивным видом бытия в отличие от естественного сосуществования какой-либо совместно проживающей группы людей»²⁰⁰. В этой фразе немецкий учёный достаточно ясно ухватил суть, основную идею государствоведческих теорий прошлого и классических оснований этнокультурной политики. Упрощённо эта идея обосновывала то, что государство есть «определённый статус народа», который связан с его политико-правовым единством и этнокультурной целостностью.

Причём единство и целостность трактовались в ту пору не так примитивно, как сейчас. Целостность рассматривалась как качественное состояние жизни народа в его *пространственно-временном* (т.е. целостность эволюции политического и социокультурного бытия народа, несмотря на различные катаклизмы, «сбои», радикальные трансформации, случающиеся в ходе развития), *духовно-нравственном* (цельная система национальных верований, идей, символов, образов, установок, стереотипов и проч.), *географо-климатическом* (пространственная, экологическая и климатическая специфика развития общественных процессов и социально-властного взаимодействия, во многом определяющих властно-правовые формы организации и режимы взаимодействия между частями, элементами) единстве.

Конечно, это качественное состояние не сводилось исключительно к вышеназванным характеристикам, а выражало в целостной идее государственности различные нюансы и специфику единства различных сфер и форм этнокультурного бытия. При этом задачей государственной власти (в организации её отдельных органов и институтов, в приоритетах, формах и режимах реализации государственной политики) была репрезентация этой

²⁰⁰ Шмит К. Государство и политическая форма. М., 2010. С. 49.

политико-правовой целостности народа в его единстве прошлого, настоящего и будущего, а не «народа в его естественном наличии» с доминирующими классовыми, обывательскими, сиюминутными интересами²⁰¹. Представляется, что именно в этом плане идея государства у К. Шмита содержательно развивается идеей репрезентации (представления, присутствия, выражение в жизнедеятельности общества): «Репрезентация, – подчеркивал исследователь, – является не нормативным процессом, а чем-то экзистенциальным. Репрезентировать означает сделать видимым и настоящим некое невидимое бытие посредством публично присутствующего бытия»²⁰².

В этом плане идея функционирования государственной власти связывалась с обеспечением целостной этнокультурной и политико-правовой жизни общества. Причём именно благодаря существованию этой идеи различные этапы государственно-правовой эволюции и конкретно-историческое состояние политико-правовой организации общества могут быть осмыслены в их органической связи, где итогом взаимодействия и

²⁰¹ Вообще, «парадигма интересов» стала доминирующей в XX в. Данная установка заменила традиционные религиозные, духовно-нравственные и другие социокультурные основы в гуманитарном познании. На её основе сформировался новый корпус экономических (А. Смит, Д. Рикардо и др.), политических (Г. Моска, В. Парето и др.), социально-философских (К. Гельвеций), государственно-правовых (Р. Иеринг) и иных систем знания. Например, известный историк идей и экономист А.О. Хиршман обосновывает, что парадигма интересов стала новой фундаментальной теоретико-методологической основой для интерпретации как исходных, базовых принципов общественного развития, так и различных притязаний на построение глубинных «законов движения», объясняющих различные векторы эволюции социально-динамических процессов. Речь идёт о том, что парадигма интересов «использовалась как для прояснения непреходящих принципов, лежащих в основе базовых экономических процессов обмена, производства, потребления и распределения, так и для понимания особых экономических и общественных изменений» (См. об этом: *Хиршман А.* Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М., 2010. С. 167). Те же методологические основы и концептуально-теоретические суждения прослеживаются в работах, например, Г. Моски и В. Парето, претендовавших на открытие «законов движения», глубинных социально-политических структур, основанных на интересах распределения и сохранения власти, доходов, статуса и проч. В юридической теории ярчайшим представителем парадигмы интереса был Р. Иеринг, постулирующий, что «цель – творец права», а общественная цель основывается на общих социальных интересах, складывающихся в экономической и политической сферах. При этом эволюция государственно-правовой системы обусловлена борьбой классов и слоев за свои интересы и их закрепление в праве через законодательство своих интересов.

²⁰² *Шмит К.* Указ. соч. С. 48.

взаимовлияния различных этапов и поворотов развития формируются интегральные характеристики целого. Отсюда идея государственной власти, обуславливающая в те или иные периоды политико-правовую мыследеятельность общества, её возможности и границы, представляет собой целостный образ тенденций и векторов государственно-правовой трансформации, несмотря на кажущуюся порой радикальность, несогласованность, противоречивость последних.

Поэтому рассмотрение этнокультурной и политико-правовой жизни общества, какого-либо отдельного этапа её становления, без учёта целостности и исторического единства её развития (каким бы идеалистически это ни представлялось) ведёт к дестабилизации политико-правовой организации, к размыванию духовно-нравственных, культурных, социально-экономических, политико-правовых скреп общественной целостности. Ведь, как справедливо отмечает К. Шмит, «для правоведческого различия юридических видов мышления гораздо большее и глубокое значение имеет то, что различие проявляется в *предполагаемых* и *основополагающих* представлениях о некоем *целостном порядке*, в представлениях о том, что может рассматриваться в качестве *нормальной ситуации*, кто является *нормальным человеком* и каковыми являются рассматриваемые в правовой жизни и правовой мысли в качестве *типичных конкретные фигуры жизни*... Без *постоянных, неизбежных* и *необходимых конкретных предположений* не существует ни юридической теории, ни юридической практики (курсив наш – *авт.*)»²⁰³.

По мысли немецкого исследователя, эти предположения формируются в процессе конкретно-исторического развития, кристаллизуются в качестве интегративных, базовых характеристик политико-правового бытия народа.

Сходные позиции развивались и в отечественном государствоведении. Например, известный теоретик государства проф. М.В. Шахматов писал: «Но сколько ни было тёмного в истории – наряду с этим всегда существовал высокий идеал, который давал власти силу и достоинство в глазах народа и

²⁰³ Шмит К. Указ. соч., с. 22 – 23.

сопрягался с исторической действительностью в поворотные, узловые моменты русской истории»²⁰⁴. Шахматов аргументирует, что любая государственно-правовая организация основывается на своём специфическом идеале, который не исчезает даже в период резких трансформаций, а постепенно видоизменяется, содержательно конкретизируется, концептуально варьируется, но сохраняется и проявляется в «форме особой идейно-государственной доктрины».

С этих позиций реализация функций государственной власти не только выражает социальную либо классовую его сущность. В особой политико-правовой деятельности государства выражается идейно-государственная доктрина, в целом легитимирующая конкретно-историческое функционирование данного института. В этнокультурном единстве и государственно-правовой целостности выражено нечто большее, выходящее за рамки любого поручения и любой государственной функции. Отсюда положение о том, что «разделение властей является верным лишь в той мере, в какой в словах “господствовать” или “править” содержится момент репрезентирования, а именно отображения политического единства»²⁰⁵.

В этом аспекте содержательно конкретизируется одна из ключевых характеристик государственной власти – легитимность, которая является качественным индикатором политико-правовых и социально-духовных закономерностей производства (воспроизводства) целостного порядка в ходе эволюции конкретной общественной системы. Категория «легитимность» ориентирует на анализ определённого качественного состояния функционирования властно-правового пространства, при котором (состоянии) специфические отношения и взаимодействия в единой системе личность – общество – государство, политическая и юридическая деятельность институтов власти, связанная с реализацией функций и обеспечения государственной целостности и этнокультурного единства, «встраиваются», вписываются в

²⁰⁴ Шахматов М.В. Государство правды. М., 2008. С. 9.

²⁰⁵ Шмит К. Указ. соч. С. 58.

доминирующую идейно-государственную доктрину и тип политико-правовой жизнедеятельности²⁰⁶.

Обратим внимание на то, что любая революция, радикальная ломка общественной жизнедеятельности направлена, главным образом, не на смену властвующей элиты, государственного строя, режима, правовой системы и т.п., все это вторично, а на изменение политико-правового образа жизни и мышления. Без изменения последнего ни одна цель революционных практик не будет достигнута, да и называться тогда эти практики будут иначе. Значимые революционные действия направлены, прежде всего, не на слом политических институтов, структур, отдельных органов, а на *государственно-правовой образ жизни, его этнокультурное единство и целостность*.

Основной целью революции является «не отмена прежнего государственного строя, а радикальная трансформация мышления людей»²⁰⁷. В этом плане революция представляет собой, как справедливо отмечает Б. Капустин, особый вид историко-политической практики, с атрибутами «случайности», «свободной причинности» (в смысле прекращения или приостановки действий нормативно-институциональных и духовно-культурных факторов, определяющих специфические тенденции развития государства, права, общества, нарушения причинно-следственных детерминаций в социальном, политическом и ином взаимодействии), направленной на появление новых форм политической и социальной идентичности, субъективности коллективных акторов (социальных деятелей), институционально-властной конфигурации и т.д.²⁰⁸

²⁰⁶ См. об этом: *Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю., Дуденкова А.А.* Легитимность как качественная характеристика политико-правовой организации // Юристы-Правоведы. 2008. №2.

²⁰⁷ *Пятигорский А.М.* Что такое политическая философия: размышления и соображения: цикл лекций. М., 2007. С. 135.

²⁰⁸ *Капустин Б.* О предмете и употреблении понятия «революция» // Логос. 2008. № 6. С. 4.

Национальная
государственность и
этнокультурная
целостность

В современных исследованиях с целью отражения сложности, многогранности и комплексности феномена государственной власти в общественной жизнедеятельности, как правило, используются такие категории, как «государственность» и «государство». Понятие «государственность» используется именно с той целью, чтобы выявить качественные характеристики (политические, правовые, духовно-культурные, социально-экономические и проч.), которые влияют на становление государственной власти определённого типа, вида и формы, а также влияние последних не столько на трансформацию государственных институтов, сколько на политико-правовую традицию государственного властвования, воспроизводство специфического политического и юридического образа жизни.

Другими словами, категория «государственность», отражает качественные характеристики конкретного исторического этапа развития общества, позволяет проникнуть в *политическую целостность генезиса функционирования государственной власти* в том или ином национальном государстве²⁰⁹. Последние же фиксируют как случайное, так и типичное, повторяющееся в сфере государственно-правовой жизни общества, т.е. отражают принципы и метаморфозы осуществления государственной власти, специфику политико-правового взаимодействия её первичных (общество) и вторичных (органы государственной власти) субъектов. Так, например, Л.А. Морозова отмечает, что «государственность – это свойство, качество, состояние общества на конкретном историческом этапе, качественная характеристика его элементов и институтов, составляющая основное содержание и определённую черту общества»²¹⁰.

²⁰⁹ Левакин И.В. Современная российская государственность: проблемы переходного периода //Государство и право. 2003. №1.

²¹⁰ Морозова Л.А. Проблемы современной российской государственности. М., 1998. С. 10.

Справедливы в этом плане суждения А.Ю. Мордовцева и В.В. Попова о том, что государственность представляет собой многоаспектное и многоплановое целостное публично-правовое образование, «обладающее национально-духовной природой, национально-культурной ориентированностью, так как на институциональном и функциональном уровнях отражает накопленные конкретным народом духовные и иные социальные ценности, укоренённые в ментальном универсуме последнего». Поэтому, отмечают исследователи, любая государственность обладает типологическими особенностями, соответствующими целостности этнокультурного универсума, «что в свою очередь требует обоснованной концепции отечественного государственно-правового развития, учитывающей национальное своеобразие и интересы большинства населения»²¹¹.

Конечно, ряд исследователей настаивают на схоластическом характере подобного разведения и содержательной концептуализации каждого из понятий, обосновывая равнозначность, тождественность использования государства и государственности. Более того, некоторые авторы утверждают, что как таковой особой формы идейно-государственной доктрины, национальной (народной) государственности вообще не существует, ибо государство в лице его органов прикрывает этими абстрактными концептами институционально-иерархическую структуру господства, «механизм» конструирования и навязывания определённого стиля (государственного) мышления. Поэтому, по их мнению, следует как можно быстрее отказаться от этих терминов-масок, которые за правовой терминологией скрывают своё подлинное лицо – волю к господству²¹².

В настоящее время закрепилась устойчивая «установка» о фрагментарности государственно-правового бытия, несводимости его к какой-либо целостности. Исследователи ныне работают с «расколотой» политической и социально-правовой мозаикой, которая вообще не поддаётся реконструкции,

²¹¹ Мордовцев А.Ю., Попов В.В. Российский правовой менталитет. Ростов н/Д, 2007. С. 288 – 289.

²¹² Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000. С. 96.

сведению в какому-либо единству. Более того, любая теория или концепция, претендующая на целостное описание этнокультурного и политико-правового бытия общества, подвергается «анафеме», маркируется в качестве амбициозного исследовательского проекта, лишённого научной верификации и перспектив одобрения.

В аспекте анализа государственной власти следует отметить, что этнокультурная целостность и политико-правовое единство реализуется в рамках обеспечения правопорядка и режима законности. Однако сама проблематика правового или политического порядка намного шире. Обращаясь к проблематике порядка в контексте исследования государственной власти, отметим, что какую бы точку мы ни взяли на исторической оси координат, везде власть разворачивается во всем многообразии её вариаций, существует в том или ином социальном контексте, тем не менее она всегда имеет некоторую основу, инвариантность, которая заключается в том, что власть всегда *оформляется через порядок*, организующий хаос социально-политической жизни, обеспечивает этнокультурную целостность и стабильность взаимодействия, устанавливает соразмерности для борющихся сил, интересов и проч. Поэтому одной из главных функций власти всегда будет упорядочение социальных отношений, а представления о власти будут совпадать с моральным и духовным видением порядка, затрагивающим глубинные архетипы ментального сознания.

Как отмечал дореволюционный юрист Л.А. Тихомиров, «факт власти является совершенно неизбежно как прямое следствие психической природы человека. Цели, которые при этом ставит себе властвующий, могут быть самыми разнообразными. Но как только проявление власти получает общественный характер, её главной целью становится создание и поддержание «порядка». За некоторым достижением этой задачи – та же власть получает задачу придать порядку нравственный характер, сделать его орудием осуществления

«правды»»²¹³. Термин «правда» в русскоязычной традиции выражает собственно божественное начало, совмещающее в себе понятия порядка, социальной справедливости, идеала истины (как определённого *образа действительности*), законности – словом, всё, что очерчивает и упорядочивает общественное бытие, задаёт особый «ритм» его существования. Неудивительно, что в русском народном сознании царская власть представлялась чуть ли не извечной, уходящей своими корнями в глубокую древность; она освящалась Божьей волей, в соответствии с которой Царь организовывал и упорядочивал (царствовал-властвовал) социальное пространство, выступая для всех своих подданных (которые перед ним равны, как перед Богом) мерилom Правды и Справедливости²¹⁴.

Таким образом, можно заключить, что *порядок, выражающий определённую справедливость, есть образец, идеал, архетип, который очень редко подвергается подвижкам, несоблюдение его пагубно для всех*. Власть же – это *способ его (порядка) реализации, оживления в неустойчивой социально-политической практике*.

Таким образом, обращение исследователей к категории «порядок» неслучайно, ибо последний отражает интеллектуальные поиски социальных и мировоззренческих опор целостности общества, интегративных ценностей и норм, позволяющих гармонизировать общественные отношения для преодоления хаоса, выхода из кризиса, обретения стабильности и прогностичности общественных отношений. «Порядок есть первая, – отмечает по этому поводу русский юрист Л.А. Тихомиров, – наиболее насущная потребность рождающегося общества. Вообще для всякого процесса, какой бы то ни было категории явлений необходим порядок, т. е. известная стройность и определенность совершения этого процесса. При нарушении этого условия

²¹³ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998. С.17.

²¹⁴ Здесь уместно вспомнить слова К.П. Победоносцева: «Первый момент мироздания есть появление света и отделения тьмы. Подобно тому и первое отправление власти есть обличие Правды от неправды: на этом основана вера во власть и неудержимое тяготение к ней всего человечества /Победоносцев К.П. Власть и начальство. [Электронный ресурс]. URL: <http://www/voskres.ru/gosudarstvo/pobed11.htm>. (дата обращения: 12.03.2010 г.).

данный процесс разрушается и заменяется хаотическим смешением своих элементов»²¹⁵.

Как правило, с этим понятием связывают упорядоченность социально-политической, экономической, этнонациональной и другой жизни, закономерности социального развития, урегулированность важнейших сфер человеческого общежития за счёт социально-культурных, политических и правовых средств. П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что «человеческое существование помещено в контекст порядка, управления, стабильности», а хаос, трансгрессия, бифуркация – это лишь качественное изменение самого порядка²¹⁶. Иными словами, порядок «существует *лишь* как продукт человеческой деятельности», он становится основой этой деятельности, поэтому-то порядок постоянно воспроизводится, изменяется в ходе социальной жизнедеятельности. Современная социальная, политическая и правовая жизнь, как справедливо замечают многие исследователи, невозможна без порядка, без определённой картины бытия и упорядоченных на её основе социальных отношений.

В древние времена порядок ассоциировался со справедливостью, с космическим (божественным) устройством и являлся, по сути своей, неизменным (абсолютным и универсальным) образцом, идеалом для политического и правового порядка земной организации. Здесь «всякое нововведение только искажает его. При этом образец (космический, божественный порядок – *авт.*) остаётся в прошлом, отклонение от которого пагубно... справедливость (архаическое *dike*) ассоциируется с порядком и неизменностью, приобретая с самого начала консервативную политическую окраску»²¹⁷. Политическое устройство и закон должны совместно воплотить и поддерживать исконный порядок. Так, например, у Платона государство будет справедливым, если оно выражает порядок, который заключается в стабильном

²¹⁵ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 30.

²¹⁶ Бергер П., Лукман Т. Социально конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С.87.

²¹⁷ Исаев И.А. *Politica Hermetica*: скрытые аспекты власти. М., 2003. С. 48.

государстве – «сильно и едино» – и в повиновении закону, предполагающем подчинение велению разума, вечному и нерушимому порядку. Подобные взгляды свойственны и ранним воззрениям отечественных мыслителей, которые считали, что власть и закон сочленяются в достижении некоторой задачи – осуществить по божественному образцу земной порядок, придать последнему нравственный характер, сделать его орудием осуществления Правды и достижения Благодати.

Социальный и политико-правовой порядок как целостные явления общественной жизнедеятельности

Категория «социальный порядок» широко вошла в научный оборот благодаря работам М. Вебера. Под последним он понимал институциональный каркас (организованный комплекс институтов и структур в обществе), базирующийся на некоторых аксиологических (ценностно-нормативных) характеристиках, которые обеспечивают социальную стабильность и интеграцию социума²¹⁸.

По мнению немецкого учёного, человеческому общежитию свойственно стремление к определённому социальному равновесию и стабильности отношений. Социальная динамика, в его интерпретации, это процесс движения от хаоса или «аксиологической (ценностной) пустоты» к социальному порядку, к смысловой наполненности социальных отношений. Институционализация же социального порядка предполагает, с точки зрения М. Вебера:

- *во-первых*, массовое, позитивное одобрение «предлагаемой модели», которое возможно, если она соответствует как историческому, традиционному опыту народа, так и интересам и ожиданиям большинства людей;
- *во-вторых*, фиксацию наиболее важных институтов, поддерживающих данную модель порядка в нормативных актах и иных источниках права;

²¹⁸ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

- *в-третьих*, создание таких государственных учреждений, деятельность которых вела бы к соблюдению и поддержанию социального порядка. По мнению все того же М. Вебера, первостепенное значение в социальном устройстве общества имеют аксиологические (ценностно-нормативные) факторы, влияющие на упорядоченность социальных отношений и специфику их властной регуляции, а экономический, политический и правовой порядок уже выражение, воплощение последнего в различных сферах жизнедеятельности людей ²¹⁹.

Данные теоретические выкладки повлияли на развитие современных представлений о природе «порядка». Так, например, Р. Парк отмечает, что порядок – это определённая культурная модель организации социума, обеспечивающая стабилизацию общественных отношений и продолжение коллективной жизни в условиях социальной конкуренции и конфликта²²⁰. С. Фролов рассматривает порядок как действующую социальную систему со своими особенностями и параметрами функционирования, включающую в себя индивидов, взаимосвязи между ними, привычки, обычаи, действующие незаметно, однако способствующие успешному функционированию этой системы²²¹.

С точки зрения Дж. Роулса, любой порядок базируется на общих для определённого социума принципах справедливости, обеспечивающих организацию социума²²². Ч. Миллс, в свою очередь, анализирует проблему порядка как проблему интеграции самого социума, причем последний устанавливается, по его мнению, по различным уровням: есть первичный

²¹⁹ На основании культурных ценностей, выработанных (сложившихся) в том или ином обществе, базируется, по мысли М. Вебера, тот или иной порядок. В связи с этим немецкий учёный выделяет и три известных «идеальных типа» господства, которые присущи тому или иному социальному порядку: харизматический, традиционный, легальный. См. об этом: Вебер М. Политика как призвание и профессия: Избранные произведения. М., 1990. С. 645 – 647.

²²⁰ См.: Баньковская С.П. Ведущие теоретики чикагской школы. Идеи и подходы / История теоретической социологии. М., 1998. Т. 3. С. 132.

²²¹ Фролов С.С. Основы социологии. М., 1997. С. 332.

²²² Алексеева Т.А. Джон Роулс и его теория справедливости // Вопросы философии. 1994. № 10.

социальный порядок, который обуславливает структурирование вокруг него вторичных порядков. В каждом социуме примат одного порядка над другим индивидуален и зависит от ценностных оснований, на которых выстраиваются общественные отношения. Другими словами порядок является устойчивой общечеловеческой ценностью, однако, его содержательное понимание зависит от той или иной этнокультурной среды. В каждом обществе есть собственное ценностно-нормативное измерение порядка и уникальные, специфические характеристики последнего.

Например, для Германии, отмечает Ч. Миллс, политический порядок первичен, он обеспечивает социальный; в свою очередь, для Америки первичным порядком является экономический, обуславливающий и социальный, и политический порядок²²³. По мнению З. Баумана, за каждым порядком стоят определённые ценности, которые интегрируют разрозненные общественные элементы, обуславливают их взаимоотношение и совместное существование²²⁴. Данную точку зрения отстаивает и М. Комаров, отмечая, что «обеспечение и поддержание социального порядка или, иными словами, социальной интеграции общества является одной из сторон функционирования культуры, которая посредством общеразделяемых ценностей и символов объединяет людей в социальное целое»²²⁵.

Р. Конелл и С. Ашвин исследуют порядок как исторически заданный образец (паттерн) властных отношений, которому присуще конкретная институциональная структура и заданная последним система устойчивых практик²²⁶. Французский историк и философ М. Фуко рассматривает порядок как историческую совокупность политических, экономических, юридических, общественных и институциональных событий, сложных процессов и отношений, свойственных определённой фазе развития общества. Он отражает

²²³ Миллс Ч. Высокая теория // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1994.

²²⁴ Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. С. 154 – 158.

²²⁵ Комаров М.С. Введение в социологию. М., 1994. С. 242.

²²⁶ Ашвин С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 64 – 65.

определённый тип политических учреждений и юридических установлений, форм знания, проекты рационализации (или сакрализации) познания²²⁷.

Заслуживающим внимания представляется разделение существующего в обществе порядка, вышеупомянутыми авторами на два уровня. Так, М. Фуко рассматривает порядок как «*публичный*» – официально декларируемый и институционально признанный (в различных доктринальных документах, нормативно-правовых актах и проч.), идеи и содержание которого культивируются в жизнедеятельности социальных субъектов, и «*скрытый*», отражающий реальное состояние дел и расстановку социальных сил, стратегии и неофициальные практики, отношения социальных субъектов²²⁸. Р. Конелл и С. Ашвин, в свою очередь, представляют порядок, с одной стороны, как установленную государством систему властных отношений, а с другой – как определённую совокупность (серию) практических действий субъектов и связанных с ними представлений²²⁹.

Как видим, порядок в современной литературе представляется как определённая организация общественных отношений и институций, основанная на различных системных, ценностных, традиционных и культурных факторах. Этот термин выражает идею организации общественной жизни, упорядоченности социальных действий или представлений. Порядок выражает идею о неслучайности существующей общественной организации, социального поведения субъектов; о предсказуемости и закономерности развития общества; об устойчивости и исторической эволюции различных форм человеческого бытия. Причём порядок – «это не жёсткая конструктивность некоего омертвевшего костяка, а гибкая структурированность живого социального организма, открытого для позитивных трансформаций, имеющего высокий

²²⁷ Фуко М. Что такое Просвещение? / Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. С. 351 – 352.

²²⁸ См. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

²²⁹ Connell R. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics. Cambridge, 1987. P. 98 – 99.

коэффициент сопротивляемости различным энтропийным воздействиям внешнего и внутреннего характера»²³⁰.

Наиболее полным и уместным для данного исследования нам видится определение порядка, которое дал С. Ожегов, рассматривающий последний в различных смысловых перспективах: в *институциональном* – «правильное, налаженное состояние, расположение», в *регулятивном* – «правила, по которым совершается что-либо», в *функциональном* – «последовательный ход каких-либо событий», в *традициональном*, идейном плане – в соответствии с тем, «как было, как принято, как полагается»²³¹.

При этом общие представления о понятии «порядок» преломляются и видоизменяются в тех или иных гуманитарных науках вследствие погружения данного термина в контекст рассматриваемых социальных феноменов. Отсюда вытекают различные модификации социального порядка: экономический, политический, правовой и др. Например, *политический* порядок определяется как совокупность «правил, создающих благоприятные условия для эффективного и целесообразного функционирования и развития политической системы общества, состояние урегулированности политических процессов»²³². Последний отражает организованную систему стабильного взаимодействия субъектов политики по организации политической власти и достижению значимых политических целей и потребностей.

Современные
подходы понимания
порядка социальных и
этнокультурных
отношений

При кажущейся очевидности понятия «порядок» существует, как отмечалось выше многообразие позиций по его осмыслению. В этом контексте можно выделить следующие подходы:

²³⁰ Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: краткий словарь. СПб., 2000. С. 242.

²³¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 565.

²³² Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России. М., 2000. С. 31.

- *во-первых, этатистский подход*, который рассматривает порядок как согласованную нормативно-правовую систему, где правовые нормы логически согласованы и не противоречат друг другу. Порядок представляет собой нормативную систему, выражающую государственную волю и интересы, устанавливающую должный порядок общественных отношений. Весь смысл правового порядка сводится здесь к подчинению индивидуальных интересов и потребностей государственной воли (интересам господствующего класса, нации и т.п.), все действия и представления субъектов выстраиваются согласно известному абстрактному правовому идеалу, установленному государством. Государство становится источником и условием существования порядка как такового;

- *во-вторых, коммуникативный (социологический) подход*, здесь порядок мыслится как совокупность общественных отношений, упорядоченных на основании социально признанных норм, сложившихся в обществе представлений, привычек, стереотипов, навыков и опыта, которые в значительной мере и определяют его. Социально-культурный порядок есть, таким образом, выражение «объективного порядка, посредством которого элементы социального целого интегрируются в тотальное социальное явление»²³³. В этом смысле сам политический порядок «можно сравнить с карликом, сидящим на плечах гиганта – общества. Сам по себе карлик бессилен»²³⁴, ибо только общество наполняет политический порядок определённым содержанием, обеспечивая ему силу и эффективность в упорядочении общественных процессов;

- *в-третьих, договорной (естественно-правовой) подход*, для которого характерна демаркация «естественного порядка» и «гражданского порядка», первый представляет желаемый (должный) идеал социально-политической реальности, а второй – его воплощение в политически организованном

²³³ Цит. по: Антонов М.В. Социология права Г.Д. Гуревича // Правоведение. 2003. № 2. С. 224.

²³⁴ Яковлев А.М. Российская государственность (историко-социологический аспект) // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 79.

обществе. В рамках этого подхода утверждается, что идеал порядка сформировался до становления самого государства, точнее, этот идеал существует до и независимо от политической жизни общества, а государство, различные политические институты и иные институты гражданского общества лишь его воплощают в конкретно-исторической социально-политической реальности. «Неотчуждаемость и неумолимость естественных прав, с одной стороны, и весьма ограниченная способность людей к автономному самообязыванию, с другой, – замечает о сути этого порядка И.А. Ильин, – ведёт к организации таких союзов, которые должны устанавливать и ограждать естественный порядок посредством гетерономных правил и поддерживать их соблюдение силою внешнего, общепризнанного, властвующего авторитета. Единая власть, уполномоченная правом и сама подчинённая праву, получает обязанность формулировать естественное право в виде объективно-значащих, общеобязательных правил внешнего поведения (т.е. в виде положительного права)»²³⁵;

- *в-четвертых, плюралистический подход*, рассматривающий порядок как специфическую публичную основу мирного существования фрагментарных социальных реальностей, основанных на плюрализме идей, ценностей и норм. Здесь постулируется многообразие порядков (политико-правовой порядок – метауровень упорядочения иных локальных социальных порядков), свойственных тому или иному институту, организации, иной социальной общности, которые, по своей сути, являются автономными. В определённой сфере жизнедеятельности общества создаётся собственный порядок на основе свободной конкуренции (в политической сфере – это конкуренция социально-политических программ, в экономической – рыночная конкуренция, в социальной – плюрализм идей, мнений, интересов), однако все они зиждутся на политико-правовых основах;

- *в-пятых, прагматический подход* (рациональный) исходящий из того, что государственная власть является «ядром» политического порядка, без

²³⁵ Ильин И.А. О Сущности правосознания. Мюнхен, М., 1993. С. 110.

которой последний вообще не мог бы существовать, однако отмечается, что сам порядок зависит от этнополитической культуры общества, влияющая непосредственно на специфику властно-правовых отношений. В этом смысле общество формулирует общие принципы, требования, индикаторы и т.п. порядка, а государственная власть воплощает его и подчиняется ему;

- *в-шестых, идеократический подход*, обосновывающий, что как власть, так и право порождаются «идеократическим элементом», т.е. культурно-нравственным и психологическим состоянием нации, её верой, духом, идеалами, ценностями и т.п. Другими словами, политический порядок конструируется на основе высших духовных идеалов, которые являются основой реальности, а государственная власть становится инструментом, способом движения к ним.

В аспекте анализа современной государственной власти мы будем использовать понятие «политико-правовой порядок» как более адекватное для наших целей. Понятие это вошло в обиход сравнительно недавно, и на настоящий момент не имеет какого-либо устоявшегося определения. В одном случае, оно рассматривается как тождественное понятию «правовой порядок», где «правовой» указывает на то, что социальный порядок как явление зиждется в том числе и на праве, органично с ним связан; в другом, он синонимичен политическому порядку, представляющему собой определённую (устойчивую) конфигурацию эффективно функционирующих в правовом поле политических институтов, организаций, учреждений. По нашему мнению, первая и вторая точки зрения обедняют смысл данного понятия, ибо политическая и правовая жизнь общества – это две взаимосвязанные формы человеческого бытия, отражающие единую публично-правовую организацию социума, которая является частью общесоциального порядка. И политическая, и правовая жизнь общества есть условие существования целостного государственно организованного общества и этнокультурной стабильности; и та, и другая

стремятся как к выражению, так и к удовлетворению социальных потребностей и интересов различного характера²³⁶.

Именно политико-правовой порядок отражает не только взаимосвязь государства и права, но и специфические признаки и принципы властной организации социума, без коей, как известно, невозможно существование ни государства со свойственной политической системой, ни, соответственно, самой правовой системы общества. Справедливо в этом смысле отмечает русский государствовед Н.Н. Алексеев, что «из тех логических признаков, которые вводятся в это понятие современным государствоведением, наиболее важным является, конечно, элемент власти. Поистине, государство немислимо без власти, как окружность немислима без центра. С этим моментом власти и следует связать рассмотрение вопроса об отношении права и государства... *между правом и властью нет никакой непримиримой противоположности, а, следовательно, нет противоположности и между государством и правом.* Правопорядок не противостоит государству, как нечто совершенно чуждое власти... Право относится к государству, как власть к власти. Властность и есть та стихия, которая может соединить государство и право. Когда соединение это происходит, необходимо преобразуются присутствующие в правопорядке властные отношения»²³⁷.

В другой своей работе, посвящённой исследованию специфики российского государства, Н.Н. Алексеев отмечает, что вопрос о соотношении политики и права, по крайней мере для отечественной науки, должен решаться посредством рассмотрения национального порядка через властную организацию, которая обуславливает и связывает политическое устройство и правовую организацию социума, политическое и правовое поведение индивидов²³⁸. И совершенно прав в этом смысле В.Я. Любашец, когда пишет, что власть выступает в качестве одной из существенных характеристик

²³⁶ См.: Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы. М., 2000. С. 8–9; 34–35.

²³⁷ Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1998. С. 198.

²³⁸ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.

общественной, правовой и государственной жизни, одним из главных индикаторов всей политико-правовой практики общества²³⁹. Так, какую бы точку мы ни взяли на исторической оси координат, везде власть разворачивается во всем многообразии её институтов, существует в том или ином социальном контексте, тем не менее она всегда имеет некоторую основу, инвариантность, которая заключается в том, что власть всегда *оформляется через политико-правовой порядок*, организующий хаос жизни общества. Поэтому одной из главных функций власти всегда будет упорядочение социальных отношений, а представления о власти будут совпадать с моральным, духовным и правовым видением порядка, затрагивающим глубинные архетипы ментального сознания.

Тем самым правопорядок, есть также государственно-властное явление, иначе он возможен только там, где существует публичная организация общества, иными словами – государственная власть, которая его санкционирует и поддерживает. Без государственной власти («без огосударствления правового властвования» – Н.Н. Алексеев), без её механизма и институтов правовой порядок будет абстрактной категорией, не имеющей ни формальной определённости, ни действенных (эффективных) способов воплощения и функционирования в социальной действительности.

В этом смысле политико-правовой порядок можно рассматривать как властную организацию социума, отражающую государственно-правовую организацию конкретного общества. Кроме того, сама политическая и правовая наука, как отмечает Е.А. Лукашева, остро нуждается сегодня в примирении ряда антагонистических концепций правопонимания и государствовопонимания, в разработке интегрального (комплексного) подхода к государству²⁴⁰. Причём последний должен включать в себя, с одной стороны, синтез политических и правовых доктрин, с другой – нравственные, социологические,

²³⁹ Любашиц В.Я. Понятие государственной власти, её особенности и разновидности: проблемы теории // Северо-Кавказский юридический вестник. 2002. №2.

²⁴⁰ Лукашева Е.А. К вопросу о правопонимании (По материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. 2003. № 5. С. 10.

психологические особенности конкретного политического мира. Немалую роль для этих начинаний может и должна сыграть теория государственной власти, раскрывающая реальность государственно-правовой жизни, её регулятивную и реляционно-институциональную структуру (Л.С. Мамут), особенности властно-правового (государственного) бытия²⁴¹.

В этом смысле идея политико-правового порядка связана с осмыслением этнокультурной жизни как целого предполагает отношение к государству как к единой публично-правовой «среде» развития и функционирования властных отношений. Таким образом, государственная власть реализует связь различных общественных интересов и потребностей с общим политико-правовым порядком, а также сообразно с ними осуществляет свои функции и направляет развитие политической и правовой системы общества. В этом смысле политико-правовой порядок – *это основанная на политических, правовых нормах, идеях, ценностях и идеалах институциональная организация общества, обеспечивающая упорядоченность социальных отношений и отражающая специфику и закономерности развития социально-культурной системы.*

²⁴¹ Мамут Л.С. О государстве и государственности (По материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. 2003. № 5. С. 15 – 16.

ГЛАВА 5.

ТРАДИЦИОННЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Проблемы обеспечения социальной интеграции и политического единства в XXI веке. Современные формы социальной интеграции и гармонизации этнокультурных отношений. Евразийский политико-правовой обеспечения социальной интеграции и этнокультурного согласия. Демократическая политико-правовая организация: вызовы и проблемы развития в XXI веке.

Проблемы
обеспечения
социальной
интеграции в XXI

Идея государственности как целого, как особого политического и этнокультурного состояния народа в современную эпоху переживает закат, особенно в западноевропейской науке.

Постулируется, что ни одна из форм этнокультурного и социально-политического бытия не имеет приоритета. Консервативное мышление, ориентированное на историческую и этнокультурную целостность общества, сменяется многообразием политических форм организации и взаимодействия, фрагментарностью мышления, стилей жизни и т.п.

В целом начало XXI века ознаменовалось постановкой и обоснованием гипотезы о «научно-практической несостоятельности» государства как основополагающего субъекта, обеспечивающего социальную целостность. Можно это предположение описать шире – о закате «эпохи государственной власти» как феномена, обеспечивающего и монополизирующего социально-культурную целостность, политическое единство, материализацию и защиту прав, свобод и законных интересов (общечеловеческих и гражданских).

При этом международно-правовая коммуникация, основанная на государственном единстве, суверенности и национальной целостности, эволюционирует в сторону адаптирующихся (постоянно изменяющихся и переструктурирующихся) разнообразных структур взаимодействия²⁴², где государственная власть рассматривается в качестве одного из глобальных субъектов, участвующих в политико-правовом процессе наравне с неправительственными гражданскими институтами, транснациональными субъектами, военно-политическими блоками.

²⁴² Утверждается приоритет сетевых глобальных структур, объединяющихся не по признаку территории проживания, этнической принадлежности, общей культуре, языка и проч., а на основе социальных интересах и потребностях, которые постоянно изменяются, по своей природе нестабильны и поверхностны.

Поэтому неслучайно в современной государственведческой науке развиваются концепции рискогенности, нестабильности и переходности ²⁴³, поскольку само политическое единство народа характеризуется «*плавающими рамками и принципами*», постоянно находится в поиске точек временной интеграции. Универсальными формами и процедурами таковой политической интеграции выступают демократические формы и методы постоянного воссоздания социально-политического единства: «здесь государство постоянно интегрирует себя через общественное мнение, выборы, парламентские дебаты и голосование» ²⁴⁴.

При этом процессы глобальной эволюции государственной власти по-иному ставят проблему уникальности и локальности национальных политико-правовых систем, активизируя процессы регионализации и провинциализации публично-властного взаимодействия, а развивающиеся практики признания (или не признания) существующих политических режимов со стороны международного сообщества обуславливают принципиально иную эпоху в развитии национальных государств. Выше говорилось о том, что легитимность экстраординарных ситуаций и чрезвычайных режимов обосновывается сегодня не через обеспечение целостности, единства, стабильности института государства, а посредством международного санкционирования, т.е. одобрение этих действий как необходимых для сохранения, продвижения глобального порядка и соответствующей западноевропейской идеологии.

Эти противоречия, по нашему мнению, приводят (особенно на постсоветском пространстве) к ослаблению международной правовой и политической роли и значения государства, к повсеместному развитию

²⁴³ Например, С.А. Кравченко утверждает, что сегодня всем «необходимо научиться жить без устойчивых ориентиров, долгоживущих факторов порядка, общепризнанных авторитетов». Поэтому необходима внятная теория, формирующая формы, процедуры и методы постоянного воссоздания политического единства, управления с меняющимися приоритетами и проч., способная «брать» под контроль рискогенную общественную среду / *Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М., 2009.*

²⁴⁴ *Шмит К. Указ. раб. С. 45.*

межтиповой (с преобладанием функциональных искажений и деформаций в развитии системы государственной власти) модели трансформации публичных органов власти. Кроме того, это межтиповое состояние государственно-правовой организации может быть вызвано не только стремлением элитарных сил перейти к новому, *прогрессивному устройству* (например, политические системы Польши, Румынии, Болгарии и т.п.), но и *регрессивной направленностью* (например, восточные «псевдо»демократические системы государственной власти – Таджикистан, Казахстан и др.²⁴⁵), стремлением на уровне публично-правовой политики реализовывать проект резкого (или постепенного) возврата к прошлым устойчивым политико-правовым формам организации, стабильным властно-правовым моделям и способам взаимодействия в обществе.

В то же время, сегодня, как на идейно-концептуальном уровне, так и на уровне научной практики, в современной политической риторике подчёркивается возрастающее значение регулирующих мероприятий и программ государственной власти, направленных на преодоление кризисных явлений, противоречий, конфликтов, а также обеспечение социального порядка, стабильности и устойчивого развития общественной системы.

Однако степень такого властно-управленческого вмешательства в общественные процессы и его влияние на регламентацию социальной жизнедеятельности зависит от национальных традиций, сложившихся публично-правовых практик взаимодействия общества и государства, а также предпочтений, интересов и потребностей населения. Поэтому современные концепции эволюции институтов государственной власти, нивелирующие его суверенные качества, обосновывающие размывание традиционной роли и значение данного института, трансформацию его функций и компетенций, следует трактовать не просто как вызов самостоятельности, независимости,

²⁴⁵ См. об этом подробнее: *Фурман Д.Е.* Движение по спирали. Политическая система России в ряде других систем. М.,2010.

целостности национальной государственности, но и как угрозу дальнейшего существования государственно-организованных форм жизнедеятельности.

Считаем, что ориентиры дальнейшего государственного строительства и укрепления национальных политико-правовых систем связаны с развитием концепции стабильности и устойчивости публично-правовых институтов власти, форм и моделей взаимодействия в системе личность – общество – государство, обеспечивающих преемственное воспроизводство национально-культурной целостности и идентичности в стандартизирующемся и унифицирующемся мире, а также самостоятельность в принятии общенациональных управленческих решений и реализации правовой политики.

Глобальная трансформация государства, права, гражданского общества и доктрины прав человека, несомненно, делает вызов национальной государственной власти, ее суверенитету, независимости ее функций, приоритетов деятельности и проч. В то же время «основные задачи, которые решает государство, остаются – создание законодательной базы, создание сбалансированных общих условий макроэкономической стабильности и соответствующей политики, обеспечение основополагающей инфраструктуры и социальных услуг, – вместе с тем появляются новые черты в деятельности государства»²⁴⁶. Безусловно, глобализация качественно обогатит и усложнит роль государства, но вряд ли данный институт утратит своё доминирующее положение в международном взаимодействии и в управлении внутринациональными процессами.

Современные формы интеграции и гармонизации этнокультурных отношений
--

Если систематизировать существующие на сегодняшний день прогностические модели обеспечения социальной интеграции и развития государственной власти, то можно выделить три

²⁴⁶ *Осьмова М.Н.* Глобализация мирового хозяйства и эволюция экономической роли государства / Под ред. М. В. Кулакова и М.Н. Осьмовой. М., 2001. С. 5.

основных направления:

1) *прагматическое*, связанное с интенсификацией взаимосвязи и взаимозависимости национальных систем государственной власти, при реализации своих внутренних и внешних функций. Данное направление предполагает развитие международного политико-правового и социально-экономического взаимодействия, направленного на обеспечение устойчивости национального государственно-правового пространства, базовых институтов, ценностей и т.д.;

2) *унификационное*, основывается на сближение и унификации политических и юридических форм и средств коммуникации, распространение и единых социально-культурных, правовых и иных стандартов, требований в развитии локальных (этнокультурных) социально-политических пространств;

3) *космополитическое*, ориентированное на качественную трансформацию публично-правовых форм организации власти, в контексте которой институт государства перестаёт «создавать общий порядок взаимоотношений» (У. Бек) и стимулирует принципиально новые космополитические принципы организации человеческой жизнедеятельности и новые (революционные) формы социальной интеграции и идентичности, которые должны быть концептуально и политически освоены вне старых категорий национального и интернационального (международного).

1. Универсалистский проект. В настоящее время при анализе форм, обеспечивающих социально-культурное и политическое единство, особенно в западноевропейской науке, задающий «тон» исследовательским проектам и управленческой деятельности современных политических элит, происходит явное игнорирование потенциала традиционной государственной организации. Формулируются либо инновационные (неолиберальные) формы политической коммуникации, где государственной власти отводится весьма малое место (т.е. воспринимается в качестве одного из акторов, участников публично-властного взаимодействия); либо революционные (неомарксизм и неоанархизм) формы

политического единства, лишаящие государственную власть какого-либо социального значения в будущем²⁴⁷.

1. В первом случае речь идёт о так называемой сервисной концепции государства и глобальной неолиберальной конституционно-правовой интеграции. Государственная власть в данных направлениях не является единственным субъектом в международно-политической коммуникации²⁴⁸, выступает либо «на равных» с локальными или глобальными институтами гражданского общества и иными неправительственными организациями; либо вообще выполняет обслуживающую (сервисную) роль в реализации социальных интересов, запросов, потребностей и т.п.

В этом случае реализуется умеренный транснациональный политический проект, обосновывающий упадок государственно-правовых форм публичного взаимодействия, механизмов обеспечения социальной целостности и этнокультурной идентификации. И на этом фоне устаревшие политико-правовые формы и механизмы открывают пространства для *реванша глобального гражданского общества*. При этом тотальность социокультурной организации нации, представленная и поддерживаемая государственной властью, заменяется глоболокальными социальными организациями, функционирующими в свободном, мобильном режиме (т.е. постоянно изменяются и усложняются, распадаются и самоорганизуются, выходя за границы суверенных территорий), где рамки их социально-политической активности больше не связываются с государственным нормированием, а подчиняются общей (стандартизированной) «конституционно-правовой идентичности» (Ю. Хабермас), общим требованиям концепции прав и свобод человека, универсальным (общемировым) социальным стандартам.

²⁴⁷ Нео - (от греч. neos - новый) употребляется, как приставка, равносильная русскому: ново (Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. М., 1910); Нео - греческ. слово, употребляется в сложных словах, означает ново... (Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М., 1907)/ Приставка «нео» в данном случае указывает не на принципиально новые социальные, политические и правовые доктрины, развивающиеся в XXI веке; а, напротив, на «обновлённые версии» традиционных идеологических систем, доминирующих (авторитетных и широко признаваемых) в XX веке.

²⁴⁸ *Cohen S. The resilience of the state: Democracy and the challenges of globalization. L.: Rienner, 2006.*

Другими словами универсальная концепция прав человека и общие социально-правовые границы терпимости, лишённые устаревших национально-государственных и религиозно-этнических параметров, формируют новый «резервуар» политической коммуникации и «освобождают политическое взаимодействие от культурной и этнической идентичности»²⁴⁹. В тоже время подчёркивается, что эти политические тренды (направления развития) не уничтожают полностью государство, а качественно изменяют его роль, значение и функции в третьем тысячелетии. В целом «стратегический реванш гражданского общества» и освобождение от суверенного юридико-политического кодирования общественных процессов «не изменяет либеральным целям, но разрушает цивилизационные пути... исходя из принципов блага мирового сообщества»²⁵⁰ и «возвращает человека к принципам свободного развития»²⁵¹.

Возникает резонный вопрос: если инновационные формы политической интеграции и коммуникации основаны на свободе и мобильности институтов гражданского общества, построенных по сетевому принципу и движущихся к оформлению в единое мировое сообщество, то какова роль и социальное назначение государства и его институтов в XXI столетии? Ответ этот содержится в оформляющейся концепции сервисного государства, где роль последнего сводится к публично-правовому субъекту, оказывающему социально значимые услуги, гарантирующему и координирующему их реализацию, используя различные общественные ресурсы (символические, физические) и управленческие технологии, основанные на развитых ИТК (интерактивной коммуникации).

В этом плане следует достаточно критически оценить появляющиеся в рамках государственоведения исследовательские проекты, обосновывающие новый вид публично-властной организации общества – «*сетевое государство*».

²⁴⁹ *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000.

²⁵⁰ *Хабермас Ю.* Расколатый запад. М., 2008. С. 31.

²⁵¹ *Хомский Н.* Государство будущего. М., 2012.

Во-первых, принцип подвижности и сетевой организации в современном политической и юридической науках относится, прежде всего, к описанию функционирования гражданских институтов и мирового сообщества (глобального гражданского общества), а также подвижных и мобильных сценариев идентификации (локальных сетевых сообществ).

Во-вторых, сетевые формы, мягко говоря, противоречат принципам организации и функционирования государственной власти, основанной на стабильности, устойчивости и властно-правовой иерархичности. Соответственно, их отмена ведёт к исчезновению самого государства и публичной власти как социально-политических феноменов.

В-третьих, часто происходит подмена сущности публичной власти и форм её проявления, организации и функционирования. Так, электронные способы публично-властного взаимодействия и сетевые формы властной активности с использованием ИТК *выражают лишь специфические закономерности, социального и политико-правового развития, отдельные аспекты функционирования* публично-властного взаимодействия в общества. И поэтому, внешние явления и специфические закономерности не совпадают и не могут в полном объёме выражать сущность государства или государственной власти.

Следовательно, «сетевое государство», «виртуальное государство» и др. это достаточно спорные понятия и скорее представляет собой научные метафоры, а не сущностные характеристики современного государства. Считаем, что сетевое публично-властное взаимодействие следует рассматривать в качестве одного из принципов оптимизации управленческого процесса и форм политической коммуникации, *характерных только для определённых сфер предоставления публичных услуг.*

Сегодня сервисный подход к трансформации государственного управления, шире к современному реформированию публично-правовых органов власти и управленческого процесса, является доминирующей инновационной стратегией в посткапиталистическом политико-правом

мышлении и основной программой преобразований в информационном обществе. В тоже время считаем, что сервисная концепция государства и оптимизации управленческого процесса по своей сути является *переходным (межтиповым) феноменом* («открывающим двери» в третье тысячелетие), поскольку неолиберальные тенденции в политике многих зарубежных государств ведут к тому, что существенно сужается сам массив, оказываемых государством услуг. В настоящее время, как правило, «отдельные виды общественных услуг либо приватизируются, либо отдаются на откуп компаниям-подрядчикам»; и даже в тех случаях, когда общественные услуги остаются за государственной властью они «предоставляются так, как если бы этим занималась частная компания»²⁵².

При этом тотальная политизация и экономизация публичной сферы в обновлённой концепции минималистского государства ведёт к тому, как справедливо отмечает Колин Крауч, что «подобно призрачной компании, правительство постепенно старается избавиться от всякой непосредственной ответственности за предоставление общественных услуг, способной испортить его репутацию» и старается максимально виртуализировать свою публичную активность (например, интенсифицировать властное взаимодействие с обществом и личностью с помощью мобильных электронных и сетевых ресурсов).

Если структурно представить этот оформляющийся социально-политический проект развития социальной интеграции и этнокультурной гармонизации, то можно условно выделить три основных уровня его развития:

1) *метауровень* – неолиберальные идеологические основания, обосновывающие формирование новых доминирующих субъектов публично-властного взаимодействия – международные корпоративные структуры и глобальное гражданское общество;

2) *мезоуровень* – идейно-концептуальные основы государственности, связанные с сервисной организацией государства с преобладанием

²⁵² Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С. 60.

интерактивных систем и виртуальных технологий во властно-управленческой деятельности (e-democracy, e-services – электронное государство, сервисная концепция организации социального управления, основанная на использовании интерактивных технологий коммуникации в системе личность – общество – государство);

3) *микроуровень* – практика организации и функционирования публично-правовых институтов власти и интерактивные формы политической коммуникации (e-public network, e-public administration – публичные сети взаимодействия, основанные на ИТК и электронные формы государственного управления, администрирования)²⁵³.

2. Во втором случае речь идёт о кардинальной смене как направления развития публичной организации, так и форм социальной интеграции, которые не связаны с функционированием государственной власти и лишают её какого-либо значения в будущем. Соответственно, если государству отказывают в «исторической миссии», то формы социальной интеграции и политико-правовой коммуникации обосновываются в принципиально новых понятиях и категориях, не связанных с «национально-государственной методологией» (У. Бек).

Так, в неомарксистском политическом дискурсе в качестве новой формы социальной интеграции выступает «множество», которое «не противопоставляется Единству, но заново его определяет». Однако такое единство «не является больше Государством, а становится скорее языком, интеллектом, общими способностями, присущими человеческому роду»²⁵⁴. При этом множество рассматривается и как новая форма политической коммуникации, не отменяющая классы, но по иному их структурирующая; и как «индивидуация универсального, родового, разделяемого». Эта новая индивидуальная практика создаёт принципиально иные формы коллективной

²⁵³ Мамычев А.Ю. Электронное государство и сервисная концепция модернизации публично-властной деятельности: архитектура и перспективы развития // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 5. С. 82 – 86.

²⁵⁴ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2013. С. 17.

жизни и альтернативные социальные порядки, не связанные уже с государством.

Здесь индивидуальность трактуется в качестве *оригинальности* социальных субъектов, которая не может быть сведена к старым формам единства (национально-государственной идентичности, народу, нации, этносу и т.п.), а коллективное – как специфическая публичная активность личности по отношению к общему благу.

С точки зрения М. Хардта и А. Негри множество это одновременно и индивидуализация и подвижная самоорганизация в глобальное целое: «Общее является одновременно и естественным, и искусственным... Нет такой личности, которая не конструировалась бы во множестве. Нет коммуникации, которая не имела бы всеобщего характера... Активность таких личностей следует считать матрицей свободы и множественности для каждого из них. Тут демократия становится непосредственной целью, и ее нельзя, как раньше, оценивать в либеральных терминах – как предел равенства, или же в социалистических – как меру свободы. Отныне она должна стать *радикальным выражением как свободы, так и равенства* – без всяких ограничений (курсив наш – авт.)»²⁵⁵.

Неоанархизм также представляет социально-политический проект радикального переосмысления сущности государства, его значение и роли в будущем общественном устройстве. Доминантами современного анархизма является, как впрочем и в прошлом, антигосударственная ориентация (в основном базирующаяся на эволюционном снижении роли и значения государства как социально-политического института), а также антинационализм и десоверенность в развитии социальной организации. Здесь также обосновывается самоорганизация локальных сообществ и свобода в глобальные движения по формированию общемирового общества.

²⁵⁵ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 273, 420 – 421.

В свою очередь государственно-властная организация со временем должна эволюционировать в публичные институты, обслуживающие локальные сообщества (это интеллектуальная установка во многом схожа с сервисной концепцией государства). В подавляющем своём большинстве неоанархическая мысль представляет собой «теорию рассеивания государственной власти», предполагая искоренение властно-иерархических центров. Иначе говоря, обосновывается, что публичная власть должна быть «распылена» по свободным сообществам, которые не интегрируются ни в какие целостности. Несмотря на то, что последнее утверждение более или менее свойственно классической анархической мысли, принципиальное отличие новейших теорий заключается в постулировании постоянной изменчивости, присущей динамике этим свободным локальным сообществам.

Так, договорные свободные союзы довольно быстро выстраиваются по сетевому принципу, изменяются и разрушаются, образуя новые социальные связи и общности, т.е. по своей сути являются *нестабильными* и *непредсказуемыми*. Их развитие «идёт не в глубину или ввысь», они не выстраиваются во властно-иерархическую целостность и упорядоченность, а постоянно расширяются, изменяются и мутируют по горизонтали в виде ризоморфной (нелинейной), «клубневой организации» как у Делёза и Гваттари.

«Ризоморфность» (понятие введённое Делёзом и Гваттари для описания новых форм социальной организации) – это *новый принцип неоанархической публичной организации*, утверждающий принципиальную внеструктурность, нелинейность и горизонтальный принцип развития (расширения): «ризом развивается, варьируется, расширяется, захватывая, схватывается, внедряясь». Ризоморфный принцип развития предполагает постоянное «преобразовательное и субъективное измерение», противостоящее каким-либо семантическим центрам и «центрирующему единству кода» (например, юридико-политический порядок, поддерживаемый суверенным государством)²⁵⁶.

²⁵⁶ См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. М., 2007.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для понимания современного неонархического проекта «рассеивания публичной власти», поскольку сами сообщества мобильны и ризоморфны, то они не допускают (*не создают условий!*) для формирования властно-иерархических центров. Свободные сообщества постоянно изменяются, трансформируются и соответственно нелинейно развиваются публичные институты, обслуживающие эти динамичные процессы, интересы, установки и проч.

2. В свою очередь **космополитический проект** также ориентирован на качественную трансформацию публично-правовых форм организации власти и кардинальную смену принципов социальной интеграции. При этом космополитические формы аналогично обосновывают гибкость и подвижность властных структур, «сетевой методологии организации» публично-властного взаимодействия, которые должны прийти на смену «национально-суверенной методологии» познания и конструирования социальной организации.

При этом постоянно изменяющийся международный (планетарный) порядок уже не базируется на традиционных основаниях государственно-правовой целостности, поскольку в нем отрицаются «представления о естественных, замкнутых в себе целостностях, которые нельзя выбирать, которые уготованы (или не уготованы) тебе судьбой. Космополитический реализм отвергает также представление, будто укорененность в этнической или национальной целостности есть естественное и потому здоровое состояние человека в мире». Поэтому задачей политической и правовой наук является необходимость «проанализировать, в каком смысле государства (и понятие государства) лишаются своего ядра и как они заново определяются и трансформируются в своих значениях и функциях», в глобальном мировом порядке. Все эти процессы «превращают фрагментарное по национально-государственному принципу властное пространство в непризнающее границ пространство мировой внутренней политики»²⁵⁷.

²⁵⁷ Бек У. Указ. раб. С. 47, 88.

Однако следует отметить, что глобальные «адаптивные» структуры власти, постоянно изменяющиеся, переструктурирующиеся и адаптирующиеся к резко меняющимся условиям, возникающим конфликтам, рискам и т.п. весьма слабо проработаны в современной политико-правовой науке, отсутствуют и практические примеры их эффективного и подконтрольного функционирования. В большей степени моделирование таких новых структур социальной организации находятся на стадии теоретической проработки и практической адаптации в узких сферах общественной жизнедеятельности.

В целом можно высказать гипотезу о том, что «современная увлечённость» рисками, кризисами и конфликтами, а также технологиями управления нестабильными ситуациями, трактуемые как естественное состояние развития социальных систем формирует устойчивую установку на «упадок суверенных качеств государства», актуализацию альтернативных политико-правовых проектов организации. И в конечном итоге к формированию таких условий, при которых суверенное государственное-правовое обеспечение порядка и стабильного воспроизводства этнокультурного согласия будут вполне естественно трактоваться как нонсенс (т.е. как то, что не соответствует реальности, как важный, но пройденный этап социально-правовой организации, достойный памяти и важного места среди иных «музейных экспонатов»).

3. В рамках **прагматического проекта** обосновывается, что все политические явления и процессы в контексте социокультурной эволюции специфичны (уникальны) и действуют в контексте определённого пространства и времени. В связи с этим утверждается, что не существует абсолютно схожих, одинаковых трендов социокультурной трансформации государственной власти²⁵⁸. В этом плане можно лишь говорить о схожести в развитии тех или иных политических и правовых систем и режимов. Поэтому, с точки зрения

²⁵⁸ См. об этом подробнее: *Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю.* Государственная власть: парадигма, методология и типология (в двух частях). М., 2013.

исследователей данного направления политико-правового моделирования, глобализация качественно обогатит и усложнит роль государственной власти, её функциональную структуру, а институт государства вряд ли утратит как своё доминирующее положение в качестве центрального субъекта политической системы, так и ведущую роль в международном политическом процессе.

С точки зрения прагматической установки необходима разработка правовых конструкций и политических форм, адекватно описывающих современное функционирование институтов государственной власти и стратегию их развития в глобализирующемся мире, а также критериев и признаков, характеризующих «суверенные качества» государственной власти, уточняющих их реальность (или номинальность), фактичность (виртуальность) и т.д. Неслучайно в современных юридико-политических исследованиях все чаще начинает использоваться понятие «сила государственной власти», которое выражает потенциальную и реальную способность государственной власти самостоятельно и независимо определять цели и задачи развития национального социокультурного и политико-правового пространства, «диалогически» участвовать в международно-правовой политике и на равных выступать в качестве одного из «архитекторов» международной системы безопасности, ведущего субъекта глобальной политэкономической системы.

Евразийский политико-правовой проект обеспечения социальной интеграции и этнокультурного согласия

Исторически на евразийском пространстве доминировали стереотипы социальной целостности, когнитивные установки общности, психологические предрасположенности к доминированию духовно-нравственных нормативных систем.

В различных социально-культурных системах, развивающихся на евразийском пространстве, права человека и свобода индивида связывались не с индивидуализацией, а с гармонизирующей идеей солидарности и ценностно-

нормативной системой, ориентированной на общность и духовность. Здесь традиционно права и свободы имели не экономическое, юридическое, политическое измерения, а, напротив, духовное.

В евразийских доктринах и концепциях (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев и др.) аргументировалось, что свобода и право – это категории, прежде всего, духовные, тесно связанные с общностью, социальной целостностью, нравственной системой координат. Иначе, права и свободы индивида толковались в духовных связях: с общностью (не в отстранении, а именно в связанности, «правообязанности» - понятие введённое Н.Н. Алексеевым), с землёй (например, устойчивый евразийских архетип – Матери-Земли), общиной (например, соборное мироощущение, общинное измерение ценностей), с духом предков (устойчивая установка на традиционность, авторитет старого, легитимация через преемственность) и др.

Эти факторы, с точки зрения евразийской школы (да и не только её, например, с позиции цивилизационного – О. Шпенглер, антропологического – М. Мид, Н. Рулан, традиционализма – Р. Генон, Ю. Эвола и др. подходов, а также исторической – К. фон Савений, Г.Ф. Пухта и социологической Р. Пауд, Е. Эрлих, Ж. Гурвич школ права) в нормативно-правовой организации социального целого доминирующее значение имеют духовно-нравственные и социально-культурные регуляторы и ценности, а юридическое измерение прав и свобод играют роль вторичную, инструментальную.

Более того, такая установка характерна и многим другим теориям и концепциям. Например, В. Соловьёв обосновывал что право – это минимум нравственности, установленный государством; а права человека – это минимум нравственных и общественных императивов, обеспечиваемых государством. П.И. Новгородцев писал, что свобода и права человека, отрицающие начала общей духовно-нравственной связи, социальной солидарности и вытекающей из этого правовой организации, приводит, в конечном итоге, к самоуничтожению и разрушению основ государственно-правовой организации общества, к исчезновению общности как таковой.

Неслучайно, в евразийских и неоевразийских концепциях наличествует (осознанно – в рамках правового мышления или неосознанно – на уровне «предправовых» кодексов поведения, правокультурных архетипов) *условное* разделение на базовые (первичные) и инструментальные (вторичные) ценностные структуры. В этом аспекте базовые ценности и интересы личности (в отличие от индивида) формируются в ходе преемственной эволюции социальной общности, государственно-правовой и социокультурной организации, связаны с поддержанием единства и целостности, воспроизводства и защищённости. В свою очередь инструментальные ценности и интересы связаны с институциональным оформлением и поддержанием первичных (базовых).

Сегодня неоевразийство (обновлённая, современная евразийская концепция) основывается на патриотической, консервативной и традиционалистической социально-политической идеологии, которая исходит из «убеждённости в самобытности пути российской цивилизации, не имеющей аналогов ни на Западе, ни на Востоке. Эта самобытность берётся как высшая ценность, которую необходимо всячески укреплять и защищать»²⁵⁹.

Современная евразийская концепция формирует идею и принципы этнокультурного подхода к государству, власти, обществу, политике, праву и т.п., обосновывая типологическую уникальность публично-властных отношений и функционирующих политических институтов. При этом в качестве ведущих принципов развития властных отношений в национальном правовом пространстве евразийцы выделяют:

- *во-первых*, это возрождение роли и мессианского значения российского государства на евразийском пространстве;

- *во-вторых*, утверждение духовно-нравственных стандартов в основании цивилизации и культуры, в противовес утилитарным властным отношениям западноевропейской культуры, потребительским и индивидуалистским измерениям развития общественной системы;

²⁵⁹ Дугин А.Г. Проект «Евразия». М., 2004. С. 216.

- *в-третьих*, политическую организацию общества, которая должна основываться на справедливости, чести, нравственности в противовес коррупционности, политической стагнации и аномии, правовому нигилизму и идеализму, власти капитала и олигархии;

- *в-четвертых*, возрождение суверенности народов и национальной уникальности культур перед лицом глобализации, политической стандартизации и правовой унификации, культурной типизации и проч.;

- *в-пятых*, институционально-нормативную фиксацию в действующем законодательстве и политической практике нового принципа формирования элит, основанного на отборе людей по принципу личных достоинств, духовно-нравственных и профессиональных качеств, развитие деонтологических основ (нравственных, моральных и иных стандартов) правоприменительной, правоохранительной, судебной и иной политико-правовой деятельности;

- *в-шестых*, создание социального общества, формирование и реализацию социально ориентированной политики государства, обеспечивающей солидарность и взаимоподдержку, а также сохранение социально-политических институтов социалистического общества в различных сферах жизнедеятельности общества (в здравоохранении, образовании, жилищно-коммунальном хозяйстве, пенсионном обеспечении и проч.);

- *в-седьмых*, развитие системы патриотического образования и формирования духовно-нравственных стандартов личности, поскольку «евразийцы считают, то последовательные патриоты и настоящие полноценные граждане нашего Отечества²⁶⁰ должны исповедовать одну из традиционных

²⁶⁰ Полноценные граждане в евразийском правовом мышлении – это те, у которых сформировано правильное правосознание (содержание которого определяется в полном соответствии с концепцией правового сознания дореволюционного русского юриста И.А. Ильина), патриотическое отношение к национальной культуре и к ее феноменам (государству, праву, власти и т.п.), духовно-нравственные стандарты личности, солидаристское отношение к обществу, обладание развитым религиозно-политическим мышлением и т.д.

религий. Евразийское движение - движение традиционалистов, верующих людей или (по меньшей мере) тех, кто находится на пути к традиции»²⁶¹;

- *в-восьмых*, на место государства-нации (как феномена, порожденного западноевропейским правовым мышлением) должен прийти новому типу политической организации, сочетающий в себе объединение больших континентальных пространств (здесь очевидно развитие идеи Н.Я. Данилевского о формировании единого славянского суперсоюзного государства на евразийском пространстве) со сложной, многомерной системой национальных, культурных и хозяйственных автономий²⁶².

Таким образом, в прагматическом направлении обосновывается, что «априорная цель всякого объединения – единство, и этот принцип не нуждается ни в конституирующем акте договора, ни в механическом и внешнем принуждении, которые могут выступать в качестве актов вторичной формализации»²⁶³. Здесь, как видно, права человека и свободы, законные интересы и потребности, изначально не интерпретируются в качестве самодостаточных субстанций, поскольку они обусловлены правокультурной и этнополитической средой, аккумулируют, выражают и реализуют базовые ценности и доминанты (преемственно воспроизводимые через архетипические установки, социокультурные идеалы, устойчивые духовно-нравственные потребности и интересы личности, их групп, общества в целом).

Так, например евразиец Н.Н. Алексеев полагал, что государство и право, иные правовые феномены и процессы утверждают и реализуют, прежде всего, духовно-нравственные ценности, а именно утверждают «Правду» и справедливость, как необходимый нравственный идеал и критерий оценки наличной политико-правовой реальности. С его точки зрения «истинная» духовно-нравственная свобода и права личности «есть та область духовно-нравственной жизни человека, которая имеет дело с тем, что человек “свободно

²⁶¹ Дугин А.Г. Указ. раб. С. 248.

²⁶² См.: Там же. С. 174.

²⁶³ Исаев И.А. Указ. соч. С. 10.

может” и к чему он насильственно не принуждён»; а справедливым является то, что издаваемый нормативно-правовой акт содержит кроме юридической обязанности, также нравственное обязательство его исполнять: «является, так сказать, всенародно произнесённой клятвой». Поэтому, первичной правовой ценностью человека является, по его мысли, «первичность прав каждого и народа на определённый образ жизни»²⁶⁴.

Демократическая
политико-правовая
организация: вызовы
и проблемы развития
в XXI веке

В современном политико-правовом процессе происходят значительные трансформации, связанные как с изменением демократических принципов, так и практик демократического волеизъявления и публичного взаимодействия. В этом плане симптоматична книга «Постдемократия» известного английского исследователя Колина Крауча.

В своём нашумевшем исследовании он обосновывает, что современные формы демократии и принципы организации демократической политической системы подвергаются существенной трансформации. Общий характер этих изменений сводится к тому, что публично-властное пространство постепенно закрывается от массового влияния и участия, а сфера государственного управления значительно «элитототализируется», т.е. основные рычаги воздействия, механизмы перераспределения общественных благ, возможности влияния на принятие общественно значимых управленческих решений постепенно концентрируются вокруг определённой группы политико-экономической элиты.

В то же время он отмечает, что, конечно, «постдемократические общества и дальше будут сохранять все черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, свободные публичные дебаты, права человека,

²⁶⁴ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 604.

определённую прозрачность в деятельности государства». Однако «энергия и жизненная сила политики вернётся туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии, - к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся вокруг властных центров и стремящихся получить от них привилегии»²⁶⁵.

При этом английский исследователь, подчёркивает, что публичная политика и правительство, осуществляющее текущее управление всеми процессами общественной жизнедеятельности, все чаще и все больше оказываются под контролем привилегированных элит, тем не менее, не связывает эти процессы с ослаблением социально-политической активности личности, создаваемых ею институтов гражданского общества. Так, например, он отмечает, что «винить в болезнях демократии средства массовой информации и рост влияния политтехнологов - значит не замечать куда более глубоких процессов, которые разворачиваются на наших глазах»²⁶⁶.

К. Крауч полагает, что современная публичная политика имеет дело с «запутавшейся общественностью», а действующие формы взаимодействия общества и государственной власти формируют пассивную позицию населения в выработке собственной политической повестки дня, что, по его мнению, в известной степени ведёт к выходу «за рамки идеи народовластия» и формированию корпоративно-элитарной политики с преобладанием интересов властно-экономической элиты. Поэтому «чем больше государство уходит от обеспечения жизни простых людей, порождая у них апатичное отношение к политике, тем проще корпоративным интересам более или менее незаметно использовать его в качестве своей дойной коровы. Неспособность признать это служит отражением глубокой наивности неолиберальной мысли»²⁶⁷.

В этом аспекте автор призывает к пересмотру идейно-концептуальных основ организации демократического политического процесса и

²⁶⁵ Крауч. К. Постдемократия. М., 2010. С. 9.

²⁶⁶ Крауч. К. Постдемократия. С. 21.

²⁶⁷ Там же. С. 35.

государственного управления, к формированию относительно новых и более эффективных форм и методов взаимодействия общества и государства, которые учитывали бы как социокультурные среды реализации демократических принципов и процедур, так и глобальные тенденции развития.

Думается, в этом плане будет вполне уместным поставить вопрос о том, что такое демократия и как это понятие (идейно-концептуальный принцип) влияет на организацию современного социокультурного и политического процесса в России. Ответ на него равнозначен пониманию того, *что есть* настоящие политико-правовые и социально-духовные процессы, современность, которую мы переживаем в целом.

С нашей точки зрения, в настоящее время о демократии нельзя говорить как о конкретном понятии, поскольку сегодня оно стало предельно размытым и концептуально варьирующимся политическим феноменом, чьё содержание меняется в зависимости от политико-идеологических и узкокорпоративных интересов. В то же время в качестве политической практики «демократия» характеризуется сегодня «плавающими» рамками и требованиями, что особенно проявляется при сравнительно-правовом анализе различных государственно-правовых пространств современности, в развитии современного международного порядка. Итак, именно слово «демократия», перешагнув уровень уникальной цивилизационной модели государства, стало составляющей нового квазирелигиозного (светско-ориентированного) вероучения, претендующего на мировое доминирование.

Справедливости ради следует признать, что претензии на мировое господство этой новой «мессианской» доктрины вполне оправданны, т.к. действующая система демократических догматов, символов и ценностей позиционирует себя как универсальная, сглаживающая религиозные, социокультурные и институционально-правовые различия. Причём демократическая парадигма мышления «ставит себя» *над* традиционными формами и механизмами общественного единства и организации, представляя новый уровень, контекст существования государственно-правовых

пространств²⁶⁸. Вместе с тем альтернативной доктрины, имеющей социально-духовные, институциональные, материальные и иные ресурсные основания, на сегодняшний день нет! В современном научном и обыденном сознании нет альтернативы демократическому образу мысли. «Демократия» выступает в настоящее время в качестве матрицы познания и интерпретации действующих социальных, политических, правовых и иных событий и процессов, представляет единственно верную (по крайней мере серьёзно не оспариваемую) нормативно-ценностную систему.

Общеизвестно, что стереотипы, символы, образы и установки (преимущественно организующие наше мышление и понимание происходящего) играют существенную, а порой и решающую роль в эволюции социокультурной жизни народа и политико-правовой практики, развитии научных исследований, политической идеологии и проч. Неслучаен поэтому и дефицит современных исследований, критически анализирующих существующие «авторитетные» установки и образы, категории и понятия теории государственной власти. Сегодня под видом государствоведческих исследований в основном выходят статьи и монографии, посвящённые проблемам правового государства, его построения, реализации и т.п. Вряд ли теория государственной власти сводится исключительно к толкованию,

²⁶⁸ Например, известный исследователь У. Альтерматт заключает, что процессы глобальной демократизации открыли простор для новых форм социального единства, основанного на идеях равенства и свободы. В этом новом свободном мире-единстве «национально-государственное мышление и действия должны быть денационализированы». Автор убеждает, что в современном глобализирующемся мире формируется новая нормативно-институциональная форма общественной организации, освобождённая от традиционных национально-культурных пут – глобального гражданского общества. Именно формальный (т.е. основанный на формальной триаде равенства, свободы и справедливости) и глобальный характер гражданского общества представляет единственно возможный вариант обеспечения демократизма, стабильности и свободы в изменяющемся мире. При этом «современные демократические государства, – замечает автор, – могут существовать лишь в том случае, если они освобождают политическое гражданство от культурной и этнической идентичности». Объективные тенденции, по его мнению, требуют, чтобы гражданство стало исключительно абстрактно политическим феноменом, лишённым какого-либо культурного или этнонационального содержания: «Гомогенность национального государства должна основываться на политических, а не на этнокультурных факторах» / См.: *Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000.*

комментированию и интерпретации одного уникального (с цивилизационной точки зрения) проекта политической организации.

При этом чем больше выходит научных публикаций, посвящённых данному вопросу, тем более расплывчатым становится вопрос о сущностном различии таких категорий, как «демократия», «государство», «правовое государство», «государственная власть», «права человека» и проч.²⁶⁹ При анализе данных категорий их содержание выводится практически одно из другого, читателю неизвестность определяется через неизвестность, государство определяется через систему демократического правления, права и свободы, правовое государство в целом (другой модели государства, видимо, не существует) или наоборот и т.д.

Другой пример описания сути государственной власти сводится к форме её правовой организации, проблематике первичности (народность) и вторичности (представительский характер) субъектов публичной власти либо правовым способам её реализации. Существо государственной власти в этом свете совпадает с правовым инструментарием, который обеспечивает демократизм, реализацию прав и свобод. При этом механизмы публичных органов власти (т.е. институтов государственной, региональной и муниципальной власти) весьма часто совпадают с самим правовым регулированием («власть есть специальный вид права» – Ф.Ф. Кокошкин), а государственная власть вообще понимается как средство для достижения, реализации, прежде всего, правовых целей.

В этой связи мы имеем, как это ни странно, весьма существенный разрыв, а порой и противоречие между концептуальным полем понятия «власть» (сформированным целым корпусом гуманитарных наук) и теориями государственной власти (построенными, по мнению С.А. Котляревского, на «искусственной стилизации»).

²⁶⁹ Если человек не может что-то различить, например, не видит различие между ведром воды и помещённым в него куском стекла, то для него и не существуют этого явления, он не может его помыслить/различить.

В последнее время в понятие «государственная власть» более или менее удачно вкладывают систему признаков демократического политического режима, т.е. сводя первую к одной из форм её реализации. При этом блестяще доказывается, что в тоталитаризме и авторитаризме власти как таковой не существует (поскольку государственная власть основана на юридических формах и свободе), а функционирует принуждение, насилие, которые не имеют общего «с существом государственной власти, учреждённой демократически и реализуемой в публично-правовых формах».

Существует определённая сдержанность, а нередко и исследовательская боязнь в социокультурном, ментальном, этнополитическом и антропологическом анализе государственных феноменов, реконструкции тенденций и закономерностей цивилизационного развития политических, правовых, экономических, духовных институтов и структур²⁷⁰.

Согласимся с Е.А. Лукашевой, утверждающей, что хотя российская цивилизация - относительно молодое социокультурное образование, и её цивилизационные модели, институты и структуры ещё находятся в стадии развития, формирования, однако «у неё сформировались свои принципы социального устройства, взаимодействия людей, отношения человека к власти». Поэтому российскую цивилизацию и её социокультурные феномены – политико-правовые, социально-экономические, духовно-нравственные – необходимо исследовать, – настаивает член-корреспондент РАН, – как *«самобытное социокультурное образование, в основе которого лежат свои принципы и устои»*. Они, как и у других цивилизаций, не остаются неизменными на различных этапах исторического развития, а трансформируются, преобразуются в соответствии с новыми процессами национального и мирового развития. Некоторые отмирают по мере неизбежного движения общества по пути прогресса, возможно появление новых устоев и стержневых опор, но они

²⁷⁰ Слишком уж схожи исторические параллели и аналогии, тенденции в развитии властно-правовой деятельности, которые зачастую высвечивают непопулярные, но устойчивые типы и формы национальной мыследеятельности, преемственно воспроизводящиеся модели публично-властного взаимодействия в системе личность – общество – государство.

включаются в общую систему соционормативной цивилизационной системы, взаимодействуют со всеми компонентами и создают особый сплав, сохраняющий своеобразие системы. Любая цивилизация обладает устойчивыми компонентами, скрепляющими характер общественного взаимодействия, определяющими её «стиль»»²⁷¹.

Сегодня можно констатировать, что апеллирование к социокультурным основам политического процесса, к пониманию динамики государственной власти, в частности, при обосновании той или иной научной гипотезы, вызывает (как это ни странно) негативную реакцию со стороны научного сообщества. Подобные исследования маркируются как научная деятельность, сбившаяся с «магистрального пути» развития современного гуманитарного дискурса. Например, о действующих институтах власти (Президента РФ, Федерального собрания, правительства, судов) не пишет только ленивый. Однако описание данных институтов ограничивается формально-нормативистской трактовкой, редко анализом причин адекватности их функционирования нормативной модели, закреплённой на конституционно-правовом уровне. Рассмотрение публичных институтов власти в качестве национально-культурных феноменов, трансформаций и преемственности в их функционировании, возникающих проблем и противоречий при национальной адаптации абстрактных ценностно-нормативных и институциональных моделей – не популярно. Не говоря уже о формировании соответствующего теоретико-методологического и социолого-методического обоснования подобных исследовательских проектов.

Таким образом, все мы увлечены перспективами демократии и правового государства, не понимая чётко (или понимая каждый по-своему), что это такое. Скорее всего, *здесь важно не содержание этих крайне актуальных «понятий», а вера в них*. Впрочем, то, что демократия основана на рациональной вере в неё, мысль не новая. О том, что демократические формы не в состоянии достичь

²⁷¹ Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. М., 2011. С. 309, 311.

взятых на себя «обязательств» (прямое правление народа, учёт общественных интересов и потребностей в парламентаризме, обеспечение наиболее полной свободы и социальной справедливости и т.д.), что демократия представляет собой рационализированную (квазирелигиозную) веру в недостижимые идеалы индивидуальной свободы, за которую ей прощают все (А. де Токвиль), или что она есть великая ложь современности (К.П. Победоносцев), или массовая политическая иллюзия (Ж. Эллюль), или новая форма деспотизма (Ж. де Местр, Э. Берк), или безликая и анонимная форма дисциплинирования и муштры социального и индивидуального тела и души (М. Фуко), писалось достаточно много.

Однако сегодня эта традиция критического анализа демократических форм политической организации, рассмотрения их достоинств и недостатков, проектирования и моделирования современных, смешанных типов и форм государства постепенно сходит со страниц научных изданий, публичных лекций, политического лексикона и проч.

Причём глобальное демократическое развитие возобновляет, правда в новых формах и формулах, средневековую риторику: об истинности знания («демократическая истина» становится новой формой политического деспотизма – все, что выходит за пределы демократической модели западного образца, объявляется неразумным, иррациональным); о праведности государственного обустройства (институционально-нормативном оформлении «рая» на Земле); сакральности определённых символов, образов, трактуемых как изначальные, общечеловеческие; о неизменном установленном порядке правового устройства; о священности гуманитарных интервенций и проч.

К слову, именно средневековый западноевропейский пафос мессианства и универсализма породил целый ряд современных явлений и феноменов. Например, понятия «священная война», «джихад», формы военных и гуманитарных интервенций, логика обоснования которых преемственно воспроизводится в современной глобальной демократизации. По справедливому заключению В.Д. Соловья, «на самом деле мы наблюдаем

классический пример регрессии к формам социального господства, которые казались исторически изжитыми»²⁷².

Современная доктрина демократии и концепция прав человека отправили в хранилище истории и традиционные формы толерантности и социально-культурного плюрализма. Так, толерантность и этнокультурные различия в государственном развитии стали не только не востребованными в глобальном демократическом дискурсе, но и в целом замещаются «демократической нетерпимостью» (к иным, недемократическим – традиционным формам государственного строительства) и культурной неприязнью к тем цивилизационным пространствам, которые «идут не по столбовой дорожке современности» (К.Райз)²⁷³.

Принцип плюрализма культурных форм и идентичностей, а также процессы «национализации» публично-правовых институтов очевиднейшим образом противоречат современным основополагающим признакам демократии

²⁷² Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008. С. 451.

²⁷³ После окончания холодной войны «слабые государства», или, как ещё их называют, государства-«неудачники», превратились в важнейшую проблему международного порядка. По отношению к этим государствам «неудачникам» понятие «суверенитет» по утверждению Ф. Фукуямы, «становится фикцией или скверной шуткой», поскольку слабые институциональные структуры управления и демократическая некомпетентность этих государств подрывают их суверенность. «Это происходит потому, что проблемы, которые слабые государства создают для себя и других, увеличивают вероятность того, что ещё какая-нибудь из стран международной системы захочет вмешаться во внутренние дела этих слабых государств против их желания». При этом доказывается, что легитимность государства и внутригосударственных институтов и структур, проводимой ими политики не может автоматически гарантироваться без признания высшей силы (наднациональных интересов). Следуя этой логике, Фукуяма обосновывает, что с 90-х годов, достаточно отчётливо проявляются процессы становления международной имперской власти, которая распространяет свои «постколониальные» интересы на всю «слаборазвитую» часть мира. Главной проблемой в этом ракурсе для всего мирового сообщества, и прежде всего США и Европы, становится формирование действенных механизмов постколониального управления слаборазвитыми и недемократичными пространствами, включение их в систему взаимодействия развитых стран в качестве подконтрольных территорий. И в этом плане становится «не совсем ясно, существует ли альтернатива квазиперманентным и квазиколониальным отношениям между “вассальной” страной, получающей помощь, и международным сообществом. В некотором смысле, – заключает Фукуяма, международное сообщество восстанавливает прежнюю мандатную систему Лиги Наций того периода, когда определённые колониальные власти получали привилегии управлять некоей территорией в своих интересах» / Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2007.

(равенства прав, приоритета суверенности личности, свободы и т.п.), поскольку национальное, этническое, локальное и групповое становятся приоритетней по отношению к индивиду, блокируют формирование схожих индивидуальностей, препятствуют формированию глобального гражданского общества.

Более того, в ряде исследований доказывалось, что универсалистские ценности, сформированные в эпоху Просвещения, являются сегодня единственным способом обеспечения устойчивого развития общества и цивилизации. При этом само собой разумеющимся и не подлежащим критике считается, что понимание сущности, содержания и социального значения этих ценностей имеет одинаковое прочтение во всех этнокультурных пространствах. На этих «исследовательских фикциях» обосновывается, что только данные ценности способны обеспечить единство общественного развития, стабильность международного порядка, заместив конфликтогенные и, по своей сути, иррациональные общественные нормативно-ценностные скрепы, такие как традиции, обычаи, религия, этнос, нация и т.п., которые в современном мире не обеспечивают сплочённость и социальное доверие.

Отсюда, например, и стремление связать такой феномен, как правовой нигилизм, с незападной формой политического и правового мышления, что обосновывается, как верно отмечает И.Д. Неважжай, «подспудным социокультурным несоответствием между требованиями, предъявляемыми актуальной правовой культурой, и архетипическими в своей основе представлениями о праве и правовом. Из этого противостояния вытекает общее негативное отношение к чуждому правопониманию и чуждой модели права в культуре»²⁷⁴.

С точки зрения М. Фуко, которого Дж. Коэн и Э. Арато называют великим критиком демократии и гражданского общества после Маркса²⁷⁵, практика правления, сформированная в демократических сообществах,

²⁷⁴ Неважжай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. № 2. С. 27.

²⁷⁵ Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003.

изначально направлена не просто на то, чтобы гарантировать некие предварительно признанные, данные априорно свободы, но на то, чтобы потреблять свободу и, следовательно, её производить, а также организовывать. Причём это такая политическая организация, при которой можно быть свободным, однако эта свобода «означает, что *il mondo va da se* вырисовывается игра интересов, которая мобилизует стратегии безопасности, предназначенные для отражения внутренних опасностей, связанных с производством свободы. Отсюда – закрепление тех или иных форм принуждения, контроля, механизмов надзора, которые вырабатываются в дисциплинарных техниках, тотально инвестирующих поведение индивидов»²⁷⁶.

Становление демократической установки политического мышления начинается с эпохи Просвещения. В различных политических и правовых учениях и доктринах под воздействием секуляризации и натурфилософских представлений о развитии социальной организации формируется либеральный тип политической рациональности, постулирующий универсализм политико-правовых принципов и аксиом. Развивающиеся различные типы, модели, формы политической организации и идеологии, отношения к власти, ее трактовке, политике, государственному устройству и проч. – естественно-правовой, позитивистский, формационный, в различных логико-методологических схемах продолжают и поддерживают этот универсализм.

С этого момента правовые и политические формы (либеральной демократии), нормативно-правовые процедуры регламентирования общественных/властных отношений (например, избирательные процедуры), фундаментальные экономические механизмы (рыночной экономики), которые некогда были чистыми западноевропейскими феноменами, начинают интерпретироваться в качестве универсальных, трактуются как изначальные аксиомы человеческого развития.

²⁷⁶ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975 – 1976 учебном году. СПб., 2005. С. 274.

Основной программой правовых и политических учений становится объяснение и оправдание универсальных человеческих законов, связанных с прогрессом правового государства и гражданского общества. То же можно смело отнести и к развитию социалистических и анархических учений XIX века, представляющих универсальные программы социальной организации. При этом Просвещение отодвинуло духовно-нравственную проблематику общественной организации и социального единства от правотворческого процесса и государственного строительства. Общественное структурирование и нормирование перестало быть гармоничным и целостным, поскольку переформатировалось исключительно на формальные рамки и абстрактные нормы, предельно юридизировав и политизировав социальное взаимодействие.

Для доминирующего стиля демократического политико-правового мышления главным становится не внутреннее содержание жизнедеятельности человека и общества, а его формальная структурированность и господство идеократических факторов (идей формального равенства, свободы, справедливости и проч. Здесь «форма правления и парламентское устройство представляют значительно больший интерес, чем общественное, религиозное или моральное состояние общества». Здесь «чужд какой-либо органический взгляд на политическую природу вещей; не ощущая их генезиса и качественной самобытности, он уверен (либерально-демократический стиль мышления – *авт.*) во взаимозаменяемости и рациональной конструктивности многих политических институтов и структур, в его представлении они не “вырастают” (исторически – *авт.*), но создаются (формально, искусственно – *авт.*)»²⁷⁷ – отмечает по этому поводу И.А. Исаев.

С другой стороны, Просвещение формирует установку на квазирелигиозную веру в абсолют человеческого разума, его способности и возможности рационального конструирования гармонического единства, счастья, вечного порядка и т.п. Так, в традиционной мировоззренческой

²⁷⁷ Исаев И.А. Господство: очерки политической философии. М., 2008. С. 183.

системе человек воспринимался как «антиномичный субъект», сочетающий греховную природу и стремление к истине и добру (при этом основная проблематика сводилась к свободному выбору индивидуальной воли между добром и злом). Поэтому его совершенство рассматривалось как в плоскости духовного, так и внешнего – формально-нормативного. В рамках демократической дихотомии проявляется другой ряд смысловых оппозиций – рационального и иррационального, а внутреннее, духовно-нравственное содержание «отодвигается» за пределы публичной организации и социального взаимодействия.

В этом контексте становится очевидным и то, что современный демократический стиль мышления исходит из рискогенной и нестабильной социальной среды, которая стабилизируется не гармоничным взаимодействием духовно-нравственных, идеократических и иных ценностно-нормативных систем, а формально-организованным и абстрактным началом во властно-правовом взаимодействии. В этом аспекте очевидна и логична актуализация проблематики риска и нестабильности в развитии современных демократических систем, поиска адекватной формально-нормативной и институционально-управленческой (бюрократической) «прививки» в постоянно меняющемся мире. Отсюда вполне понятны современные «футурологические догматы мышления», развиваемые в социологических и политологических исследованиях, в контексте которых утверждается, что общественные системы и политические режимы должны «научиться жить» без каких-либо устойчивых ориентиров, культурных доминант и ценностей, национальных идентичностей, долгоживущих факторов порядка, общепризнанных авторитетов и проч.

Ясно одно, что в настоящее время происходит разработка правовых конструкций и политических форм, адекватно описывающих современное функционирование институтов государственной власти и перспективы их развития в космополитическом мире, критериев и характеристик, типологизирующих «суверенные качества» государства, уточняющих их реальность (или номинальность), фактичность (виртуальность) и т.д. Так,

например, концепт «сила государства» в современных условиях явно или неявно выражает потенциальную и реальную способность государственной власти самостоятельно и независимо определять цели и задачи развития национального политико-правового пространства, «диалогически» участвовать в международно-правовой политике и на равных выступать в качестве одного из «архитекторов» международной системы безопасности, ведущего субъекта глобальной политэкономической системы. В то же время, как это обосновывалось выше, доминирование этой тенденции в трансформации институтов государственной власти обуславливает развитие негативных политических процессов, связанных с отходом от первичности демократических прав и свобод к доминированию «*постдемократической концепции безопасности*», основанной на силовых характеристиках функционирования глобальных политических субъектов²⁷⁸.

Однако с нашей точки зрения, лишь суверенное качество государственной власти обеспечивает сохранение относительной стабильности и демократичности в международно-политической коммуникации, «даёт формально юридически одинаковую, равную возможность всем государствам БЫТЬ в нынешнем мире», - справедливо отмечает В. Зорькин. В то же время эта качественная характеристика может быть развита по-разному: «Как сами государства фактически реализуют этот принцип на практике – это вопрос практической политики. Политического искусства... Де-факто сейчас уровень суверенности Соединённых Штатов и других стран, в том числе и России,

²⁷⁸ Так, Данило Дзоло характеризует этот проект формирования «постдемократической концепции безопасности», как переход от политико-правовой модели «социального государства к карательному». Другими словами, «происходит переход от положительного понимания безопасности к отрицательному. Это понятие все меньше отождествляется с идеями социальной принадлежности, солидарности, взаимопомощи, демократического признания суверенности личности и ее участия в общественной жизни; в противовес ему утверждается постдемократическая концепция безопасности как прямой защиты индивидов от возможных актов агрессии и как полицейских репрессий с целью сурового наказания нарушений... объявлена война всякой нестандартности в поведении, даже малейшей, проявляемой маргинальными субъектами – «чужими», которые не хотят следовать господствующим образцам социального конформизма, и потому на них возлагают всю ответственность за беспорядки и отсутствие безопасности» / Дзоло Д. Постдемократия и сложность: реалистический подход. М., 2010. С. 14 – 15.

видимо, разный. Но если мы будем отрицать государственный суверенитет как меру должного, как юридический принцип современного миропорядка, тогда судьбу России (как, впрочем, и многих других стран, не входящих в “золотой миллиард” – *авт.*) будут решать не в ней самой, а извне»²⁷⁹.

Справедливо в этом контексте отмечает политический аналитик Майкл Уолцер: «Признание суверенитета – это единственный способ создать арену, на которой можно бороться за свободу... Именно эту арену и те действия, которые разворачиваются на ней, на и хочется защитить; и мы защищаем их так же, как мы защищаем индивидуальную целостность, прочерчивая границы, которые нельзя пересекать, закрепляя права, которые нельзя нарушать. Как в случае с индивидами, так и в случае с суверенными государствами есть определённые вещи, которых с ними делать нельзя, пусть даже и во благо им»²⁸⁰.

²⁷⁹ PRO суверенную демократию: сборник. М., 2007. С. 287.

²⁸⁰ Walzer M. Just and Unjust Wars. NY: Basic Books. 1977. P. 89.

ГЛАВА 6.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ

Социокультурные основы российской государственно-правовой организации как фактор устойчивости и стабильности общества. Российская правовая государственность и этнокультурная целостность. Отечественные традиции и политико-правовые формы обеспечения социокультурной целостности и государственного единства. Ключевые ориентиры эволюции российского правового государства и этнокультурного развития в XXI веке.

Социокультурные основания государственно-правовой организации как фактор устойчивости и стабильности общества

Современная интеллектуальная и практическая борьба за «цивилизационный прорыв» национальной правовой и политической систем, их приобщение к западноевропейской традиции и, в конечном итоге, выход на «столбовую дорогу развития человечества» активизирует устойчивые негативные «комплексы» в национальном государственно-правовом мышлении.

В рамках последних все отечественные социокультурные *традиции* маркируется однозначно негативно, а их созидательный потенциал и самостоятельность ставится под сомнение²⁸¹. Ряд авторов не перестают писать о том, что самостоятельное государственно-правовое развитие российского общества, без «внешних» социокультурных идеалов и моделей (прежде всего, западноевропейских), сам по себе тупиковый вектор движения, а конечная «станция прибытия» – цивилизационный авторитаризм²⁸².

Другие авторы указывают на «виртуальный» или «имитационный» характер правового развития российской государственной власти, утверждая, что, например, российский конституционализм – это «большая публичная иллюзия», что правовое государство – это своего рода симулякр (виртуальный образ без реального соержания), что развитое правовое сознание и юридическая культура современной России – это фикция, а режим законности – это «юридически воображаемое» и проч.²⁸³

Такая устойчивая негативная тенденция/установка анализа российской государственно-правовой системы нивелирует любую человеческую

²⁸¹ Важно, что такой «гностический компонент может войти в цивилизационный синтез и превратиться в *стратегический фактор воспроизводства ущербности бытия как органической части устойчивого универсума*» (выделено – авт.)» (Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М., 2011. С. 40 – 41).

²⁸² См., например: Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурны аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004.

²⁸³ Об этом: Пастухов В.Б. У конституционной черты... Вызовы и ответы российского конституционализма // Полис.2013. № 1.

активность, социальную энергетику в целом, подавляет национальную волю и т.п. При этом чувство ущербности и безысходности оставляет лишь одну перспективу – энергично идти за развитыми (в правовом и политическом плане) цивилизациями, воссоздавать и проникаться их государственно-правовыми традициями, теряя своё лицо и самостоятельность.

Представляется, что необходим иной мировоззренческий подход к пониманию и исследованию как эволюции российской правовой и политической систем, так и перспектив их трансформации в соответствии с вызовами времени. Исследовательскую *стратегию*, направленную на познание самостоятельности и целостности национальной политико-правовой организации общества (в единстве её временного и пространственного развития) можно обозначить как *социокультурную*. Термин «социокультурный» используется в данном случае в узком смысле, а именно в качестве элемента общей системы – этнокультурной целостности, связанного с формированием юридической и политической мыслидеятельности и стиля публично-правового взаимодействия в системе «личность-общество - право-государство».

В этом плане социокультурные исследование выступает конкретизацией цивилизационного подхода к праву, государству, власти. Другим словами все элементы системы – личность, общество, государство и взаимосвязи между ними рассматриваются и анализируются в качестве феноменов, сформированных и действующих в определённой цивилизации. В данном случае в российском цивилизационном пространстве. Поэтому данный подход направлен на социокультурное понимание права, государства, власти, общества, личности и различных государственно-правовых процессов, становящихся, развивающихся и преемственно воспроизводящихся в определённой этнокультурной целостности.

Такой социокультурный подход к государственно-правовой организации позволяет: *с одной стороны*, анализировать эволюции отечественной правовой и политической систем в качестве целостных социокультурных (цивилизационных по типу и форме) феноменов, несмотря на различные

повороты (случайности, эволюционные скачки и т.п.) в её развитии²⁸⁴; с другой – нивелировать (или по крайней мере свести к минимуму) «исследовательские издержки», возникающие при реализации цивилизационной стратегии познания права и государства.

Последнее, как правило, связано с двумя обстоятельствами.

Во-первых, ряд аналитиков напрямую (осознано) или косвенно сводят цивилизационный подход к государству, праву, политике к идентификации критериев и качественных характеристик цивилизованности самих политической и правовой систем. В этом контексте государственно-правовые пространства, отбрасывая все нюансы в интерпретации, дифференцируются на цивилизованные (современные, развитые и т.д.) и не цивилизованные (отсталые, традиционные, слабо развитые). При этом основное описание последних сводятся к выделению центральных, продвинутых правовых цивилизаций, выступающих образцом, идеалом современности и тех пространств, которые только лишь «вступили на дорогу цивилизованного развития».

Очевидно, что здесь принципиальными выступают проблематики модернизации политической и правовой систем по образцу ведущих западноевропейских государственно-правовых пространств. И как следствие процесс реконструкции специфических (социокультурных) характеристик права и государственно-правового процесса, выделение правовых традиций, ценностей, символов и образов анализируются с точки зрения препятствий, преград и проч. на пути «цивилизационного совершенства».

Однако в этом направлении достаточно редко возникает вопрос о пределах модернизации с точки зрения сохранения и воспроизводства социокультурной целостности общества, поскольку различные правовые и политические «инъекции», «прививки», «новеллы» и т.п. могут в конечном

²⁸⁴ См., например, об этом: *Синюков В.Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М., 2010.

итоги ослабить иммунитет живого организма и разрушить единство политико-правовой жизни конкретного общества.

Во-вторых, это технократическая трактовка цивилизационной уникальности, направленная на выделение организационно-правовых, институциональных и практических (разнообразные публично-правовые практики взаимодействия в системе «личность – общество – право – государство») элементов правой и политической жизни общества, без должного внимания к тому, что является содержанием этой уникальности.

Справедливо в этом плане отмечает В.В. Аверьянов, который считает, что «цивилизация без традиции предстаёт как инфраструктурная машина с отлаженной системой управления, но без управляющего ею (на что, собственно, и указывает немецкое направление критики феномена “цивилизация”). В соединении традиции и цивилизации в единый комплекс есть схватывание сущности реальных социальных систем. В этой категории подчёркивается («традиция-цивилизация» или «традиция-система» - авт.) историко-типологическое единство традиций и комплекса всех (традиционных и нетрадиционных) явлений, из которых складывается дочерняя по отношению к ней цивилизация»²⁸⁵. Перефразируя исследователя, заметим, что действующая традиционная социокультурная система координат выступает не специфическим способом развития отечественной политической и правовой систем, национальной юридико-политической культуры, а сущностной их основой, которая по-своему специфично развивается.

Следовательно, «социокультурная ось» выступает как *содержание*, а правовая и политическая системы (как цивилизационные феномены) являются *формой* политико-правовой жизни общества, т.е. первое рассматривается как сущностная, качественная характеристика государственно-правовой организации, а второе анализируется как внешнее, специфическое – конкретно-историческое, системное, организационно-правовое и проч. – оформление

²⁸⁵ Аверьянов В.В. Традиция и динамический консерватизм. М., 2012. С. 103 – 104.

социокультурного содержания. При этом насколько это оформление адекватно или неадекватно является проблематикой уже ценностно-инструментальной, т.е. доминирующие конкретно-исторические ценности и правовые представления, юридические институты и учреждения направлены на воспроизводство социокультурной целостности общества, единства общественной системы и стабильности её эволюционного развития, поддержания устойчивости и гармоничности всей системы социально-нормативного регулирования.

В этом плане любой институт (правовой, политический, религиозный), действующий в том или иной социокультурном пространстве не может быть свободен от той среды, в которой он функционирует и реализует ту или иную общественно значимую функцию. В противном случае, например, если какой-либо институт устанавливает правило поведения, идущее вразрез с национальной правовой и политической мыслью, то он утрачивает не только свою эффективность, но социальную легитимность (или пользуясь формулировкой Е.Н. Трубецкого – теряет «авторитет общественной среды»).

Таким образом, социокультурный срез трансформации государственно-правовой организации общества, в процессе которой взаимодействуют как модернизационные (инновационные, инокультурные и т.п.), так и консервативно-правовые (традиционные, обычно-правовые и т.п.) элементы, обеспечивает гармоничное и стабильное развитие всей системы социально-нормативного регулирования, где включение в социокультурную традицию различных элементов и комплексов, сформированных в иной цивилизационной среде, призвано усилить и укрепить качество и целостность национальной политико-правовой жизни общества.

Российская
правовая
государственность
и этнокультурная
целостность

В свете изложенного при обсуждении вопросов о формировании отечественной системы государственной власти, эффективности политических и правовых институтов, очевидно, следует остановиться также на проблеме становления правового государства в России и проблемах обеспечения этнокультурной целостности российского общества. Эти две темы связаны и взаимообуславливают друг друга.

При рассмотрении этих вопросов речь, как видится, должна идти не о скорейшем (или постепенном) конструировании либерально-демократических институтов, развитии частной собственности, экономического благосостояния и независимости субъектов гражданского общества, а, напротив, о *создании правовой государственности*. Очевидно, что понятие «государственность» значительно шире и содержательней. Данное понятие отражает типологическое своеобразие и духовно-культурную особенность, прежде всего, таких социальных феноменов как государство, власть и право, созданных и органично развивающихся в рамках известного общества, его социокультурного уклада.

Следовательно, конкретное государство оформляется и развивается именно на социокультурном фундаменте, представляя свой особый, хотя, может быть, *типологически и сходный* с другими национально-цивилизационными пространствами вид государства по форме и, что более важно, по содержанию.

Иначе говоря, как бы ни старались реформаторы разного толка сконструировать на отечественном социокультурном фундаменте стройный «западноевропейский дворец» (как центр политической и правовой жизни российского общества), он все равно не сможет обрести ни стабильности (устойчивости), ни социально-правовой и политической ценности для отечественного самосознания.

Провозглашённая в ст. 1, п.1. Конституции РФ модель государственного устройства, а именно: демократическое федеральное правовое государство, не раскрывает смысл и содержание самой правовой государственности, а

характеризует, скорее, систему демократического политического устройства. Причём в дальнейших положениях Конституции совершенно чётко прослеживается логическое построение западноевропейской системы демократии (глава I Конституции).

Практически во всех комментариях официального и неофициального характера при раскрытии сущности правового государства отражено именно формирование системы государственной власти, отвечающей стандартам либерально-демократической модели. Важно в этом случае то, что осознанно или неосознанно в качестве идеала, образца берётся именно специфическая модель государственного устройства и организации властных отношений западных стран.

Приведём вполне справедливые суждения известного политолога В.Б. Пастухова: «Проблема состоит в том, что конституционализм – это своего рода социальный “чёрный айсберг”, возвышающийся над поверхностью океана западной культуры. Его *видимая часть* представлена набором демократических институтов, *кажущихся* вполне самостоятельными и легкоусвояемыми. Возникает соблазн “отбуксировать” эту демократическую систему в сопредельные цивилизационные океаны и моря, однако кроме видимой части, есть ещё и *невидимая* подводная часть, глубоко погруженная в уникальную историю Запада. Об эту подводную часть и *разбиваются* все попытки привить конституционализм в чуждой для него культурной среде (курсив наш – *авт.*)»²⁸⁶.

К сожалению, эта демократическая система и уникальная, исторически сложившаяся практика властного взаимодействия между обществом и государством принимают универалистский характер. Оказывается, что практически не может существовать иная модель правового государства, которая не воспроизводила бы западноевропейскую логику формирования и функционирования политической организации и технологий обеспечения

²⁸⁶ Пастухов В.Б. Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию. М., 2012. С. 431.

социокультурной целостности. Получается, что если категории «правовое государство» и «либерально-демократическая система власти» (или просто «демократия») являются тождественными понятиями, равнозначным по смыслу, тогда будет и понятие «правовая государственность». Однако в такие категории, как «правовая государственность», «правовое государство», «правовое устройство» и «демократическая система», не тождественные, хотя они и имеют много общего, являются близкими и взаимосвязанными по содержанию.

«*Правовая государственность*» формируются под воздействием целого комплекса факторов, отражающих социально-экономические, этнополитические, духовно-нравственные, социокультурные условия, на основе которых складываются практики публично-властного взаимодействия субъектов, формируется политическая и правовая системы, государственно-правовая организация и политический порядок в целом.

Правовая государственность, таким образом, определяет (кроме всего прочего) главное – особый *тип* политического и правового мышления, аксиомы правового и политического сознания граждан, цивилизационную модель (национально-культурный тип) правового государства, в конечном итоге отражает национальную уникальность политического и правового бытия общества. Здесь можно вспомнить слова И.А. Ильина, который писал, что «государство совсем не есть “система внешнего порядка”, осуществляющаяся через внешние поступки людей... На самом деле государство творится *внутренне, душевно и духовно*; и государственная жизнь только отражается во внешних поступках людей, а совершается и протекает в их душе»²⁸⁷.

На основе вышесказанного можно утверждать, что «*правовое государство*» формирует основополагающую идею (идейно-концептуальную доктрину) и принципы (политической, экономической, правовой, социально-духовной и т.п.) организации государства в рамках конкретных культурно-исторических условий. Формирование идеи и принципов правового

²⁸⁷ Ильин И.А. Путь духовного обновления. М., 2003. 290 – 291.

государства обусловлено спецификой исторической эпохи, уровнем развития науки, образования, культуры, политическими обычаями и традициями общества, его нравственно-духовным потенциалом, уровнем политико-правового сознания и культуры, господствующими религиозными и идеологическими взглядами и т.п.

Тем не менее идея самого правового государства, как это обосновывал ещё известный немецкий философ И. Кант, заключается в том, что все в государстве подчинено праву (определённое политико-правовое состояние, при котором каждый гражданин может свободно пользоваться своими законными правами, реализовывать свободно свои законные интересы), т.е. право господствует над всем, в том числе и над государственной властью.

Однако все дело в том, что мы понимаем под правом. Если мы рассматриваем право как совокупность законов и иных нормативно-правовых актов, то это позитивное право, лишённое духовных и нравственных оснований, являющееся исключительно властным и политически ангажированным явлением. В этом случае идея правового государства станет миражом, как отмечает Е.Б. Пашуканис, она заслонит от народных масс факт господства класса, слоя, корпоративных, партийных интересов²⁸⁸. В западноевропейской политико-правовой мысли, где сформировалась идея правового государства, право рассматривается как существовавшая ещё до формально установленного закона естественно-правовая ценность.

В отечественной политико-правовой традиции подобную категорию заменяет понятие «правды». Правда, так же как и естественное право, не совпадает и не исчерпывает себя государственно установленными социально-политическими, экономическими нормами, не выражается взаимными выгодами. «Как и естественное право в конституционной традиции, – пишет по этому поводу К.В. Арановский, – так и правда в российской культуре составляет ценность. Как и правда, естественное (должное, вечное,

²⁸⁸ См.: Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. М., 1927. С. 93.

справедливое, разумное) право, а также естественные (неотъемлемые и неотчуждаемые) права стоят выше закона и других правовых форм»²⁸⁹.

Однако, продолжает, «у правды шире область влияния. Она направляет или расстраивает условности, как в праве, так и в нравственности, не противопоставляя их и даже не стирая границы между нравственным и правовым. Естественное право, напротив, как бы широко его ни понимали, все же смещено к юридической стороне жизни»²⁹⁰.

Кроме того, естественное право доступно рациональному оформлению и разумному, казуальному объяснению, в свою очередь, в правде превалирует не личностное содержание, а межличностное (соборное), оно более интуитивное и психическое, в силу этого не поддается полному рациональному постижению. «Обо всяком официальном акте, так или иначе затрагивающем интересы человека, россиянин имел и имеет собственное мнение, обладая даром различать правоту и законность»²⁹¹.

«Правовое устройство», это уже политическая и правовая система действующих властных институтов и отношений, определяющая конкретный политический и правовой порядок, который становится легитимным и легальным, если, соответственно, данный порядок органичен социокультурному укладу общества и основополагающим социально-политическим принципам (последние, как правило, фиксируются в основных государственных законах, в писаных или неписаных конституциях). Например, ещё в Московском царстве, как отмечает Н.Н. Алексеев, русский народ имел свою собственную, неписаную конституцию, которая выражалась в его верованиях и воззрениях, обычаях и традициях. Она оказывала воздействие на

²⁸⁹ Арановский К.В. Аксиология правды в русском мировоззрении и государственное право // Правоведение. 2003. № 6. С. 191.

²⁹⁰ Там же. С. 192. «Для христианской монархии, – пишет по этому поводу Л.А. Тихомиров, – естественное право особенно не отрицаемо... мы во всех монархиях видим особенное внимание к так называемой “справедливости”, которая именно стоит **в соответствии с правдой и правом** нравственным, а не юридическим. В аристократиях и демократиях, напротив, господствует юридическое понятие права» / Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 356.

²⁹¹ Краснов М.А. Указ. раб. С. 61.

формирование государства, на осуществление государственной власти, задавала последние параметры функционирования и пределы её деятельности²⁹².

«Демократическая система» - это понятие, связанное с конкретной цивилизационной моделью государства и политико-правового процесса, основанные на социокультурных традициях западного общества. И с нашей точки зрения является не универсальным шаблоном организации деятельности государственной власти и публично-властного взаимодействия всех его субъектов, а уникальным, культурным явлением определённого общества. Ещё П.И. Новгородцев отмечал, что демократия должна «рассматриваться как одна из форм правового государства», что демократия и правовое государство – это явления не одного порядка²⁹³. Поэтому коренная перестройка всего государственного организма, без адаптации чужеродных институтов к национальной жизни, политическому сознанию, без создания необходимых социально-экономических, политических условий – невозможна.

Отечественная традиции и политико-правовые формы обеспечения социокультурной целостности и государственного единства	Перспективы развития государственности и этнокультурной целостности, восстановления социально-политической стабильности, устойчивости и адекватности социально-властного взаимодействия (в
--	--

²⁹² *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 2000. «Московская монархия, – писал он, имела, разумеется, свою неписаную конституцию, однако эта конституция своё торжественное выражение имела не в хартиях и договорах, не в законах, изданных учредительным собранием... а в том чисто нравственном убеждении, что порядок, устанавливающий характер внешней мощи государства и его распорядителей... установлен свыше, освящён верой отцов и традициями старины» / *Алексеев Н.Н.* Современное положение науки о государстве и её основные задачи / Русский народ и государство. С. 529. См. об этом также § 2.1.

²⁹³ *Новгородцев П.И.* Демократия на распутье / Об общественном идеале. М., 1991. С. 544.

системе личность – общество – государство), формирование режима законности и эффективности государственной власти зависят от поиска социокультурной стратегии (о которой шла речь выше) обновления политической и правовой жизни российского общества, развития духовной и нравственной основы, поиска общественного идеала (идейно-концептуальной доктрины, отвечающей истории развития российского государства, его современному состоянию и условиям, а также будущим ориентирам). В противном случае, если правовое государство будет опираться на западную культурную модель, российскую государственность ждёт модель постоянно догоняющей модернизации, непрекращающегося/затяжного переходного этапа и т.д.

В этом контексте интересен евразийский политический проект модели отечественного правового государства – «гарантийное государство». В рамках этого проекта утверждается, что государственная система властвования должна быть основана на национальных политико-правовых традициях и социокультурном укладе русского народа, но в то же время не отречься от новейших юридических и политических достижений других цивилизаций. Это государство, отмечает Н.Н. Алексеев, «которое живёт, имеет историю, изменяется, движется, развивается. Жизнь его складывается из двух противоположных моментов – из постоянного, статического и из подвижного, динамического... Сочетание статики и динамики образует режим, который можно назвать *демократической идеократией* или *идеократической демократией* (курсив наш – авт.)»²⁹⁴.

Евразийский социально-политический проект предполагает построение государства с сильной государственной властью, с положительными правовыми обязанностями в отношении общества и государства (взаимного «социального служения») ²⁹⁵.

²⁹⁴ Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве / Русский народ и государство. С. 380 – 381.

²⁹⁵ См. об этом: Любашин В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Указ. соч. С. 275.

Причём противопоставление сильное государство – слабое общество характерно не для русской политической культуры, а для западной либерально-демократической традиции, когда в политической жизни общества выделяются два самостоятельных центра (полюса) – гражданское общество и государство. Либеральная концепция политического взаимодействия последних сводится к тому, что гражданское общество отгораживается «частоколом» естественных (неотчуждаемых) прав от государства. В рамках этого политического союза (основанного на естественно-правовом договоре) государство (государственная власть) выступает только в роли охранителя («ночного сторожа») и независимого арбитра.

Поэтому очевидно для западной логики политико-правового мышления, что преобладание государства над обществом, т.е. одного центра социально-политической жизни над другим, приводит к ослаблению самого общества. В свою очередь, усиление гражданского общества, его политической активности посредством созданных им же институтов ведёт к ослаблению претензий государства и подчинению его социальным нуждам.

В отечественной традиции сильное государство, как правило, связывается с сильной народностью, когда государственная власть и народ соединяются в некотором единстве, не противопоставляются друг другу, а основываются друг на друге: «Сильная государственность, – писал по этому поводу И.А. Ильин, – означает, прежде всего, сильную народность, и наоборот». Так, например резкое ослабление государства в 90-е годы, вызванное сменой элит, трансформацией советской системы властвования и переориентацией на либерально-демократические «рельсы» государственно-правового развития, в конечном итоге привело к ослаблению самого общества, резкому снижению политической и гражданской активности, к небывалому росту преступности, коррупции и т.п.²⁹⁶

²⁹⁶ См.: Плискевич Н.М. Российский социум девяностых (Размышления над книгой Л. Гордона и Э. Клопова) // *Общественные науки и современность*. 2002. № 2.

Причём в политических и правовых учениях и доктринах явно или косвенно, затрагивается тема социально-политического архетипа, «властного кода» (Ю.С. Пивоваров), ориентирующего русское государствоведческое мышление на воспроизводство в программных положениях силы русской власти. При этом социально-политический кризис ответственной государственной власти в национальных нормативно-ценностных представлениях, в повседневной (обыденной) практике *активизирует* деструктивные, конфликтогенные и рискогенные факторы и причины в развитии института государства, правовой и политической систем, публичной организации общества в целом.

В то же время силу государства не следует трактовать примитивно, как некую авторитарную или тоталитарную мощь, его чиновников, как процесс эксплуатации элитарным сословием общественного организма и проч. Обобщая отечественную социокультурную традицию, можно с уверенностью сказать, что усиление российского государства традиционно трактуется массовым сознанием в качестве:

1) главного ресурса преодоления кризисов и противоречий, обеспечения политической стабильности, восстановления режима законности и правопорядка, целостности и единства государственности;

2) объективного фактора активизации общественного потенциала, повышения политической активности личности;

3) необходимой предпосылки стабильного развития различных сфер жизнедеятельности общества (экономической, политической, правовой, духовно-культурной и т.д.);

4) внешнего и внутреннего фактора обеспечения этнокультурной целостности национального государственно-правового пространства;

5) условия, обеспечивающего взаимное социально-политическое служение в системе личность – общество – государство, где первичным является не разделение сфер и полномочий публично-правовых органов власти, не противопоставление различных политических субъектов и правовых

статусов личности – гражданского общества – института государства, а симфоническое (соборное, солидаристское) единство политико-правового пространства и «правообязывающая модель отношений» (Н.Н. Алексеев), ориентированных на решение общенациональных целей и задач.

Например, известный дореволюционный юрист и философ Н.Н. Алексеев отмечает, что гарантийное государство «обеспечивает осуществление некоторых постоянных целей и задач, что оно является государством с положительной миссией. Гарантийное государство противопоставляется, следовательно, государству релятивистическому, не ставящему перед собой никаких положительных целей, не имеющему никакой постоянной программы, не руководящемуся никакими стабилизированными принципами... в нем обеспечивается проведение в жизнь некоторых положительных социальных принципов, некоторой стабилизированной социально-политической программы, которая может рассчитывать на всеобщее признание со стороны людей весьма различных философских, научных и религиозных убеждений». Такое государство основывается на нравственно-правовых и духовных основах, утверждает «правду», как необходимый нравственный идеал и критерий оценки политико-правовой действительности. В нем утверждается «истинная» духовно-нравственная свобода личности, ибо «право есть та область духовно-нравственной жизни человека, которая имеет дело с тем, что человек “свободно может” и к чему он насильственно не принуждён»²⁹⁷.

Таким образом, следует признать, что сегодня наблюдается незавершённость социально-правовых и политических реформ государственной власти. Обновление отечественной системы институтов и структур власти, по справедливому замечанию О.В. Мартышина, должно опираться на «вариант культурно-политического и правового синтеза, который сочетал бы национальные и европейские традиции, сильную власть,

²⁹⁷ Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве / Русский народ и государство... С. 372 – 373.

социальную справедливость («государство правды») и свободу личности, плюрализм, правовое государство»²⁹⁸.

Современные направления совершенствования российской государственно-правовой организации и форм обеспечения этнокультурного единства

В конце XX века, по мнению известных исследователей отечественного государства Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, в развитии российской политико-правовой организации происходит восстановление устойчивой консервативной стратегии, а в политическом сознании россиян восстанавливается устойчивый «национальный посыл»²⁹⁹.

Более того, Институтом комплексных социальных исследований РАН под руководством М.К. Горшкова было проведено общероссийское социологическое исследование, которое показало, что консервативно ориентированные взгляды, социокультурные принципы понимания публично-властного пространства, традиционные ценности и системы социальных ожиданий «постепенно восстанавливают своё влияние на общество... Ценностно-смысловое ядро российского менталитета продолжает демонстрировать удивительную устойчивость и непохожесть. Даже в условиях системной трансформации российского общества, практически все аспекты и проблемы современного мира - демократия и рыночная экономика, свобода и социальная ответственность, отношения между личностью, обществом и государством – получают в России специфическое звучание и окраску»³⁰⁰.

Полученные результаты дают «веские основания считать, что степень глубины и темпы изменения российского национального самосознания под воздействием трансформационных процессов не столь велики, как об этом

²⁹⁸ Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10. С. 30.

²⁹⁹ Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Политические исследования. 2001. № 4. С. 37 – 38.

³⁰⁰ Горшков М.К. Граждане новой России: К вопросу об устойчивости и изменчивости общественного менталитета: тезисы доклада на семинаре РАН. М., 2005. С. 3 – 4.

принято... говорить и думать». Причём, по мнению группы исследователей, сегодня сохраняется общее консервативное ядро, которое «сохраняет удивительную устойчивость» при всех «отмываниях белых пятен» истории развития отечественной государственности в XX веке³⁰¹.

При этом основной доминантой развития правового и политического сознания соотечественников является «возвращение от западнических увлечений» либерализацией, демократизацией к «исконно российским представлениям» о власти, государстве, политике, праве, обществе, к нравственным устоям и образу жизни. При этом ведущими ценностями вновь становятся этнокультурное многообразие и единство, справедливость и духовно-нравственная ответственность.

Конечно, эти социокультурные ориентации носят сегодня двойственный характер. Так «представление об “особом пути России”, установка на патернализм, перекалывание ответственности за происходящее в стране на властные институты при демонстрации недоверия к ним и одновременно преданности государству, поглощённость индивида “социумом” - характерные особенности консервативного политического сознания населения России, вытекающие из её исторического опыта»³⁰².

В других социологических исследованиях, связанных с выявлением социально-политических предпочтений граждан, доминирующих политико-правовых идей и ценностей, а также с обобщением массовых оценок действующих политических институтов и политических ожиданий граждан, фиксируется наличие как модернизационных (содержание которых имеет очевидную национально-культурную специфику), так и консервативных политических установок.

Так, в социологических опросах общественного мнения, проводимых кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ в

³⁰¹ Там же. С. 1 - 2.

³⁰² *Попова О.В.* Консервативные ценности в стереотипах политического сознания // *Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): Сборник статей.* СПб., 2004. Вып. I. С. 215.

различные годы отмечается воспроизводство как устойчивых национальных политических образов и ценностей с преобладанием консервативных социокультурных представлений о развитии системы государственной власти, так и укоренение в политическом и правовом сознании россиян модернизационных представлений, которые специфически интегрированы с духовно-нравственными позициями граждан.

Например, в недавних исследованиях, проводимых под руководством Е.Б. Шестопаала, фиксируется особое значение такой ценности, как «сильное государство». Несмотря на то, что в специализированной литературе это понятие устойчиво связывается с авторитаризмом, ограничением свобод, политических прав, «свёртыванием» демократического вектора развития, стагнацией государственно-правовой системы, анализ полученных данных «показывает, что этот индикатор (ценность сильного государства – *авт.*) следует трактовать более осторожно... эта ценность занимает устойчивое центральное место среди других ценностей демократии. Очевидно, это связано с типом нашей политической культуры, которую можно назвать “государствоцентрической”»³⁰³.

Современных граждан более всего волнуют не вопросы институциональной конфигурации власти, различные инструментально-технические или экономические проблемы, а, напротив, вопросы, связанные с духовно-нравственным оборудованием властно-правового взаимодействия граждан: «Политико-психологические исследования выявляют более глубокие источники тревоги людей. Они связаны не столько с экономическими проблемами, хотя те и лежат на поверхности, сколько с *ощущением отчуждённости власти от общества, её несправедливостью и своекорыстием, отсутствием моральных опор*»³⁰⁴.

³⁰³ Шестопаал Е.Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // Полис. 2011. № 2. С. 22.

³⁰⁴ Там же.

В целом различные социологические исследования последних лет фиксируют ряд устойчивых социокультурных характеристик национальной политической культуры. К ним, прежде всего, следует отнести:

- *во-первых*, российское государство продолжает осмысляться, с одной стороны, в качестве сверхдержавы, играющей одну из ключевых ролей в международно-правовых и геополитических отношениях, выступающей в качестве лидера на евразийском пространстве, а с другой - за институтом государства в массовом сознании до сих пор «закрепляется» мессианская идея государственно-правового прогресса, основанного на сохранении этнокультурной целостности и духовно-нравственных императивов в политической и правовой жизни³⁰⁵;

- *во-вторых*, это доминирование идеократической характеристики государственно-правовой организации, предполагающей стремление к формированию идейных оснований, которые интегрировали бы этнокультурную систему, легитимировали (оправдывали) действующие правовые и политические институты, направляли политико-правовую деятельность органов государственной власти, а также формировали политико-правовую мыследеятельность конкретного гражданина, ставя «перед ним светлую цель подобно “коммунизму” недавнего прошлого»³⁰⁶.

Идейные основания современного российского государства представляют собой интегративное свойство целостной социально-культурной и политико-правовой жизни общества. Поэтому необходимость идейных оснований государства обуславливается пониманием современных целей, задач, приоритетов развития, существующих возможностей и границ политической и гражданской активности, тем самым представляя обществу целостный образ

³⁰⁵ См. об этом: *Попов Н.П.* Поиски национальной идеи России продолжаются // <http://www.old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/12780.html> [Электронный ресурс]. URL: www.old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/12780.html

³⁰⁶ *Вязовик Т.П.* Попытки консервативного синтеза в постсоветском идейном пространстве // *Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы* / под ред. О.Ю. Малиновой. М., 2011. С. 86.

тенденций и векторов государственно-правовой трансформации, несмотря на кажущуюся радикальность, несогласованность, противоречивость последних;

- *в-третьих*, устойчивой характеристикой российской политической культуры остаётся восприятие государственной власти в качестве главного «охранителя» национального единства и духовно-нравственной специфики национальной культуры. Так, например, даже в либерально-консервативных программах модернизации отечественного государства и права, экономики и культуры обосновывается, что общенациональной стратегией развития должна стать модернизация всех сфер общественной жизнедеятельности, однако последняя должна органически вырастать из отечественных культурно-национальных корней³⁰⁷.

Данные устойчивые характеристики политического и правового сознания российского общества являются, соответственно, ключевыми в современных политических программах трансформации и оптимизации властных отношений в современной России.

Но возникает вопрос: может ли успешно функционировать государственно-правовая организация и обеспечиваться этнокультурное единство в формате совмещения традиционных и инновационных форм развития?

В этом вопросе мы придерживаемся позиции высказанной известным западным политологом Ф. Закария: «мы всегда жили при смешанном правлении в аристотелевском смысле слова. У нас была демократия, но были и другие, недемократические элементы, которые всегда входили в состав смешанного общественного устройства, законов»³⁰⁸. Однако мы не согласны с его политическим наброском будущего развития политических режимов, а именно с тем, что «мы подходим к тому моменту, когда все они (различные смешанные элементы – *авт.*) смываются большой демократической волной»

³⁰⁷ Идеология модернизации как национальная идеология // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.niiss.ru/publications/russia/1997/6/ideol.htm> (дата обращения: 14.07.2012 г.).

³⁰⁸ Закария Ф. Неолиберальная демократия пять лет спустя: судьба демократии в двадцать первом веке // Логос. 2004. № 2 (42). С. 76.

³⁰⁹. Выше мы уже отмечали, что эта так называемая «волна» сегодня достаточно абстрактна и противоречива, что после этой «волны» восстанавливаются традиционные политические и социально-правовые практики публично-властного взаимодействия в обществе, а нанесённые «волной» институты, идеи и ценности адаптируются либо изменяются в соответствии с воспроизводимым в обществе социокультурным укладом.

Поэтому более объективной, лишённой универсально-утопического пафоса, можно считать позицию Велихана Мирзеханова, согласно которой современные процессы модернизации «переходных обществ все более оказываются под сильнейшим воздействием Запада и сводятся к освоению институтов и норм западной либеральной демократии. Однако процесс этот противоречив и неоднозначен, ибо ни одно из трансформирующихся обществ не в состоянии отрешиться от собственного прошлого, своих традиций и норм политической жизни» ³¹⁰.

Представляется, что оппозиция между традициями и инновациями является исконной в интеллектуальных построениях и в политико-правовой практике на протяжении развития политической и юридической мысли. В контексте развития государственно-правового пространства эта оппозиция не только «обнажала противоречия» в развитии, но и «стимулировала» качественную трансформацию последнего. Так, классическим примером могут служить политэкономическая теория К. Маркса и социально-политическая концепция М. Вебера. Первый обосновывал, что социально-экономическое развитие «первичнее» любых традиций и ценностей, которые «сметаются», объективно разрушаются в ходе изменений общественных отношений, при переходе от одной формации к другой ³¹¹. Второй, напротив, настаивал на том, что ценности, традиции, верования и т.п. обуславливают специфику

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ *Мирзеханов В.* Власть, демократия и «разумное правление» в переходных обществах // Логос. 2003. № 4-5 (39). С. 195.

³¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45.

хозяйственных практик, преемственность в развитии общественных отношений и проч.³¹²

При этом говоря о процессах трансформации (модернизации и консерватизме, традиции и инноваций в социокультурном развитии), следует учитывать следующие моменты:

Во-первых, это нелинейные, сложные и неоднозначные процессы, поэтому могут существовать и развиваться разные консервативные и модернизационные проекты, а также возможны варианты их совмещения (конвергенции) в политике государственной власти. Кроме того, эти процессы имеют различные этапы, стадии.

Например, говоря о модернизационном проекте трансформации публично-властных отношений, Рональд Инглхарт отмечает: «Каждый этап модернизации определённым образом изменяет мировоззрение людей. Индустриализация приносит бюрократизацию, иерархичность, централизацию в принятие решений, секуляризацию и разрушение традиционных стереотипов поведения. Становление постиндустриального общества отторгает бюрократизацию и централизацию и ориентирует людей на личную автономию и ценности самовыражения»³¹³.

Во-вторых, эти процессы всегда развиваются в контексте определённой социокультурной среды и, соответственно, имеют свою специфику и «локальные» (свойственные различным этнокультурным сообществам) закономерности развития, поскольку любая трансформация «осуществляется в конкретной социальной и культурной среде, причём людьми, у которых есть собственные привычки и взгляды, во многом унаследованные от прошлого.

³¹² См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. [Электронный ресурс]. URL: www.scilib.narod.ru/other/Weber/index.html/

³¹³ Инглхарт Р. Модернизация и демократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества. М., 2010. С. 165.

Значение этой среды и этих взглядов особенно велико, если страна в целом ещё не готова к переменам»³¹⁴.

Так, например, по данным международных социально-политических исследований, проведенных World Values Survey в 2007 – 2010 гг., современные постиндустриальные общества и демократические политические системы двигаются в более или менее одном и том же направлении развития, но социокультурные различия между ними не только не уменьшаются, но в ряде случаев только увеличиваются. При этом политологи и социологи, проводившие данные исследования отмечают: «Несмотря на то, что ценностные ориентиры могут меняться и меняются, они продолжают отражать историческое наследие общества»³¹⁵.

Ключевые ориентиры эволюции российской правового государства и этнокультурного развития в XXI веке

Одним из основополагающих ориентиров развития российского государства, с учётом вышеизложенного, выступает необходимость формирования правовой государственности как особого социокультурного типа политико-правовой организации общества), восстановление политической стабильности, устойчивости и адекватности социально-властного взаимодействия (в системе личность – общество – государство). В свою очередь, обеспечение режима законности и эффективности государственной власти зависит от поиска национальной стратегии обновления политической и правовой жизни российского общества, развития духовной и нравственной основы, поиска общественного идеала (идейно-концептуальной доктрины, отвечающей

³¹⁴ Красильщиков В. От авторитаризма к демократии на путях модернизации: общее и особенное // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества. М., 2010. С. 216.

³¹⁵ Инглхарт Р. Указ. раб. С. 173 – 181.

истории развития российского государства, его современному состоянию и условиям, а также будущим ориентирам).

В современной российской государственно-правовой действительности объективно проявляются три взаимосвязанные и взаимообуславливающие тенденции, которые выступают ключевыми ориентирами развития российского типа правового государства, обеспечения этнокультурного согласия и общественного единства.

Во-первых, это стремление к духовно-нравственному обоснованию государственной власти, социально-нравственной (идеократической) ответственности властно-управленческой элиты. Так, социально-политические исследования фиксируют, что в современном российском обществе доминирует не персоноцентричная модель легитимации (оправдания) государственной власти и харизматическая практика наделения лидера государства высокими духовно-нравственными атрибутами, а, напротив, присутствует потребность в формировании морально-правовой системы ответственности публичной власти и реализующих её лиц.

Политико-психологические исследования, проведённые группой исследователей под руководством Е.Б. Шестопада, выявили высокую степень тревожности людей, обусловленную, прежде всего, духовно-нравственным несовершенством действующей системы государственной власти и её представителей. Эти тревоги «связаны не столько с экономическими проблемами, хотя те и лежат на поверхности, сколько с *ощущением отчужденности власти от общества, ее несправедливостью и своекорыстием, отсутствием моральных опор*. Это “гуманитарное измерение”, связанное с ценностями, настроениями и моральным климатом, очень слабо проработано у модернизаторов». Эти основания системы государственной власти слабо проработаны и у современных консерваторов, о

чем будет сказано ниже, поскольку и действующая консервативная идейно-концептуальная платформа «не придаёт этим ценностям большого значения»³¹⁶.

Во-вторых, это требование интегрировать западноевропейские достижения в области прав и свобод человека, некоторые демократические ценности с социокультурной моделью политической организации и традиционными (исторически сложившимися) практиками публично-властного взаимодействия в системе личность – общество – государство. Так, целая серия социологических исследований фиксирует, что для отечественного политического сознания характерен «*органичный сплав*» национального традиционного мировоззрения и модернизационных ценностей, современных демократических требований к государственной власти и ее деятельности³¹⁷.

В этих исследованиях фиксируется, что государственная власть воспринимается сегодня гражданами «новой России» в качестве «инструмента реализации интересов общности в целом (причём устойчиво в российском политическом сознании и публично-властной практике приоритет отдаётся интересам общности, всего народа, социально-культурной целостности, а не интересам отдельной личности – *авт.*), гаранта обеспечения возможности её существования и развития (такое представление воспроизводится, как отмечалось выше, на всех этапах развития российской государственности как устойчивый социально-политический архетип – *авт.*), дав возможность каждому заявить о своих правах и по возможности, учтя интересы индивидов и отдельных групп населения, в своей практической деятельности оно (государство – *авт.*) должно руководствоваться прежде всего интересами общности как единого целого, как, впрочем, и любой человек или население целых регионов и крупные социальные группы. Для россиян не те или иные группы индивидов должны в борьбе друг с другом уметь отстаивать свои интересы, а *государство как выразитель общих интересов должно, принимая*

³¹⁶ См. об этом: *Шестопал Е.Б.* Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // Политические исследования. 2011. № 2. С. 22 – 23.

³¹⁷ См.: *Общественное мнение – 2008.* Ежегодник. М., 2008.

во внимание интересы различных субъектов, на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на благо народа как единой общности»³¹⁸.

В соответствии с этим, по нашему мнению, формирование идейно-концептуальной доктрины развития системы государственной власти должно реализовываться как на основе *консервативно-политического моделирования*, так и *с учётом глобальных (межцивилизационных) тенденций развития*³¹⁹. Дело в том, что современные критерии и индикаторы устойчивости и стабильности государственной власти в глобальном демократическом транзите становятся весьма рискогенными и конфликтогенными, поскольку «диктатура экономоцентризма» (т.е. основные показатели стабильности государства) связывается с развитием рыночных институтов и отношений, потребительского мировоззрения, устойчивого спроса и т.п., а не с качеством межличностных отношений, целостностью общественных систем и проч. Тотальность процессов политической стандартизации и государственно-правовой унификации на основе неолиберально-демократической парадигмы вызывает повсеместные системные деформации, порождает культур-цивилизационные противоречия, противостояния и конфликты. Иначе говоря, действующие параметры и индикаторы устойчивого развития государственности в глобализирующемся мире, представляемые в качестве универсальных и общечеловеческих, исторически себя не оправдали.

Поэтому идейно-концептуальная доктрина развития публичных институтов власти в XXI веке должна интегрировать как действующие международно-правовые требования и политические стандарты, так и традиционные ценности и принципы воспроизводства социально-политической целостности и устойчивости российского общества. Прав в этом плане У. Бек, отмечая, что при формировании будущей устойчивой модели государственно-

³¹⁸ Тихонова Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // *Общественные науки и современность*. 2005. № 6. С. 39.

³¹⁹ См. об этом: *Обретение будущего: повестка дня 2012*. М., 2011.

правового развития «следует заниматься вопросом, как цивилизации, не принадлежащие Западу, по-иному, чем он, планируют и представляют себе свои особые сочетания культуры, капитала и национального государства, а не предполагать, что они являются недоразвитыми вариантами некоего западного первообраза»³²⁰. Исследователь верно отмечает, что «политэкономическим мифом» XX века была идея, согласно которой рыночные механизмы и в целом капиталистическая система «перемелют» любую традиционную культуру, сформируют новое мировоззрение и адаптирует традиции и обычаи взаимодействия между людьми к требованиям экономической системы. Однако все больше стран, особенно государственно-правовые системы евразийских и восточных стран, которые, наоборот, «перемололи» западную политэкономическую систему и адаптировали рыночные отношения под требования своей цивилизации.

- *В-третьих*, это «тяга» на уровне массового политического мышления к восстановлению сильной государственности, в соответствии с восстановлением силы государственной власти. Причём конкретно-историческое проявление государственной силы имеет морально-правовой тип обоснования, в котором вертикаль ценностно-нормативной иерархии выстраивается от духовных, абсолютных истин и доминант к социальным. Законотворческая, правоприменительная и судебная деятельность государственной власти обрамляется нравственным содержанием и духовным долгом. Сильными в массовом восприятии являются те политические формы и правовые средства, опосредующие взаимодействие личности, общества и государства, которые основываются на духовно-нравственном служении и правообязанности, а формально-нормативный аспект общественного порядка трактуется в качестве вторичного, инструментального. Для современного массового политического мышления, как показывают социологические данные, «особое значение имеет такая ценность, как “сильное государство”».

³²⁰ Бек У. Власть и её оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 448.

В литературе по авторитаризму она нередко интерпретируется как один из наиболее явных показателей авторитарности. Анализ наших данных показывает, что этот индикатор следует трактовать более осторожно», поскольку он связывается не с авторитарным началом государственной власти, а с морально-нравственным. Поэтому «неоправданно отождествление коммунитаристских традиций нашей политической культуры с собственно авторитаризмом». Ратуя за усиление государственной власти, общество, прежде всего, предъявляет «серьёзный запрос на морально-политические ценности и, в частности, на идеи социальной справедливости», идеократической обусловленности властно-правовой деятельности, обеспечение и реализацию высоких духовно-нравственных (деонтологических) стандартов деятельности тех или иных должностных лиц³²¹.

Поэтому в отечественной политической и юридической мысли на протяжении всей истории реальное либо мнимое ослабление государства интерпретируется доктринальным, профессиональным и массовым политическим сознанием в качестве негативной тенденции, инициирующей деструктивные и конфликтогенные факторы и события, инволюцию (разрушение, упадок) правовой культуры и нигилизм. При этом кардинальное реформирование публично-правовых институтов власти традиционно приводит в России к ослаблению государства, к развитию функциональных искажений и деформаций в системе государственной власти.

Следовательно, в качестве устойчивой национальной тенденции можно выделить потребность в усилении институционально-правовой и социально-политической активности государства, в укреплении стабильности его властно-иерархической структуры, которые связываются с восстановлением порядка и контроля над территорией и обеспечением национальной безопасности, а в качестве доминирующего вектора развития российского властно-правового пространства – институционализацию в конкретно-исторических условиях сильной демократической государственности, идеократически обусловленной и

³²¹ См. об этом подробнее: *Шестопал Е.Б.* Указ. раб. С. 20 – 24.

стремящейся к установлению баланса между национальными интересами, потребностями (личности – общества – государства) и общемировыми достижениями.